

16+

Элла Златогорская

**Тени прошлого,
или
Синхронизация жизни**

Детективный роман

Из серии
«Юная пенсионерка расследует дело»

Книга 1

Санкт-Петербург
2020

УДК 82-31
84(2Рос=Рус)6-445
367

Златогорская, Элла.
Б90 Тени прошлого, или Синхронизация жизни. Книга 1:
Детективный роман / Э. Златогорская. — М.: Издательский
и книготорговый холдинг «Новая Страна», 2020. — 160 с.
(Из серии «Юная пенсионерка расследует дело».)
ISBN 978-5-907322-12-7

УДК 82-31
84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-907322-12-7

© Златогорская Э., текст, 2020
© Издательский и книготорговый холдинг
«Новая Страна», издание, 2020

Было ранее утро. Я проснулась от крика, шума, топота ног. Похоже, что-то случилось. Я посмотрела на мобильный телефон, с которым сплю: было около 6 утра. Быстро встала, накинула халат и решила выйти во двор. Заглянула в комнату к сыну, он тоже проснулся, но вставать ему было лень. Открыв входную дверь в наши так называемые апартаменты, я вышла в маленький предбанник. Дверь во двор была нараспашку. Во дворике толпилась уйма народу: люди в белых халатах, полицейские и жильцы. Хозяйка дома — пожилая, дородная Ольга Афанасьевна — полулежала в старом кресле. Возле неё крутился фельдшер и что-то давал ей выпить, медсестричка суежилась, мерила давление.

Ольге Афанасьевне было за восемьдесят, но она очень хорошо выглядела — ухоженная, элегантная, всегда с маникюром, при причёске, в украшениях. Я успела разглядеть только её бледное запрокинутое лицо. Над ней стоял, опираясь на тросточку, её муж Николай Степанович, который был немного моложе её, но выглядел существенно старше. На него жалко было смотреть, он всё пытался сказать жене что-то успокаивающее, но не мог, — губы дрожали, язык заплетался. Полицейские же в форме, а их было двое, склонились над чьим-то телом, которое нелепо возлежало на большой старой добротной кровати-качалке. На столе стояли разнокалиберные пустые бутылки из-под алкоголя, всякая снедь на тарелках, окурки в стаканах — вид, конечно, был неприглядный.

Я так и застыла на единственной ступеньке, не решаясь сделать шаг. Всего один шаг во двор... как будто эта сту-

пенька могла меня защитить от всего того, что творилось там. Я ничего не понимала и заспанными глазами смотрела на всё это, содрогаясь от одной мысли: произошло что-то ужасное. Но, не дав опомниться, ко мне подошёл один из мужчин в штатском и взял меня в оборот. Отвёл в другой конец двора. Я успела только увидеть, как двое полицейских выводили со двора одного из мужчин, приехавших отдохнуть и живущих в соседнем домике в этом же дворе. Я была заинтригована, в замешательстве и ничего не понимала.

Но начнём сначала. Волею судьбы я оказалась в одном южном приморском городе. Воля судьбы — это желание моего младшего сына. Он решил, что в этом городе он может начать продвигать свой бизнес и Крым для этого прекрасно подходит. Времена нынче трудные для малого бизнеса в Москве — надо ещё параллельно что-то открывать. И вот мой отпрыск приехал на полуостров, арендовал дом на весь курортный сезон, куда и я, его мамочка — юная пенсионерка — благополучно прикатила с его разрешения. Парень он холостой, и мама ему никак не мешает. Мамочка — это я: очаровательная, обаятельная, неотразимая Эллочка, мать двоих сыновей, которую совсем недавно торжественно выгнали на пенсию. А самое смешное — из пенсионного фонда, где я трудилась в отделе клиентской службы и была на хорошем счету. Я ведь ещё советской закалки, и с людьми находила общий язык: с бабулями и дедулями общалась по-хорошему, всё им объясняла и помогала в сборе документов. Но нашего бывшего руководителя отдали под суд за его махинации с материнским капиталом. Пришла новая начальница, и всем тем, кто работает давно и кому уже пора на пенсию, дали хорошего пенделя и отправили в свободный полёт. Закон есть закон, и мы ушли, освободив место молодым. Я знала, что всё к этому идёт, я и так уже лишних пару

лет проработала, потому возражать не стала. Да и не могла, если бы даже захотела. Нас таких, которых торжественно выпроводили, было пять человек. Ну и оказались мы на свободе, не зная, что же с этой свободой делать...

Так вот, меня зовут Эллочка. Именно так — уменьшительно-ласкательным именем — зовут меня все мои близкие и друзья. Так пошло с лёгкой руки моей мамы, царствие ей небесное. Одна беда: когда я знакомлюсь с мужчинами, они вдруг начинают проявлять свои недюжинные познания в отечественной литературе: «Вы случайно не людоедка, меня не съедите?» У меня создаётся впечатление, что всё, что они читали, — «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова, и знают только Эллочку-людоедку. А некоторые даже и не читали, а только фильм смотрели.

Я — вдова уже десять лет, и подруги периодически знакомят меня с какими-то мужчинами. Но, увы, тонкие струны моей ранимой души никто из них не задел. Видите, какая я классная — даже иронизирую над собой. Так вот, жильё, которое арендовал сын, трудно назвать отдельно стоящим домом. Участок большой. Но при этом поделён странным образом: беспорядочно застроен. Но, как всегда, оказалось, что беспорядок — это строго продуманный порядок, ведомый одним хозяевам. Нам с сыном достался первый этаж трёхэтажного особняка, не побоюсь этого слова. Из тамбура-предбанника вела лестница на второй этаж, где жили хозяйка — Ольга Афанасьевна и Николай Степанович. На третьем этаже жил их тридцатилетний внук Андрей с женой Ирой и маленькой дочерью. А мансарда раньше использовалась для вечеринок, там стояли столы для игры в бильярд и настольный теннис, но с некоторых пор мансарда находилась в запустении. На территории двора ещё были два дома: одноэтажный, который отделял наш дворик от заднего двора и маленького садика. В этом домике периодически

менялись жильцы, приезжали и уезжали отдыхающие. А в начале двора стояло двухэтажное здание, которое выполняло две функции. Первая — жилая, со двора вела лестница в комнаты, где обитала вот уже без малого семь лет семья спокойного и мирного жителя ближнего зарубежья, а на первом этаже, вход куда был с улицы и доступа во двор не имелось, располагался офис какой-то непонятной фирмочки — функция номер два.

Так что в этом доме под номером 15 на улице с красивым названием Яблонева одновременно проживало много народа. Хозяева хорошо потрудились в своё время и теперь пожинали плоды своих трудов в виде денежных купюр. К их маленькой пенсии прибавлялся в курортный сезон хороший месячный доход. И, надо отдать должное старикам, они помогали детям и внукам. Я же ничем не занималась, лишь читала свои любимые ироничные детективы, полные юмора, жизни и любви. А ещё ходила на пляж — выгуливала свои наряды на набережной. Иногда сын меня выводил в люди, то есть в мой любимый рыбный ресторан «Морская пристань», где я наслаждалась восхитительной свежайшей рыбой и морепродуктами. Иногда ко мне заходила Ольга Афанасьевна поговорить про жизнь. А жизнь у них была нелёгкой...

Старики-хозяева называли меня молоденькой вдовушкой — я ведь была ровесницей их старшей дочери. Мы с сыном были единственными, кто так надолго у них задержался, не считая квартирантов из ближнего зарубежья. Со временем с хозяевами у меня завязались приятельские отношения.

И вот, прожив у них в тишине и покое почти два месяца, я была потрясена тем, что увидела сегодня в 6 утра. Это был просто удар для меня... Не успела я всё как следует разглядеть, как меня сразу перехватил приятный мужчина в штат-

ском, лет сорока, представившись капитаном Золотарёвым Александром Сергеевичем. Помню, я ему ещё сказала: «Как Пушкина?»

— Мне все так говорят, — без всякого сарказма в голосе, даже как-то обречённо, ответил он мне.

Я сразу поняла, что с ним подружусь. В глазах у капитана читалась доброта и острый ум, я в первый раз видела такого интеллигентного мента. Вот так состоялась моя первая встреча с Александром Сергеевичем, который впоследствии стал моим хорошим другом в этом приморском городе. Я ему рассказала всё как есть. Накануне мы с сыном Глебом долго гуляли по набережной, зашли в мой любимый ресторан, поели мидий и барабульки и вернулись домой около часа ночи. Точного времени я не помнила. Во дворе гуляла компания. Хорошо я знакома была лишь с одним человеком — внуком хозяев Андреем, а остальные были новые жильцы. От Ольги Афанасьевны я знала, что они здесь на две недели — решили отдохнуть от работы и дома. А ещё Николай Степанович говорил, что приехала дочь из Москвы, что она гостит у них в одно и то же время в июле. Рассказывал, что она работает врачом в одной из московских клиник, что месяц назад выдала замуж свою дочь, то есть внучку стариков, что на свадьбу они поехать не смогли, так как Николай Степанович плохо ходит и Ольга Афанасьевна не могла оставить его одного. Всё это я выложила капитану и всё-таки решила спросить у него:

— Что произошло, капитан?

— Убийство!

— Убийство??? — ахнула я. — А я решила, что кому-то стало плохо и он умер или ещё что-то в этом роде.

Он покачал головой и твёрдо сказал:

— Убийство.

— А кого убили? — не унималась я

— Дочь хозяев, — тихо сказал капитан, чтоб не услышал Николай Степанович, который сидел в том кресле, где до этого полулежала Ольга Афанасьевна. А её, бедняжку, увезли в больницу — ей это было необходимо. Она находилась в тяжёлом состоянии. Мне было искренне жаль эту волевою, сильную духом женщину. Я даже не могу представить, как она выдержала все беды, которые на неё свалились. Человеческая природа — штука сложная. Смерть младшей дочери оказалась последней в череде её несчастий.

Ольга Афанасьевна и Николай Степанович мне потихоньку, дозированно рассказывали о своей жизни. Я была хорошим слушателем, не перебивала, давала им возможность высказаться, излить свою душу, и потом они видели, что я искренне интересуюсь их жизнью. Эти старики потеряли двоих детей. Старшая дочь лет 15 назад погибла в автомобильной катастрофе в Беларуси. За рулём был её муж, он получил тяжелейшие травмы и умер через три дня в больнице. Ольга Афанасьевна одна поехала в Беларусь, похоронила там свою дочь и зятя, забрала внука-подростка и привезла сюда, в этот приморский город, где она уже обосновалась со своей семьёй. Муж поддерживал её как мог, мальчика принял как родного внука. Но, как говорится, кровь — не вода. Старшая дочь Ольги Афанасьевны была ему неродной, девочку он не воспитывал и видел, только когда она приезжала к матери на каникулы из Беларуси. А потом, когда она выросла и вышла замуж, то изредка приезжала с семьёй к ним на море.

Старшую дочь Ольга Афанасьевна родила от скоропалительного брака с соседским мальчиком. По сути, молоденькая Оля, студентка педагогического техникума, выходила замуж не по большой любви — просто девчушка хотела иметь семью и такую добрую, прекрасную мать, как её свекровь. Мать своего мужа Оля знала с детства, всегда бегала к ней

за помощью и советом. Муж свекрови погиб на фронте, и она одна растила сына. Парень вырос умным, спокойным, образованным, что в этом маленьком белорусском городке было редкостью. Оля всегда тянулась к знаниям и, по примеру своей будущей свекрови, пошла в педтехникум. Она хотела быть учительницей, учить детей грамоте и доброте.

...Плодом этой странной дружеской любви и стала хорошенькая девочка — старшая дочь Ольги Афанасьевны. Пока Оля училась, свекровь смотрела за внучкой и, по сути, заменила ей мать. Ведя со мной беседы, Ольга Афанасьевна вспоминала своё безрадостное детство: маму расстреляли немцы, папа вернулся с войны, но контуженный и с осколком в теле. Начал пить, и война его догнала уже через пять лет после победы — он, пьяный, замёрз в сугробе. Оля осталась с бабушкой: одна потеряла сына, которым гордилась, другая — отца, чьей смерти стыдилась. Оля была правильной девочкой. Она не знала полутон — только чёрное и белое, серые оттенки для неё не существовали. Свою бабушку она дохаживала, смотрела за ней, как профессиональная сиделка, и в конце концов достойно проводила в мир иной единственного близкого ей человека. Стала налаживать свою жизнь, и свекровь ей заменила и бабушку, и маму. Ольга Афанасьевна очень тепло рассказывала о своей бывшей свекрови. А когда та умерла — поехала в Беларусь и вместе с дочерью и первым мужем похоронила хорошего человека. С бывшим мужем она сохранила хорошие отношения. И даже тогда, в далёкой молодости, когда он поехал на курсы повышения квалификации в Минск и больше не вернулся, встретив там любовь всей своей жизни, Оля была ему благодарна за мать и дочь. Она ведь тоже хотела встретить большую и светлую любовь, а муж ей был просто другом, просто сыном той женщины, которую она любила и уважала. Официально они развелись через год. Муж остал-

ся жить в Минске, а она — с дочкой и свекровью. Свекровь её никуда не отпустила, дала ей возможность доучиться — святая русская женщина, знающая цену жизни и смерти, любви и долгу.

...Дочь пошла в первый класс. У Ольги были мимолётные романы, которым она не придавала значения. Свекровь на это закрывала глаза. Главное для свекрови было, чтоб внучка жила с ней всегда. Что и случилось: старшая дочь Ольги Афанасьевна осталась с бабушкой в Беларуси. Ольга была хорошим педагогом, и ГОРОНО направило её на работу в школу военного гарнизона, расположенного неподалёку от их городка. Ольга вела уроки в начальных классах, преподавала историю в старших. Учителей не хватало. Вскоре старший начальник гарнизона ушёл на военную пенсию. Он был фронтовик и заслужил свои почести и уважение. Его достойно проводили. Устроили торжества, и он со своей семьёй уехал на свою малую родину. Долго ждали, кого же назначат новым начальником, ведь в военном городке начальник гарнизона — и бог, и царь. Своего рода мэр городка. Сарафанное радио донесло, что к ним назначили подполковника из Москвы. Что женат, поселился в квартире прежнего начальника. Что приехал пока один, а семья — жена и сын — приедут позже. Ольга не была знакома с военными. Обычно она общалась с мамами ребятшек и очень редко с папами — только тогда, когда в клубе проводились мероприятия. Её ученики выступали на всех праздниках. Она очень уставала — домой приходилось добираться на стареньком автобусе и долго его ждать (только иногда их всех, гражданских, довозили на транспорте гарнизона). Но дети Олю никогда не тяготили. Она любила их и занималась с ними от души, однако на своего ребёнка ей не хватало времени. Уставшая, она приезжала домой, когда дочь уже спала, искупанная и накормленная любящей бабушкой. За

учёбу дочери Ольга нисколько не переживала — свекровь, педагог с большим стажем, уделяла внучке очень много внимания. Так и текли её дни-часы, пока она на новогоднем празднике в клубе лицом к лицу не столкнулась с новым начальником гарнизона. Искра, вспыхнувшая между ними, запылала ярким огнём любви в её сердце. Она поняла, что встретила мужчину своей мечты, и окунулась в эту любовь полностью.

Белокурая Ольга и статный подполковник были красивой парой. Им казалось, что об их романе никто не знает, но весь городок шептался и наблюдал за этими отношениями. Подполковник забыл о семье. Ольга забыла о дочке. Они думали только о своей любви и о страсти, которая их захлестнула. Ольга почти в открытую жила у подполковника в квартире, пока заместитель по политической части не вызвал его на откровенный разговор. О чём они говорили, история умалчивает, но уже в конце мая приехала жена подполковника с сыном, и семья воссоединилась. А Олино сердце истекало кровью, душа рвалась на части. Плакала она втихомолку, где-нибудь в саду или парке, чтоб её никто не видел.

Как-то поздним июньским вечером шла она с работы, думая о том, что рухнула жизнь в очередной раз, и горько плакала, когда её догнал молоденький лейтенант. Он тронул Ольгу за плечо и тихо сказал: «Я буду рядом с вами всегда!» Это был Николай Степанович. Так началась новая страница её жизни. Они родили ещё одну дочь, а через несколько лет и сына. В школе Ольга теперь не работала, подполковника — любовь всей своей жизни — больше не видела. Она вырвала его из своего сердца болезненно, по кусочкам, но вырвала всё-таки, хоть и истекая кровью. Рана заживала долго, но зарубцевалась и больше не давала о себе знать. Время и терпение вылечили её сердце. Ольга Афанасьевна и Николай Степанович жили тихо, спокойно, мирно, как все

советские люди, приспособлялись к обстоятельствам и системе, с которой и не пытались даже бороться, если возникала в этом необходимость. Они много колесили по гарнизонам, пока не осели в этом приморском городе.

В ходе наших неспешных бесед с Николаем Степановичем во время наших совместных перекуров во дворе я многое узнала и услышала от него. Он неизменно восседал в своём любимом, уже изрядно обветшалом кресле с неизменной сигаретой во рту. Тихо попыхивая папиросой (он курил только «Беломор»), Николай Степанович рассказывал мне о своей жизни.

— Я ведь детдомовский.

— Детдомовский? Почему? Ваши родители погибли? — бестактно спрашивала я.

— Нет. Меня бабушка отдала.

— Боже мой, родная бабушка. Это ужасно! Наверное, у неё были веские причины, — предположила я.

— Нет. Дело в другом, — сказал Николай Степанович и замолчал надолго. Потом, прикурив новую папиросу, продолжил: — Ещё года мне не было, когда мама умерла. Это я всё потом узнал... И бабка меня сдала в детдом.

— И кто же вам сказал? — любопытничала я — уж очень интересно было узнать историю этого нелюдимого человека.

— Нянечка у нас была одна в детдоме, и, сколько помню себя, всё она со мной возилась, вот и я к ней привязался. Полюбил её, всё бабушкой звал.

— Вам повезло, Николай Степанович, — хорошая женщина встретилась.

— Повезло, девонька... Повезло, что жив остался, что баба Люба меня полюбила. Повезло, что в детдом отдали — с голода не помер. Война. Я же сорок второго года. Трудные времена были, тяжело людям пришлось.

— А папа ваш, Степан, на войне погиб? — всё продолжала я доставать старика.

— Не было у меня никакого папы. Отчество мне дала баба Люба — нянечка. В честь батьки Степана — был такой командир партизанского отряда в наших краях.

— Какая хорошая эта баба Люба! Долго она вас опекала?

— Да, она очень хорошая была, — опять замолчал Николай Степанович и прикрыл свои глаза. Я не стала больше тревожить его в тот день. Он думал о чём-то своём.

На следующее утро после завтрака я вышла опять подышать, а Николай Степанович уже занял свою позицию. На столе аккуратно лежала пачка папирос, спички (зажигалки он не признавал) и пепельница — на землю он никогда не стряхивал пепел и не бросал окурки. Тросточка была прикреплена к столу. Старик был чисто выбрит, пострижен, в светлой рубашке, сидел прямо в своём кресле и курил. Мне даже как-то неловко стало за свой вид в домашней одежде.

— Вы никак на свидание собрались, Николай Степанович? — пошутила я.

— А почему бы и нет? Ты деваха видная.

— Так вы ко мне на свидание? — улыбнулась я. — Предупредили бы, я б хоть намарафетилась чуток.

Мои ментоловые сигаретки его раздражали, но старик терпел. Судя по всему, я была его единственным собеседником. И как-то он с сожалением сказал, что будет скучать без меня. «А оставайся-ка здесь на зиму. Зачем тебе холодная Москва?» — всё время предлагал он мне.

— Как ваше самочувствие? Какое сегодня давление?

— Живой, и хорошо. А ты позавтракала? Небось, опять свою овсянку ела?

— Да. Худею же, — рассмеялась я в ответ.

— Ты вчера спрашивала, долго ли меня опекала баба Люба? — без всяких предисловий начал свой рассказ Ни-

колай Степанович. — Всю жизнь свою. Даже в армию мне писала. Но на похороны её я не попал... Мне потом сердобольные её подруги сообщили, когда письма мои у неё нашли.

— Вот жизнь... — проямлила я.

— До четырнадцати лет я жил в детдоме, потом нас всех, мальчишек-одногодок, перевели в ПТУ, на токарей учиться. А кличка, которую мне дали ещё в детдоме, так и сохранилась за мной. Обидно было.

— Ну, всем детям дают кликухи, особенно мальчишкам. Зачем было обижаться? — попыталась утешить я его.

Николай Степанович задумался и опять надолго замолчал. Я уже хотела уходить, когда он громко сказал:

— «Немец». «Немец»! «Немец» — моя кличка была. Лет с трёх так и звали...

Я опешила, не в силах что-то выговорить.

— А почему «Немец»?

— Эх, девонька, девонька, я и сам себе задавал этот вопрос, а потом всё у бабы Любы спрашивал. А она мне сказала: «Потому что аккуратный, чистенький, всё у тебя по полочкам в тумбочке разложено, вежливый ты — вот тебя потому и “Немцем” кличут».

Я молчала и смотрела на него во все глаза, ждала продолжения. И дождалась, только через несколько дней.

...Прошёл июньский дождик. Мой Глеб укатил по своим делам. Я вышла во двор и зажмурилась от такой благодати. Розы цвели разными буйными красками, а запах стоял такой невероятный и густой — хоть режь ножом, как масло. Ольга Афанасьевна спешила в церковь на вечернюю молитву, а я осталась с Николаем Степановичем в надежде на продолжение нашего разговора. Предложила старику чаю, и он неожиданно согласился, хотя обычно отказывался. Я удивилась и побежала на кухню, приготовила нам всё необходимое для

чаепития, вышла с подносом во двор, и под вкусный ароматный чай потекла наша беседа.

— Николай Степанович, а откуда эти нянечки и воспитательницы знали, какие немцы бывают? По Европам же они не ездили, — начала размышлять я.

— Да, не ездили, ты права. Зато немцы бывали у нас. В нашем шахтёрском посёлке они расселились по хатам, а комендатура была в поссовете.

— Я много читала про оккупацию, как людей расстреливали, обирали.

— Они тоже люди, и тоже разные были. Баба Люба говорила, что у них поселился молоденький офицер, помогал им и едой, и дровами. По-человечески вёл себя. У бабы Любы мужа в первые дни войны убило, а сын в полыньи утонул в сорок первом — хотел рыбы наловить. Подросток был, затянуло. Вот такая беда была у моей бабы Любы. Дочь от тифа умерла, — продолжал старик. — Умерла уже потом, как Красная Армия освободила эти места. Одинокая она была, моя баба Люба, — в грустных, некогда голубых глазах Николая Степановича стояли слезинки. — Я всё время бегал к бабе Любе, когда учился в ПТУ. А когда мне исполнилось 16 лет и пришло время получать паспорт, она сделала мне подарок — купила костюм (по тем временам роскошь большая), и сказала, что мне надо поменять фамилию на её и что она мне отписывает свой домик. Так и сделали. И стал я Куприянов Николай Степанович, и завещание на всё своё имущество она написала на меня. Вот такая она была, моя баба Люба.

Всё это мне Николай Степанович рассказывал с перерывами. Потом на целую неделю прекратились наши беседы. Я вела светскую жизнь. В городе провели кинофестиваль. Я старалась попасть на мероприятия, посмотреть конкурсные фильмы, сфотографироваться с любимыми артистами.

Как-то раз, когда я пробегала через дворик, старик меня окликнул:

— Что бегаешь туда-сюда? Или дымить бросила?

— Не бросила. Курю, курю. Дурацкая привычка. Просто по кинотеатрам и концертам бегаю. На море, когда успеваю. Курю на ходу, — оправдывалась я перед дедом.

— Так нельзя. Курить тоже надо уметь. Надо сидеть и размышлять.

— Пока, Николай Степанович, — спешу. Завтра с утра чай попьём с мятой, о,кей?

— О,кей, о,кей, — улыбнулся он.

Во дворе в хозяев росло много мяты. И аромат роз смешивался с ароматом этой душистой травки, отчего всё вокруг благоухало.

...На следующий день я вспомнила своё обещание и решила почаёвничать со стариком. С утра вынесла во двор поднос с разными вкусностями к чаю и заварила ароматный напиток с мятой и чабрецом. Я с удовольствием ждала продолжения нашей беседы. Николаю Степановичу хотелось излить душу, вспомнить далёкие дни. А мне нужен был материал для моих будущих книг (я писала иногда для себя, в стол).

— Хороший чай, — изрёк дед. — Я тебе хочу рассказать самое главное из моей жизни, об этом не знает никто, кроме Ольги Афанасьевны, и то я ей это рассказал только в 90-х.

Сказать, что я была удивлена, — это не сказать ничего. Или я у него вызвала безграничное доверие, или просто была транзитным пассажиром, которому можно всё рассказать и забыть. Я прикусила свой язычок и ждала.

— Когда мне исполнилось 18, перед самой армией (а тогда в армии служили три года), я уже жил с ней, с бабой Любой. Она очень сильно болела, я за ней ухаживал. А она всё обо мне заботилась. Так вот, за пару дней до моего призыва

она завела меня в маленькую комнатку за сенями и сказала, что именно здесь, в этой комнате, я и появился на свет перед их рождением.

Он опять надолго замолчал. А я, глупая женщина, спросила:

— Перед их? Чьих «их»?

— Да перед католическим, немецким рождением, — вымолвил он. — Перед рождением моего отца, — горько произнёс Николай Степанович.

История была такова: квартировал у бабы Любы молодой немецкий офицер, и завязался у него с её дочерью роман. Дочь была молоденькая, глупенькая, и забеременела. Немец знал об этом, но они оба скрыли это от бабы Любы. Баба Люба заметила округлившийся живот дочери только тогда, когда уже было поздно что-то предпринимать. Немца перебросили на Восточный фронт. Они прощались так, что матери стало жаль дочь и обидно за её судьбу. Она не выпускала свою кровинушку из дому, чтоб никто её не видел, — боялась огласки. Роды приняла сама. Дочь с ребёнком выходила погулять только в огород и только поздно ночью.

...Но шила в мешке не утаишь, и кто-то из соседей прознал про ребёнка, а когда пришла Красная армия — освободительница, — тут же всё и доложили уже нашей советской власти. Дочь бабы Любы судили как предателя Родины и сослали в Сибирь. Там она и умерла через несколько лет от какой-то неведомой болезни. Ребёнка баба Люба надёжно спрятала на хуторе у своих дальних родственников. И маленький Коля (а это был он) остался жить на грешной земле вопреки всем бедам.

Прошло время. Мальчик Коля стал Николаем Степановичем, и у него уже рос свой сын. Его Николай Степанович не просто любил, а боготворил, но при этом не баловал. Ольга Афанасьевна вложила в сына душу. Парень вырос

настоящим мужчиной со стержнем и своими принципами. Дочка же, которая родилась позже, была тихой девочкой, хорошо училась и сама решила стать врачом. Она родителям не доставляла никаких хлопот. После школы дочь уехала в Москву и поступила в медицинский институт. С отличием окончила, и её оставили работать в столице...

...Боль от утраты старшей дочери у Ольги Афанасьевны постепенно утихала, пока ещё один мощнейший удар не перевернул их жизнь.

— Знаешь, почему дед такой больной? Он ведь после инсульта, — всё вздыхала Ольга Афанасьевна. — Не смог перенести смерть нашего сына, Лёши. Он ведь на его руках умер.

— А я думала, что он погиб, — тихо промолвила я.

— Умер. Просто умер. Тромб. Сын-то здоровый был, спортивный, а смерть настигла его в одночасье. Всего сорок лет исполнилось... Неотложка долго ехала.

— Боже мой, город же маленький! Почему долго-то?.. — невнятно лепетала я.

Говорить с женщиной, у которой умерло двое детей, очень тяжело. Не знаешь, как себя вести, — почему-то чувствуешь себя виноватой.

— Умер, просто умер. Три года прошло, а как вчера. Каждую неделю в церковь хожу. На могилу хожу. Вроде бы легчает немного, — спокойно сказала Ольга Афанасьевна. — Жена Лёшина с детьми через сорок дней ушла в квартиру свою жить. А Лёшка квартиры не любил, ему дом нравился. Жена Лёшина — обрусевшая литовка, спокойная, рассудительная. Извинилась и сказала, что не может жить здесь без Лёши, и ушла. Мы им помогаем. А дед совсем плохой, я его ещё год выхаживала после смерти сына. Всё забывает, не знает, что говорит, — всё рассказывала мне эта женщина-кремень.

...И вот в сегодняшнее летнее утро беда ворвалась в этот тихий дворик у моря. Убийство последнего ребёнка стариков... Непоправимое горе. Я очень боялась, что они такого просто не переживут, эти несчастные старики. Наташа была на несколько лет старше своего брата, и родители молились на неё — одна она у них осталась. И такой ужасный конец — смерть в родительском доме. Говорят, что родительский дом — лучшая колыбель, вот Наташа и заснула в этой колыбели навсегда.

Полиция увезла труп и забрала одного из постояльцев. Также телефон и личные вещи Наташи. Всем жильцам этого дома велено было никуда не отлучаться, так как каждый из нас находился под подозрением. Во дворе дежурила пара полицейских, чтоб предполагаемый убийца не ударился в бег. Капитан Золотарёв сказал всем собравшимся:

— Убийца среди вас! Калитка была закрыта на ключ и задвижку — значит, убийца здесь, в доме. Всем никуда не отлучаться. Сейчас приедет эксперт и снимет с каждого отпечатки пальцев.

Все молчали.

— Но минэ же работать нужен, — произнёс гость из ближнего зарубежья, который уже семь лет снимал жильё у стариков.

Глупо хихикнула жена внука Андрея — Ирка (менеджер, или иначе, по-русски, просто продавец в продуктовом магазине). Золотарёв зыркнул на неё и ответил парню, чтоб позвонил своему работодателю и всё объяснил, а он даст справку в подтверждение. А я не выдержала и отчитала Ирку:

— Он хоть может говорить на твоём языке. А ты на его сможешь, что хихикаешь? Ты даже русский язык толком не знаешь, а ведь он — твой родной. У тебя иногда не предложение, а просто набор слов.

Андрей молчал и ни слова не сказал в защиту жены.

Нелюбовь Ольги Афанасьевны к жене внука передалась и мне. На самом деле любил её только Андрей, все остальные воспринимали её как приложение к нему. Андрей — сын старшей дочери Ольги Афанасьевны. Ему чуть больше тридцати лет, очень спокойный, уравновешенный парень. Худой, с ёжиком русых волос и светло-серыми глазами. Уже больше пятнадцати лет живёт с бабушкой и дедом. Хоть Николай Степанович ему и не родной, но Андрей к нему со всем уважением. Называет дедом, помогает во всём: и ремонт в доме делает, и в саду возится. Несколько лет назад Николай Степанович подарил ему свою машину, так Андрей буквально летал от счастья. На самом деле у парня есть и родной дед — первый муж Ольги Павловны. Он живет в Беларуси, и они раз в месяц перезваниваются. Когда ещё родители были живы, Андрей часто с ним виделся, ходил на охоту, на рыбалку, ездил по гостям. До встречи со своей женой Андрей работал в МЧС — сразу после армии его туда устроил Николай Степанович. Но потом этот брак — этот мезальянс, как говорит Ольга Афанасьевна, — разрушил жизнь Андрея. Родился ребёнок, в МЧС мало платили, и парень пошёл работать грузчиком в порт.

Ирка была из близлежащей деревни. Обычно деревенские девушки чистоплотные, домовитые, но Ирка оказалась исключением из правил: полная неумеха, неряха, невоспитанная и необразованная девица. Из деревни она выбраться смогла, но деревня из неё так и не ушла.

...Мы все остались во дворе. Расходиться никто не хотел — не могли оставить несчастного старика, и Андрюха был убит горем.

— Александр Сергеевич, — окликнула я капитана, — а убрать со стола можно? Да и двор надо немного привести в порядок.

— Можно, Элла, — изрёк «сыщик Пушкин».

— А отпечатки со всех предметов сняли? — умничала я.

— Ой, какая вы продвинутая, — иронизировал капитан. — Со всех. Что нужно — сделано. Убирайте.

— Конечно, продвинутая. Детективы ведь читаю.

— Небось женские, лёгкие? — опять с иронией спросил капитан.

— Всякие разные. Но больше всех книжных детективов я люблю о Ниро Вульфе — великом сыщике Рекса Стаута.

— Ого-го! — капитан аж остановился. — Ну и познания у вас. А я думал, что про Шерлока Холмса скажете и миссис Марпл. По ящику показывают сериалы про них.

— Я телевизор не смотрю, — обиделась я и ушла.

«Вот молокосос», — подумала (вслух, конечно, не произнесла). Не видит, что ли, что перед ним взрослая тётка. Ещё и подкалывает. Я очень разозлилась на этого мента. Сколько мне лет, он прекрасно знал.

У всех жильцов собрали паспорта. Женщины — я, жена гостя из ближнего зарубежья и одна из новых отдыхающих — стали убирать со стола. Ирку отправили за ребёнком смотреть — всё равно от неё никакого толку. Мужчины же разбрелись по своим комнатам. Только Андрей сидел рядом с дедом. На Николая Степановича было жалко смотреть.

Наконец, ближе к вечеру, появился дактилоскопист и у всех снял отпечатки пальцев. Потом пришёл капитан Золотарёв и по очереди беседовал с каждым из нас. Моего сына расспрашивал о вчерашнем вечере, о жильцах. Ничего нового Глеб ему не сообщил, так же как и я. Думаю, что остальные жильцы тоже ничего не добавили. Внук Андрей собрался навестить бабушку, я напросилась с ним. Капитан нам разрешил.

Больница производила удручающее впечатление. Здание было ещё довоенной постройки, с колоннами и балкончи-

ками. А внутри — сплошное убожество. Ремонт не делался ещё с советских времён. Ничего не изменилось, за исключением оборудования, — оно как раз в этой больнице было новейшее. По федеральной программе сюда завезли хорошую технику, а деньги на ремонт, скорее всего, муниципальные чиновники положили в свой карман — они иногда путают свой карман и государственный.

Ольга Афанасьевна — женщина всегда такая бодрая, умеющая держать прямо спину, — согнулась под тяжестью своего горя, осунулась, но глаза были сухие.

— Не могу плакать, понимаешь? — обращалась она ко мне. — Не могу, и всё. Хочу — и не получается.

Я, как могла, утешала её, но откуда взять слова, которые способны утешить женщину, у которой смерть забрала последнего ребёнка? Одного ребёнка забрала катастрофа, другого — болезнь, а третьего — злая воля какого-то человека.

Ольга Афанасьевна разговаривала чётко, мысль работала хорошо. У неё отнялись только ноги. Она не могла никак встать и передвигаться на своих ногах. Говорила она обдуманно, правильно, но страшные слова, которые произносила эта женщина, вызывали у меня сомнения в её умственном состоянии.

— Это Бог меня наказал! Забрал у меня детей, всех!!! Это я виновата... Хоть ходила в церковь, просила, умоляла пощадить, замаливала, как могла, свой грех, — тихо себе поднос шептала она.

— Успокойтесь, Ольга Афанасьевна. В чём это вы виноваты? Судьба такая. Убийцу обязательно найдут, — утешала я её как могла.

— Кто будет искать? И что это изменит? Моих детей уже нет, а я живу. За что? Я знаю, я знаю, — как заклинание повторяла бедная женщина, при этом руки её дрожали.

В палату вошёл Андрей, но один. Сказал, что уже поздно, и в отделении только один дежурный врач, что надо вернуться сюда утром и поговорить с лечащим доктором.

— Андрей, — схватила Ольга Афанасьевна внука за руку, — а Алине, внучке, позвонил?

— Нет, — Андрей покачал головой.

— Не звоните никто. Я сама. Завтра сама сообщу ей, — упавшим голосом произнесла Ольга Афанасьевна.

Острая волна жалости накрыла меня. Я никогда за эти два месяца не видела её такой слабой и беззащитной. Даже когда она рассказывала о своих умерших детях, на лице её мелькала светлая, грустная улыбка, вызванная воспоминаниями. Обычно жалость у меня вызывал дед, хоть он и пытался выглядеть бравым воякой. Но с первого взгляда было видно: он сильно болен, да ещё и любитель залить своё горе алкоголем. А тут железная Ольга совсем сдала. Хорошо хоть жива и здраво мыслит. Я попыталась её покормить, но она отказалась. Только воду пила.

— Андрей, узнай у милиционера: как мне Наташу увидеть? — она по привычке полицию называла милицией. — В каком морге она. И коляску инвалидную найди — сама ходить пока не смогу. Где-то в прокате дают. Помнишь, мы деду брали? Ты уж подсоби ему, Элла, — обратилась она ко мне.

Я ей лишь кивнула в ответ. Меня уже всё этого тяготило, и я поднялась со стула.

— Идите уж, идите, — удручённо сказала Ольга Афанасьевна, а потом будто спохватилась: — А как там дед? Жив ещё?

— Жив, жив, — ответил Андрей. — Трясётся только и бормочет что-то.

И мы ушли.

После программы «Время» все постояльцы дома собрались за тем самым злополучным столом. Решили провести

собрание без следователей и полицейских. Охрану сняли, но паспорта не вернули. Деда не было — ему дали лекарство и уложили спать. С ним сидела сноха — жена Алексея. Конечно, отсутствовал и тот бедолага, которого забрали полицейские. Его друг был как в воду опущенный и уже успел принять на грудь. Так что за столом собрались: Андрей с женой Ирккой, я с сыном Глебом, гость из ближнего зарубежья со своей женой и жильцы-отдыхающие, вновь прибывшие, — друг подшофе и семейная пара. Вновь прибывшие жильцы были приблизительно одного возраста — лет 40–45. Супружеская пара приехала с сыном, мальчиком лет 8–9. Ребёнка отправили в дом смотреть мультики (или что они сейчас смотрят или играют). Все сидели за пустым столом и не знали, с чего начать, но неожиданно появился капитан Золотарёв. Его визит все восприняли настороженно, ведь сказанные им слова о том, что среди нас есть убийца, у всех отпечатались в памяти большущими буквами.

— Как вы здесь очутились?! — вскрикнула я. — Я сама закрыла калитку — свои все дома. Мы проверили.

— У меня есть ключи, — сказал капитан спокойно.

— А откуда они у вас? — не отставала я от него.

— Элла Глебовна, — чётко указал он мне на моё место, — вам это необязательно знать.

Капитан сел во главе стола и попросил нас тоже занять свои места. Что мы и сделали, только милейшая жена гостя из ближнего зарубежья приготовила чай и разлила всем (восточное гостеприимство и воспитание выделось в каждом её поступке). Расставив чашки, она смиренно села возле своего мужа.

— Так вот. Каждого из вас я допрашивал по отдельности. Теперь же буду задавать вопросы всем, а вы отвечайте. Ясно?

— А почему допрашивали? Мы не обвиняемые! Просто опрашивали, — влезла я не к месту.

— Ясно, Элла Глебовна?! — рявкнул капитан, не обращая внимания на мою реплику.

— Ясно, ясно, — пробормотала я.

Глеб дёрнул меня за руку и зашептал:

— Опять ты везде лезешь. Можешь ты замолчать, в конце концов!

Я затихла.

— Начнём с вас, — обратился капитан к гостю из ближнего зарубежья. — Во сколько вы пришли и где были?

— Я бил в квартиру, где ремонт делать. Не я один. Много нас. Дом здесь рядом, пешком ходить я. Уже шабаш, и я шёл дома, — гость безбожно путал окончания, но мысль свою мог донести.

Ольга Афанасьевна говорила, что они очень хорошие люди, узбеки. Когда-то Куприяновы жили в Ташкенте — Николай Степанович служил там и очень тосковал по тем местам.

— Когда я шёл, то видел машину парня с мамой, — продолжал узбек. — Они ехали в дом, а машин всегда оставлять у ворот. Они вдвоём зашли в дом. Это видеть, клянусь.

— Ясно, — перебил его витиеватую речь капитан. — А кто закрыл калитку?

— Я закрыть калитка. Всегда. Хозяйка так сказать. Мы же дружная, — гость стал раскачиваться телом и причитывать: — Наташка жалко, Лёшка жалко, стариков жалко, — видно было, что он искренне переживает.

— Во сколько это было? Когда вы пришли?

— Около часа ночь, — он повернулся к жене и что-то спросил на своём языке.

— С женой не разговаривать! Только по-русски! — зарорал капитан. — Я же вас уже предупредал. Ладно, може-

те идти, — после паузы тихо сказал Золотарев. — Я вас уже опросил, теперь мне нужно поговорить с вашей женой.

— Я не пойду. Жену ждать.

— Хорошо. Тогда сидите и молчите, — разрешил ему капитан. Гость обречённо кивнул головой и замолчал.

Капитан повернулся к жене гостя из ближнего зарубежья. Она была стройной женщиной с изящными чертами лица. Одевалась современно, хорошо говорила по-русски, так как на родине работала учительницей русского языка и литературы. Вслед за мужем она приехала в Россию. Здесь же и сына своего отдали в школу. Ольга Афанасьевна зарегистрировала их в своём доме и всячески опекала.

— Скажите, пожалуйста, уважаемая, — тихо обратился к женщине капитан, — когда вы пришли домой и где были?

— Я была на работе и вернулась около десяти. Здесь минут 15 пешком. Сын был со мной. Он всегда со мной на работе — каникулы.

Все молча слушали её.

— Я работаю в узбекском кафе «Тандыр» на набережной, у земляков. Помогаю плов готовить, нарезаю, иногда тесто замешиваю. В общем, помощница повара, — продолжала она.

— Что ваш муж спрашивал у вас сейчас?

Она сначала не поняла вопроса. Потом напряглась:

— Он спросил, не помню ли я точное время, когда он пришёл.

— Хорошо. Можете идти, — изрёк капитан.

— Я пойду — там ребёнок, — поднялась она из-за стола и что-то спросила у мужа.

— Я останусь здэс, — спокойно произнёс он. — Я хочу знать, кто такой сдэлал с бедной Наташа, кто так обижал стариков.

Он чуть не плакал, этот гость из ближнего зарубежья. За семь лет он привязался к старикам, помогал им по дому

и во дворе, дружил с их сыном. Когда не было заказов и он оставался без работы, то с Лёшкой всё время что-то делал — красил, белил. Наташу видел только летом, когда она — иногда с дочкой, иногда одна — приезжала в гости к родителям. В этом году Наташа приехала одна: дочь вышла замуж и уехала с молодым мужем в свадебное путешествие.

— Элла Глебовна, теперь я хочу услышать вас. Только ваша версия убийства меня не интересует, — обратился ко мне капитан и добавил волшебное слово: — Пожалуйста.

— Ну и пожалуйста, у меня никакой версии и нет. Мы гуляли с Глебом на набережной, потом зашли в кафе, поели. Машина стояла у дайвинг-клуба. Потом сели в авто и приехали домой.

— Глеб, во сколько это было? — спросил у сына капитан.

— Около часа, точнее не припомню. Но если необходимо, могу сказать. Я в это время общался с братом по ватсапу, — лаконично, как всегда, ответил Глеб.

— Калитку закрывали?

— Нет. Калитку всегда закрывает он, — Глеб указал на гостя из ближнего зарубежья. — Если я прихожу позже и калитка закрыта — значит, он уже дома. И я открываю своим ключом, бывает и так, — уточнил Глеб.

— А кто сидел за столом, помните? — продолжал спрашивать капитан.

— Я помню, я смотрела внимательно, разглядывала, — вмешалась я.

— Хорошо, говорите, вы же всё равно не успокоитесь, — насмешливо глядя на меня, разрешил капитан.

Я готова была удавить его, но промолчала. «Ничего, капитан, — злорадно думала я, — ничего, рано радуешься. Я нашла улику, когда убирала двор, а твои люди прошляпили. А тебе я ничего не скажу, пока сама всё не разузнаю».

— Чего вы в рот воды набрали, Элла Глебовна? Говорите же, я жду.

— Когда мы с Глебом зашли во двор, ещё с ворот были слышны голоса. Я сразу поняла, что пьянку затеяли новые жильцы, — начала свой рассказ я.

— Да. Да. Я тоже слышал, — перебил меня «семилетний» квартирант — гость из ближнего зарубежья.

Я так на него зыркнула, что он сразу осёкся: нечего тут меня перебивать.

— Глеб прошёл вперёд, поздоровался, и всё, — продолжала я. — А я увидела накрытый стол, бутылки, закуску. За столом сидели Андрей с женой, Наташа и эти два друга. Они приехали пару дней назад, я их мельком видела. А вот этих не было, — я указала на супружескую пару.

— Мы спать пошли. Муж выпил немного, а ему нельзя, — затараторила жена, — вот я его и повела спать, насилу уговорила.

— А вы когда отправились спать? И почему устроили этот сабантуй? — спросил капитан у мужчины — друга того бедолаги, что сидит сейчас в СИЗО (зачем именно его забрали, я так и не поняла).

— Мы вдвоём с другом из Краснодара приехали на машине, — запинаясь, отвечал он. — Решили от семей оторваться на несколько дней, отдохнуть чуток. Вкалываем сутками — мы строители.

— Кто был инициатором застолья? — напрямую спросил его капитан Золотарёв.

— Мы оба. Другу приглянулась дочь хозяев. Выглядит молодо, задорная. Вот мы всё и затеяли, и других пригласили. Мы ничего плохого не хотели.

— Не хотели, а получилось, — веско произнёс капитан.

— Поверьте, он очень хороший человек. Да он курицу резать не может! Он дочку хозяев никогда бы в жизни не

убил, — всё убеждал парень капитана. — За что его взяли? Он безобидный.

— Когда вы ушли из-за стола? Кто здесь остался?

— Уже все разошлись. Мы втроём остались: она, он и я. Он уже был изрядно выпивший, а мы ещё хотели на море пойти, рассвет встретить. Она обещала, что подругу для меня пригласит.

— Подругу? Почему вы молчали до сих пор?

— А что говорить? Подруга-то не явилась. Ждали. А потом я отправился спать, оставил их одних — друг попросил.

— Во сколько вы пошли к себе в комнату?

— Около трёх, точно, — произнёс парень.

На него было страшно смотреть: глаза запали, голос дрожал. Он был в полнейшем раздрае.

— Почему вы его держите? Почему? Что он сделал? — отчаянно спрашивал парень.

— Мы имеем право любого человека задержать на 72 часа до выяснения обстоятельств, — отрапортовал капитан. Потом окинул взором сладкую парочку — Андрея и Ирку — и начал на них словесную атаку: — Ну, милейшая Ирина, расскажите мне о вчерашнем вечере. Я вас внимательно слушаю.

— Я была на работе до одиннадцати вечера, — запинаясь, начала Ирка. — За мной приехал Андрюха с ребёнком. Что ещё?.. Ну, что ещё, блин... что ещё говорить? Типа, как мы ехали, да? Ну, блин, ехали... приехали...

Я чуть не задохнулась от раздиравшего меня смеха, но сдержала порыв. Мой интеллигентный сын просто пониже опустил голову, чтоб никто не заметил, как он улыбается. Даже невозмутимый капитан усмехнулся.

Права была Ольга Афанасьевна: Ира не могла нормально, без слов-паразитов, произнести даже одну фразу. Уж очень девушка необразованная, туповатая... И как она умудрилась

9 классов окончить?.. А ведь большинство молодёжи сейчас такое. Я не хочу говорить обо всех голословно, но у многих интересы заиклены на танцульках, пиве и сексе. Бог миловал мою семью и моё окружение. Наше младшее поколение — умные, образованные, достойные ребята.

Эти мои невеселые размышления прервал голос капитана:

— Хорошо. Вы приехали домой. Что дальше? — настаивал он, обращаясь к Ирке.

— Ну вот, приехали, а тут бухаловка, поляна накрыта. Нас позвали, блин. А мы что, отказываться должны? Сели с ними, выпили, закусили... эээ... Малой мой капризничал, орал, как идиот. Вот... эээ... Андрюха и сказал, чтоб я его уложила... эээ...

— Хватит экать! — не выдержал Золотарёв. — Продолжайте.

— Ну, это, я поднялась, уложила ребёнка и снова спустилась. А чего это я там буду... эээ... когда здесь пьянка? Интересно, блин, — всё экала Ирка.

— Да, да, — встряла я, — когда мы вернулись, Андрей с Иркой вдвоём были. Ребёнка не видела.

— Спасибо за помощь, Элла Глебовна! — рявкнул капитан. — Я сам разберусь, без вас!

Я струхнула и замолчала.

— А потом, — продолжала Ирка, — Андрюха наклюкался, и я его еле оттащила наверх. Наташа помогла его поднять и отругала как следует. Он её боится, смущается.

Что-то жалкое было в этой Ирке. Девчонка из бедной деревенской семьи. Ничего не видела в своей жизни, кроме родителей-алкоголиков. Повезло ей всё-таки — встретила Андрея. А он парень добрый, полюбил её, как сказочный принц Золушку.

В общем, в конце концов капитан понял, что от Ирки ничего больше не узнаешь, и перешёл к Андрею.

Сейчас парень сидел напряжённый, угрюмый. Видно было, что его душа полна слёз, хоть глаза и оставались сухими. Смерть тёти Андрей переживал тяжело.

Тактичный Золотарёв это понимал, но опросить его был обязан.

— Андрей, опиши весь вечер. Как? Где? Что?

— Я был с ребёнком весь день дома. У меня выходной. Мы с женой так решили: два дня она работает — я с сыном, и наоборот. В садик только в сентябре пойдёт, — и Андрей замолчал.

Мы тоже все притихли. Пили уже остывший чай, чтоб как-то заполнить эту горькую минуту.

— Злой рок преследует нашу семью, — грустно и очень тихо продолжил тем временем Андрей. — Ира в одиннадцать закрывает кассу. Я выехал немножко пораньше, естественно, взял ребёнка, чтоб забрать жену с работы. Во дворе намечалась вечеринка. И Наташа была — тётя моя, — и жильцы новые. Меня тоже пригласили. Я сказал, что привезу жену и мы присоединимся. Так и сделал. Ирка дальше всё рассказала.

Золотарёв терпеливо выслушал монолог Андрея и больше не задал ему никаких вопросов. Все оставшиеся за столом смотрели на капитана. Он же выдерживал мхатовскую паузу, оглядывая всех нас всех.

— Андрей, я был у Ольги Афанасьевны в больнице, говорил с ней. Послезавтра Наташу можно похоронить. Ольга Афанасьевна сказала, что похоронит здесь, где все дети лежат, — на Воскресенском кладбище.

Андрей обречённо кивал головой.

— Ольгу Афанасьевну завтра можно забирать домой, — чеканил капитан, как будто раздавал нам приказы. — Только она плохо ходит, коляска нужна.

— Мы знаем, — сказала я. — Мы тоже были у неё.

Капитан так посмотрел на меня, что я прикусила свой длинный язычок.

— Помогите Андрею с похоронами, — обратился он к нам всем. — Мне тоже звони, Андрей, помогу чем смогу, — капитан достал из кармана форменной рубашки визитку и передал парню.

А я не знала, что у полицейских есть визитки... Я впросительно глянула на Золотарёва. Он сразу понял мой взгляд — умный, однако.

— Я не мент, Элла Глебовна. Я — следователь по особо важным делам, к вашему сведению.

Я потупила глазки, а Глеб толкнул меня ногой под столом, чтоб я больше свой рот не открывала.

— А где Николай Степанович? Спит уже? — обратился Золотарёв к Андрею.

— Да. Я ему дал успокоительное.

— Хорошо, — поднялся капитан из-за стола. — Я завтра приду после обеда. Ждите меня. Никому никуда не выходить. До свидания.

И он ушёл, а мы так и остались сидеть за столом.

— Алинка сказал? — обратился гость из ближнего зарубежья к Андрею. — Сказать надо.

— Бабушка сама позвонит. Она так решила.

— Бедная Алинка!!! Бедная Наташа!!! — причитал гость-квартирант.

Алина — дочь Наташи — на днях должна была вернуться в Москву. Она тоже, как и мама, окончила медицинский институт, мечтала стать врачом-кардиологом. Впереди у неё была ординатура. После сдачи государственных экзаменов девушка и её любимый парень решили пожениться и сыграли скромную свадьбу. Бабушка с дедом купили ей в подарок на свадьбу однокомнатную квартиру в элитном доме в Москве. Алина была очень благодарна своим любимым дедуш-

ке и бабушке. Вот и в связи с тем, что ординатура сейчас платная, а у мамы и молодых таких денег не было, девушка рассчитывала на своих дедушку и бабушку.

С мамой Алина была очень близка. Папа с новой семьёй эмигрировал в Германию, и с ним она в последние годы не поддерживала никаких отношений. Мама для Алины была всем: и подружкой, и учителем, и советчиком, и вообще опорой в жизни... И вот кто-то убил её... За что?! Нарочно или случайно? Этого не знал никто. Капитану Золотарёву предстояло это выяснить, и он узнавал об убитой у родителей и родни, чтоб представить себе общую картину жизни Натальи, складывая потихоньку, как пазл, разрозненные факты ее жизни.

...Наташа рано вырвалась из родительского гнезда. Отучилась в Москве, там же встретила своего мужа, с которым они скоропалительно поженились. Вскоре родилась дочка, после чего они так же быстренько развелись. Никто никому не предъявлял претензий. Они оба были умными молодыми людьми и понимали, что просто не подходят друг другу.

Родители Наташе много помогали. Она много и усердно трудилась — сначала участковым врачом, потом писала диссертацию, а затем ушла работать в современную клинику. Но в личной жизни у неё ничего существенного не происходило. Мимолётные незначительные романы, в основном с женатыми коллегами, не доставляли ей никакой радости. Всю свою любовь она отдала дочери. Жили они хорошо. Не на широкую ногу, но и не бедствовали. Наташа хорошо зарабатывала, могла позволить себе поехать отдохнуть за границу. Каждый год навещала родителей — когда одна, когда с дочерью. Броская красота Ольги Афанасьевны Наташе не передавалась. Чуть заострённый носик, тонкие губы, блеклые волосы, глаза маленькие, непонятного цвета, но зато великолепная фигура. А все недостатки своего лица она маски-

рвала умелым макияжем. За двадцать с лишним лет проживания в Москве Наташа стала хваткой столичной дамой, но с небольшим налётом южной провинциальности. Манеры и кричащие туалеты выдавали её. Но это не так страшно, как кажется, — на работе она всегда в белом халате, а ходить на премьеры в театр с подругами можно и в ярких нарядах.

...Я очень сочувствовала Александру Сергеевичу Золотарёву — капитану, который вёл это дело. Андрей поделился, что он у кое-кого из знакомых порасспрашивал о капитане — город-то маленький, — и все о нём отзывались как о порядочном человеке и даже талантливом следователе. Не знаю, можно ли сочетать понятия «талант» и «полицейский», но ведь в любом деле есть одарённые профессионалы. Тогда получается, что можно.

Уже в квартире перед сном мы с Глебом поспорили. Мой сын взял манеру делать мне замечания, вот и на этот раз напустился на меня:

— Ты зачем сегодня перебивала капитана? Можешь ты хоть иногда не высовываться?

— А когда это я высовывалась? Я молчала в тряпочку, — оправдывалась я.

— Ты молчала?! Хватит, мать. Ты хоть понимаешь, что мы тоже подозреваемые?

— Мы? Ты обалдел, сынок! Мы даже за столом не сидели. На стаканах нет наших отпечатков, — показала свои познания в криминалистике я.

— Мама, включи голову, ты же говоришь, что у тебя наполовину еврейские мозги. При чём тут отпечатки? Все, кто здесь живёт, под подозрением. Убили человека, ты понимаешь?! Сиди и не высовывайся, — чуть не орал на меня мой интеллигентный сын.

Я решила перевести разговор на другую тему и шёпотом сказала Глебу:

— Сыночек, только тихо... Я тут нашла одну вещь, когда мы делали уборку.

— Какую ещё вещь? Что ты выдумываешь? И почему шепчешь? — как-то подозрительно посмотрел на меня сын.

— Вот, — и я достала из кармана сарафана небольшую заколку для волос в виде бантика. — Видишь? Улика!

— Где ты это нашла?

— Она висела на винограднике, за качелями, прямо на грозди зелёного винограда.

— Что это?

— Заколка для волос. Даже несколько стразиков выпали. Видно, давно. На земле я их не нашла.

— Интересное дело. Менты не нашли, а ты нашла.

— А они и не искали. Я просто случайно увидела. Что-то заблестело на солнце. Это заколка убийцы.

— Ты с ума сошла, мать? Надо было отдать заколку капитану. Утром позвони ему, ясно? — командовал мой сынок, а мои мысли уже витали в облаках: я представляла себя мисс Марпл, которая раскрыла убийство. Голос Глеба вернул меня на землю: — Может, это заколка Наташи?

— Нет. У неё короткая стрижка была.

И тут, опять вспомнив всю эту ситуацию, мне в который раз стало так жаль Ольгу Афанасьевну, мать, потерявшую своего последнего ребёнка. Говорят, что внуков любят больше, чем детей, но это не всегда. В случае с Ольгой Афанасьевной вся её любовь принадлежала Лёше и Наташе. А перед старшей дочерью она испытывала чувство вины. Сама не воспитывала, отдала бабушке, видела урывками, порой даже не знала, как себя с ней вести. Потому-то она и взяла Андрея к себе, чтобы загладить вину перед погибшей дочерью.

Я стала выдавать Глебу одну версию за другой. Он слушал меня вполуха:

— Мать, что за бред? Завтра же отдашь капитану эту за-
колку. Может, она чем-то поможет.

— Хорошо, — решила в конце концов согласиться я с сы-
ном, а то и правда, чтоб не вышло себе дороже — возьмёт
сынуля, и сам позвонит капитану.

Я поцеловала своего умного отпрыска, пожелала ему
спокойной ночи и ушла к себе в комнату.

Мой сын позаботился о том, чтоб я жила в комфортных
условиях. Он знает, что я так привыкла и иначе не могу. Но
Глеб не в курсе, что бывали дни, и даже годы, когда я и по-
думать не могла о таком комфорте...

Родилась и выросла я в городе Баку. Красавец-город,
город огней и ветров, город красивых девушек и умных
людей. О Баку я могу говорить часами... Мы жили в цен-
тре города, в жактовском дворе, где обитали четыре семьи.
Моя была очень интересной, традиционной для бакинцев.
Мама — из еврейской профессорской семьи, где её роди-
тели, мои бабушка и дедушка, уважительно относились
друг к другу, растили своих дочерей в любви, дали им пре-
красное образование — они ходили в музыкальную шко-
лу и изучали языки. А папа мой — настоящий бакинский
дворовой пацан, кровь многих народов смешалась в нём.
Голубые глаза выдавали в нём русскую кровь, хороший
голос — грузинскую, умение торговаться — армянскую.
Как-то где-то на одной из бакинских тусовок мои родители
познакомились, влюбились и после этого не расставались.
Я не знаю, что связывало порядочную еврейскую девуш-
ку, учившуюся в консерватории, и парня, с горем пополам
окончившего школу и ушедшего в армию. И тут на тебе —
демобилизировался, встретил мою маму и потерял голову.
Как любил говорить папа: «Ваша мать мне приворот сде-
лала, иначе как я мог добровольно влюбиться в такую пра-
вильную девушку».

Мама рассказывала: когда бабуля узнала, что она хочет
выйти замуж за этого хулигана, хлопнулась в обморок и всё
причитала: «Это же мезальянс!» Дедушка пытался вести со
своей дочкой душевные разговоры, но мама была непоколе-
бима. А когда мой будущий папа сам явился к ним просить
руки их дочери, они отказали, заявив, что ждут его родите-
лей. «В субботу приходите вместе с родителями», — строго
сказал дедушка. И в означенную субботу явился не только
папа, но и вся его многочисленная русско-грузинско-армян-
ская семья. Папа решил перейти в наступление и пригласил
всех. Они принесли корзину цветов, много сладостей
и вина. Так и состоялась помолвка моих родителей. Через
месяц они зарегистрировались. Потом родились я и моя се-
стра. Брак у моих родителей был крепкий, они умели при-
нимать недостатки друг друга, прощали обиды и никогда не
оскорбляли родных при ссоре.

Баку — город моего детства и молодости, его невозмож-
но не любить. О нём слагались песни и легенды. Девичья
Башня и Дворец Шахристан; старый город с его закоулоч-
ками; Приморский бульвар с пирсом, на котором до сих
пор стоит кафе-мороженое «Садко»; фуникулёр; магазин
«Мингечаур» с его всесоюзно известным тортом «Сказ-
ка»; Кубинка — улица, на которой можно было купить всё
во время тотального дефицита в СССР, и Торговая улица,
где в магазинах тоже было многое; Цирк и базар с вкусны-
ми овощами и фруктами. Оду своему любимому городу я
могу петь долго. Нас с сестрой воспитали бабушки и Баку.
Родители работали, а нас, как мячик в пинг-понг, перебра-
сывали от одной бабушки к другой. И обе мои любимые
бабушки заложили во мне много хорошего. Русская научила
милосердию, терпению, хозяйствованию. Еврейская
привила музыкальный вкус, научила хорошим манерам,
любви к чтению, следить за собой. Но всё равно я росла

отчаянной бакинской девчонкой. Училась, модничала, гуляла и пела.

Я оканчивала первый курс института, когда встретила своего мужа. Он уже был на последнем курсе моего же института, куда поступил после службы в армии. Вечерами подрабатывал грузчиком в морпорту, как и все молодые люди из небогатых семей. Как-то на студенческой вечеринке мы встретились, и всё. Бабочки в животе, стук сердца, химия и алхимия — всё вместе под названием «Любовь». После первого свидания мы уже не расставались. Решили: как Саша (так звали моего будущего мужа) защитит диплом, мы поженимся. Когда моя мама стала притворно падать в обморок, то моя еврейская бабушка высокопарно произнесла: «Всё возвращается на круги своя!» Бабушка так и не смирилась а тем, что моя мама вышла замуж за бакинского хулигана, хотя этот хулиган — мой папа — достиг определённых высот, хорошо содержал свою жену и дочерей. При этом не забывал помогать теще с тестем и был любимым зятем у моего деда. После бабушкиных слов мы с сестрой хохотали до слёз: мы-то с детства знали историю папы и мамы и то, что моя бабушка так же заламывала руки и падала в обморок, когда мама заявила, что выходит замуж. Круговорот воды в природе, всё повторяется по спирали.

Я не была красоткой в том понимании, которое сейчас преподносит модельный бизнес. Классическая красота важна только для этой индустрии. Мужчины же ценят ощущения, появляющиеся у них рядом с женщиной. Рядом со мной они были счастливы. И мы с Сашей были счастливы.

После свадьбы мы ушли жить к родителям мужа, как и положено: жена идёт за мужем, а муж идёт за Богом. Нам выделили самую маленькую комнату, но мы были и ей безмерно рады. Я родила сына — нашего первенца, — и мы назвали его в честь Сашиного отца, моего свёкра. После

этого мой свёкор — всегда молчаливый и степенный, ветеран войны — надел свой пиджак со всеми орденами и медалями и отправился в райисполком хлопотать, чтобы нам расширили жилплощадь. И нам выделили ещё одну комнату в этом же дворе. Благодаря свёкру у нас появилась и своя ванная комната, и туалет — тогда это было роскошью, чтоб разрешили пристроить.

Мой свёкор — фронтовик, рано скончался от боевых ран. Как же горевала моя свекровь... Они познакомились на войне. Она была молоденькой девочкой и работала санитаркой в одном из госпиталей Пятигорска, а он — уже боевой офицер — попал туда после ранения. Там, в госпитале, и зародилась их тихая верная любовь. Их фронтовую переписку свекровь до сих пор хранит в своей любимой деревянной шкатулке, которая у неё осталась с тех времён. После войны живой, но немного прихрамывающий офицер-орденоносец заехал в Пятигорск, забрал любимую и увёз в свой родной город Баку. Так они и прожили вместе счастливую жизнь, родив двоих сыновей. У моего мужа есть младший брат, хороший парень, с ним я подружилась. Сейчас он живёт в Израиле, в красивом приморском городе Нетания — бакинцы без моря не могут существовать. Иногда я приезжаю к нему в гости и всегда подшучиваю над ним:

— Человек, в котором нет ни капли еврейской крови, живёт на Святой Земле.

— Здесь таких много, — парирует он. — И вообще, ты моему брату кто? Ты, Элка, кто? Ты же считаешься еврейкой — здесь ведь по матери.

— По матери, по матери, — хохочу я.

Мой деверь сменил имя и даже фамилию — вроде бы как обнулil собственную судьбу. Бакинские события в январе 1990 года сильно травмировали его. Внутренний конфликт столкнулся с внешними проявлениями действительности.

Развал великой страны, война в родном городе, многочисленные жертвы — всё это привело его к мысли, что надо эмигрировать. Жена его была поначалу против, но он всё-таки уехал, потом вызвал семью. Свекровь же моя осталась с нами: не захотела она покидать Баку, где покоился её муж, — это был её самый весомый аргумент.

Я всегда поражалась своим свёкром. Мой свёкор ни разу не повысил на свою жену голос, во всяком случае, при мне. И свекровь говорила с ним тихо, ласково, иногда даже обращаясь на «вы», как будто он до сих пор раненый боец и она его выхаживает. Вот такие они были интересные люди, прошедшие одну из страшных войн человечества — Вторую мировую.

Наш первенец родился в Баку. Это было неопишное счастье. А потом началась эта круговерть. Появились какие-то враждебные силы в городе, военные люди, бронетранспортёры, митинги и драки. Коренные бакинцы ничего не понимали, мужчины ходили злые, оттого что не могут повлиять на события, женщины плакали. Пошла большая волна эмиграции. При расставании все плакали, как будто на тот свет отправлялись. Первыми уехали мамы родственники — кто в Израиль, кто в Америку. Мама тоже стала нас уговаривать. Но тут заупрямился мой отец: «Я — бакинец, здесь родился, здесь и умру!» Впервые я слышала, как моя мама ругала его: «Старый дурак, что ты делаешь? У нас две дочки, внук. Давай уедем в Америку, там нас примут. Детей спасём!» «Это мракобесие долго не протянется, люди одумаются. Всё будет хорошо», — вещал мой отец. Муж к нему присоединился, сказал, что страну он не покинет. Но если и уезжать, то куда-нибудь в Россию. В конце концов, в 1990 году мой муж отправился на Кавминводы наводить мосты. Так посоветовала ему мама — моя свекровь — она оттуда родом, там жила её родня. Мужа приняли хорошо, помогли

чем могли. Через какое-то время Саша приехал за нами в Баку — забирать нас из этого ада, в который превратился мой город. Поезда были переполнены, на самолёты надо было брать билеты за несколько месяцев вперёд.

Муж переживал за меня больше всех. Свекровь из дома не выходила. Деверь уже оформил документы на ПМЖ в Израиль (как он это сделал, одному Богу известно). Кое-как продал свою квартиру и переселился на время с женой к теще. А меня мой муж считал слишком живой, красивой и счастливой для нынешнего Баку. Строго-настрога приказал из дому не выходить. Пока Саши не было, продукты нам приносила моя мама. Сестра тоже сидела взаперти — её охранял отец: боялся, что какой-нибудь отморозок нападёт на неё на улице.

Приехал наконец мой Саша и объявил семейный совет. Все собрались у нас дома за большим круглым столом, во главе которого раньше восседал мой свёкор-фронтовик. Сейчас на его месте был мой муж, по правую сторону от него брат, по левую — мой отец. Рядом с папой — мама, я и сестра. Возле своего младшего сына сидела моя свекровь, потом жена брата и его теща (она одна воспитывала свою дочь, и деверь считал её членом семьи). Совет в Филях начался.

— Так вот, — сказал Саша. — Мама, — обратился он к свекрови, — я снял квартиру в Пятигорске, и мы должны срочно уехать. Брат через месяц летит в Израиль, но пока один.

— Навсегда, — тихо произнесла моя бедная покорная свекровь. — Как так? Навсегда... — она посмотрела на младшего сына.

— Да, мама, я уезжаю. Там врачи нужны. Я еду по линии «Врачи без границ» и постараюсь там закрепиться, — ответил ей сын.

— А как же мы без тебя? — вдруг всхлинула свекровь.

Смотрю — и у моей мамы глаза на мокром месте, и у тёщи.

— Мама, успокойся, — вмешался мой грозный муж, — через полгода полетит и его жена, и тёща. Он их вызовет, а до тех пор они постараются продать всё, что смогут. Ведь так? — обратился Саша к тёще. Она закивала головой. Так и получилось: хоть и не через полгода, а через год, но они наконец воссоединились.

— А ты, — обратился Саша к матери, — поедешь со мной, и никаких возражений.

— Сынок, здесь отец похоронен, не поеду я никуда, — возразила она.

— Мама, разве я вам плохая невестка? — вставила своё слово я. — Мы же живём все вместе, поедете с нами.

— Вон твои родители не едут. А твой папа умный, знает, что делает, — негромко сказала моя свекровь.

— Они тоже соберутся скоро. Может, в Америку или в Израиль.

— Ещё чего! — громко сказал отец. — Я из Баку ни ногой!

— Молчи, — шипела мать, — молчи! Дай детям всё решить спокойно.

— Так, — в приказном тоне продолжал мой муж, — с тобой всё ясно, — кивнул он на брата, — ты у нас умный, устройшься в Израиле, деньги у тебя есть какие-никакие — хоть квартиру продал. Защитишь там свой диплом врача. Зря тебя, что ли, учили?

— А мы что будем делать с нашей квартирой? — спросила я. — Мне тут соседка по секрету сказала, что родственник её мужа дал взятку начальнику ЖЕКа, чтоб наши комнаты забрать, когда мы уедем. Вот гад!

— Что, все три? — ошарашенно спросила свекровь. — Отец ведь ходил, хлопотал...

— Да, мама, все три. Вон соседи всё бросили, уехали от греха подальше. Выжили людей.

— В общем, отправляемся на следующей неделе, на машине (хорошо, что я её не продал): я, мама, Элла с ребёнком. Что можем — поместим в машину, а остальное оставим у тестя, — командовал муж.

— Возьми мой багажник на машину, я тебе отдам, — предложил отец.

— Спасибо. А теперь, девочки, кушать, — потёр руки муж. — Выпить мы и сами найдём, — подмигнул он.

Молодые женщины пошли накрывать на стол, а моя мама и тёща утешали, как могли, свекровь. Надо было смириться с неизбежным... И на следующей неделе мы уехали.

...Полноту жизни нам дают именно встречи и расставания. Сейчас я часто бываю в Баку, те ужасные годы уже прошли. Моя сестра и некоторые из друзей до их пор живут в этом городе моего детства. Сейчас Баку стал ещё красивее и величественнее. Даже в самые отчаянные ночи надо иметь терпение дожидаться утра. И многие бакинцы дождались долгожданного рассвета в Баку после страшных ночей. А мы прожили несколько лет в Пятигорске, у нас родился второй сын, и я назвала его в честь своего отца. После переезда из Баку свекровь очень скоро захандрила, заболела, я её доаживала. И она тихо умерла. Похоронили её на ставропольской земле. Где родилась — там и упокоилась. А мы приняли решение переехать в Москву. Муж раскрутился, мы купили квартиру, дети учились в престижной школе.

...Всё было хорошо, настолько хорошо, что пугало.

Зависть Богов ли или людей, но мой муж умер в одночасье за рулём своей машины. Последний его звонок был мне:

— Элла, что-то мне плохо.

— Останови машину, прими нитроглицерин! — кричала я ему в трубку. — Включи аварийку! Нашёл?! Нашёл?! — всё продолжала я орать.

— Да, да. Я в городе, в Измайлово, домой еду.

— Стой там, я вызову неотложку. Не забудь нитроглицерин.

— Элла, тут меня уже везут в больницу, — прошептал он.

Человеческий мозг — сложная конструкция природы. Я чётко расспрашивала незнакомого доброго человека, в какую больницу он везёт моего мужа. Давала указания и одновременно собиралась. Но я опоздала... живым своего Сашу я большего не увидела... Вся моя жизнь разломалась пополам трагическим событием — смертью моего мужа. Я не хотела никаких перемен, у меня уже была стабильная жизнь, но эти чёртовы перемены нашли меня сами.

Я работала в госучреждении, но после смерти Саши старалась совмещать это с ведением бизнеса мужа, чтоб не дать окончательно развалиться всему тому, что он наладил. Как я выдержала эти годы — до сих пор не пойму, наверное, включился какой-то внутренний механизм. Сам Господь мне помогал! Старший сын вырос и стал мне хорошим помощником. Но я всё равно разрывалась на части. Потом подрос младший сын. Мне стало полегче, и со временем я отошла от семейного бизнеса и сосредоточилась на госработе. А уж потом мне дали хорошего пенделя и отправили на пенсию.

Муж умер, взрослые дети заняты своими делами, и я вдруг обнаружила, что осталась совсем одна. Исчез смысл просыпаться каждое утро, идти на работу, готовить, заниматься домом. Год назад старший сын женился, и теперь уже не я, а жена лелеет и холит его. Младший, Глеб, тоже уже не нуждался в моей материнской опеке, и я растерялась. Многие советовали мне найти мужчину, благо возраст и внешность ещё позволяли, но я не могла этого сделать.

Привыкнув к лучшему, на хорошее уже не соглашаешься. Когда мне было скучно, я поочерёдно гостила сыновей. Вот так я и оказалась в этом приморском городе. Мою любовь к морю не описать словами. Я могу часами сидеть на берегу и смотреть на воду, а когда барашки волн набегают и бьются о прибрежные камни, меня охватывает восторг. Вода — это моя стихия, а море — моя любовь. Говорят же, что можно сколько угодно смотреть на воду и огонь.

Морегорск — чистенький, зелёный, улицы веером расходятся от центральной площади, на которой стоит старинный храм. И все главные улицы выходят к морю. Видно, что власти города работают над эстетическим видом города, а не только думают, как набить свои карманы. Я бы в этом городе и перезимовала, до того надоела мне холодная Москва, но пока не решалась сказать об этом Глебу.

Мой младший сын очень интересный мальчик. Вообще человеческий характер — это сложный психологический парадокс. У Глеба он двоякий: с одной стороны вспыльчивый, как и у меня, а с другой — у него есть здравомыслие, что высоко мною ценится. У меня с Глебом сильна кровная связь. При родах у меня была клиническая смерть, спасали нас обоих и, слава Богу, спасли. Пусть будет там, на небесах, хорошо великому врачу — Лозовской Валентине Дмитриевне.

Бывает, Глеб меня раздражает, и хочется взять ремень и надавать ему хорошо, как в детстве. А иногда забота сына обо мне так умиляет... Очень хочу, чтоб он встретил хорошую девушку и женился. Но иногда эгоистичные чувства берут вверх: как же так — у меня заберут моего маленького сыночка.

... Трагедия, которая произошла на Яблонево́й, 15, выбила меня из колеи. Убитую Наталью — дочь хозяев — я не знала, но успела проникнуться любовью к старикам. Историю

жизни капитана, следователя, которому было поручено вести это дело — Золотарёва Александра Сергеевича, я узнала позже от его родителей и коллег. Золотарёв — человек с непробиваемым спокойствием. Он считает, что всё нужно делать по правилам. Потому что, если отбросить условности, правила были созданы не зря и для всех. Это в первые годы работы в полиции он был полон уверенности, что изменит мир за счёт одного энтузиазма и веры в лучшее, доброе, вечное. Жизнь его стремление не оценила. Золотарёв снова и снова оказывался лицом в грязи, пока не усвоил один очень важный урок: надо следовать правилам. Тогда он и научился ставить чёткую преграду между работой и личной жизнью. Система существовала до него и будет существовать после, когда он уйдёт на заслуженную пенсию. Кому-то он за это время поможет, кому-то — нет, но гениальным сыщиком не станет. На самом деле справедливо раскрытых им преступлений будет примерно треть, а остальные — в лучшем случае «глухари», а в худшем он будет вынужден отпускать преступников, потому что они чьи-то друзья, дети и жёны. Золотарёв был не из тех, кто вечно сражается с системой. Ему было комфортнее принять правила и с остервенением настаивать, что они для всех. Капитану был важен сам процесс расследования, и в этом случае он решил применить все свои аналитические способности, весь арсенал криминалистических возможностей и найти убийцу.

Золотарёв был уроженцем Морегорска, прожил здесь всю свою жизнь, только служба в армии и учёба прошли в других местах. А так вся основная часть его жизни протекала в этом городке, где были его родители и сын, друзья и подружки. Потому для него стало делом чести найти убийцу. Уж очень жаль было стариков — детей войны, самую незащищённую часть населения. И он, изменив своим правилам, никого из подозреваемых не вызывал в полицейский

участок без необходимости. Капитан сам приходил к нам, беседовал, присылал своих помощников. Я прониклась к нему уважением. Этого капитана ждало большое будущее, если система его не сломает. Но никто и не догадывался, как неприглядно его настоящее. Никто и не знал, как мерзко у него на душе. Он уходил на службу рано и возвращался очень поздно. Когда-то, десять лет назад, Золотарёв после армии, имевший высшее юридическое образование, вернулся в родной город и поступил в полицию. Он мечтал избавиться свой город от всякой нечисти. Однако его юношеский максимализм помог ему только в одном деле — в любовном. Ему вскружила голову одна молоденькая хорошая девушка, на которой он сразу же решил жениться, что и сделал. Девочка только окончила школу, мечтала продолжить учёбу, но не сложилось: она забеременела и родила здорового мальчика, в котором все души не чаяли. Золотарёв помогал ей как мог. Родители с обеих сторон скинулись и купили им квартиру. Жена всё время занималась ребёнком, домом — Золотарёвы были хорошей, добропорядочной парой. Но когда мальчику исполнилось три года, жена вдруг неожиданно заявила, что хочет учиться, что она превратилась в домашнюю клушу и очень жалеет, что так рано родила. Сына устроили в детский сад, и жена уехала в Москву поступать на заочное отделение в институт, где училась её подруга. Назад домой она больше не приехала... Сказала, что не хочет, что устала, что приедет попозже и заберёт ребёнка, и ещё много того, что обычно говорят женщины, когда любовь уходит из их сердца, растворяется в воздухе. За сыном Золотарёва смотрели поочерёдно обе бабушки. Первое время мальчик плакал, звал маму, потом постепенно забыл — малышу было всего три года. Бабушка — мать Золотарёва — заменила ему маму, ребёнок к ней привык. Родители капитана стали ему семьёй. Капитан же был увлечён своего работой, никаким страстям другого

характера не поддавался. Через полгода приехала жена, рассказала, что встретила мужчину своей мечты, просила простить её, а главное — что не может сейчас взять ребёнка в Москву. Капитан и не собирался отдавать ей сына в неизвестность. На том и порешили, и она — его бывшая жена — была очень рада такому исходу. Развод оформили быстро. «Всякий финал — это лишь повод для нового старта!» — любит говорить Золотарёв-старший — отец капитана.

Вскоре капитан переехал жить к родителям, ребёнку было хорошо в просторном доме старших Золотарёвых, бабушка с дедушкой перенесли всю любовь на внука. Ребёнок свою маму видел редко, лишь тогда, когда она приезжала к своим родителям, относился к ней как к дальней родственнице, хотя и называл мамой. А Золотарёв, на тот момент ещё старший лейтенант, стал завидным женихом в городе. Он был симпатичным, спортивным, умным, с отличным образованием, из хорошей семьи. Девушки слетались на него как мотыльки на свет, и он, конечно, не отказывался от любви красавиц. Любовь бывает разной, в том числе и плотской, и это естественно. А что естественно, то не безобразно. Но жениться он не собирался. А всякие причитания матери по поводу того, что пора уж и найти себе хорошую жену и что прошло уже больше пяти лет, он пресекал на корню. Золотарёв не боялся любви и не вспоминал о том, что обжёгся. Напротив, в его душе поселилось удивительное чувство гармонии. Ему было хорошо: родители, сын, работа — всё у него было, а больше ему ничего и не надо.

...На следующий день после убийства Натальи капитан Золотарёв снова пришёл к нам на Яблоневою. Явился он где-то к одиннадцати дня, после планёрки, и мы — все жильцы — уже позавтракали. Каждый сидел по своим комнатам и никуда не выходил после распоряжения капитана. Может, кто потихоньку и покидан стены дома, но мы не следили друг за

другом, и никто ничего определённо не знал. Глеб увидел капитана во дворе и пригласил его к нам в апартаменты. Честно говоря, не ожидала я от своего сына такой прыти.

— Здравствуйте, Элла Глебовна.

— Здравствуйте, капитан, — хмуро произнесла я, продолжая убирать со стола после завтрака.

— Может, чаю предложите? Жарко очень, пить хочу, — как ни в чём не бывало продолжал Золотарёв.

Я зло глянула на сына.

— Конечно, присаживайтесь, — я налила капитану чашечку ароматного чая (Глеб сам с утра заваривает), подвинула вазочку с конфетами.

Золотарёв с удовольствием стал пить, аж жмурясь от удовольствия.

— Ваш сын сказал, что у вас для меня есть новость.

— Какая такая новость? — притворно удивляясь, спросила я.

— Мама, хватит, оставь эти женские игры для своих подруг и покажи, что ты нашла, — встрял в наш разговор Глеб.

— А, улику? Так это я нашла, а не менты.

— Мои ребята, может быть, что-то упустили, но вы всё-таки покажите свою находку, — елейным голосочком заговорил капитан.

— Хорошо. Только при одном условии.

— Какие ещё условия, милейшая Элла Глебовна? У нас убийство произошло, а не игра в дочки-матери!

— Вы будете держать меня в курсе расследования, и я, может, вам помогу, — сказала я и умолкла.

Иногда добрая беседа приносит пользу. В итоге капитан согласился, и я отправилась в свою комнату за заколкой. Несла я её, как будто это шкатулка с бриллиантами по десять карат.

— И где вы её нашли? — спросил капитан.

— Утром уборку делала с девочками, вы ведь разрешили. Я зашла за угол домика, решила и там подмести. Мету, а тут вдруг что-то заблестело в лозе. Виноград ещё не созрел, потому никто туда и не лазает. Смотрю — а эта штука за кисть зацепилась. Вот и взяла.

— Ну, молодец, Элла Глебовна, — похвалил меня капитан. — Интересно, что там делала эта заколка и как туда попала...

Заколка была в виде бантика, несколько стразиков отсутствовали. Такими обычно закалывают длинные волосы.

— Элла Глебовна, а может, это ваша заколка, и вы решили в детективчика поиграть от скуки? — засомневался Золотарёв.

— Боже упаси, Александр Сергеевич, я так много брильянтов не ношу, — засмеялась я. — Предпочитаю заколки бамбуковые.

— Интересно, как она на виноград попала? Чья? — медленно произнёс Золотарёв: в голове его мысли крутились, вертелись. А я уже строила версии:

— У этого парня, которого вы забрали, была сообщница-женщина. Это она убила, это её заколка зацепилась.

— Элла, дорогая, — устало сказал капитан (он, похоже, уже успел от меня устать), — Наталья была убита в кровати-качалке, а заколку вы нашли в винограднике. Это разные места.

— Да, вы правы, — пришлось согласиться мне с ним.

— Но всё равно мы должны выяснить, чья это заколка.

— Мне кажется, что заколка Иркина. Она такая бестолковая, что где хочешь может её потерять.

— И даже на виноградной лозе? — усмехнулся капитан. — Она что, незрелый виноград ела?

— Тогда Ольги Афанасьевны? Может, она подрезала лозу? — стала гадать я. — Впрочем, она никогда не подре-

зает. Это Николай Степанович делает. И у неё шиньон (она по старинке его носит), а его шпильками закалывают, — решила блеснуть своей осведомлённостью я. — А может, бедной Наташи? — опять начала я, выдвигая одну версию за другой.

— У убитой была короткая стрижка, — парировал капитан.

Мы сидели на кухне и пили чай. Ладно я бакинка, и там традиционно всегда пьют чай. Но капитан пил его больше, чем мой покойный муж, и проявил свой изысканный вкус, только поедая вместе с ним сладости: выбирал только конфеты «Грильяж» (кстати, мои любимые, в такой салатовой обёрточке, и вкус у них не изменился ещё с советских времён).

— А может, заколка — этой отдыхающей из Москвы, что с мужем и сыном, — задумчиво сказал капитан, попивая чай.

— Может, — так же, нараспев, ответила я ему. Потом глянула в окно, а оно выходит в маленький садик, где растут несколько груш и яблонь и стоит летний душ. — Нет, не может, — после раздумий, решительно сказала я.

Капитан удивился моему тону:

— Почему это не может? Вчера за столом она сидела в какой-то панамке, и я лично не видел, какие у неё волосы.

— А я видела! Вон, посмотрите, летний душ! Вчера после обеда, после наших допросов за столом, я видела, как она наполняла бачок летнего душа. По лестнице с ведром залезла, шустрая такая. Так она без своей дурацкой панамки была. Короткая стрижка у неё. Суперкороткое каре на ножке — модное сейчас. Я обратила внимание, — резюмировала я.

...Я всегда мечтала о коротких волосах, но муж категорически был против. И мои сыновья тоже. Они считают, что у женщины должны быть длинные локоны. Год назад женился старший сын, так у его жены шикарные длинные волосы до пояса.

— Кто ещё у нас остался? — сам с собой говорил капитан.

— Диля, жена гостя из ближнего зарубежья, — подсказала я.

— А какие у неё волосы? Наверное, длинные? У них короткие не носят.

— У них разные носят. Но какие у Дили волосы, я не знаю. Я её всего пару раз видела, и то в косыночке.

— Хорошо, — изрёк капитан и жестом волшебника достал из кармана маленький полиэтиленовый пакет, взял двумя пальцами заколку и положил туда. Допил свой чай, встал. — Спасибо, Элла Глебовна, за ваше участие в расследовании, но мне надо идти. Надеюсь, что все сидят по своим квартирам.

— Да, конечно. Слышите, как орёт Иркин ребёнок? Она им совсем не занимается — с ним всё время Андрей.

— Вот туда и пойду. Тем более Андрей хотел со мной поговорить.

— И я с вами, — увязалась я за ним, — вы мне обещали. Заколку же я нашла.

— Ладно, пойдёмте. Вы всё равно не утомитесь.

— Ой, спасибо, Александр Сергеевич. Вы такой хороший, — стала я откровенно льстить капитану.

— Всё, хорош. Я не женщина, чтоб мне комплименты делать. Только свой любопытный нос никуда не суйте. Молчите и слушайте. Договорились?

— Конечно! Что вы! Никогда и никуда, — так искренне и таким невинным тоном сказала я ему, что сама в это поверила. И мы потопали наверх на третий этаж.

— Глеб, мы пошли к Андрею! — крикнула перед выходом сыну.

Глеб только кивнул — как сидел за компьютером, так и не оторвал от него глаз. Всем своим видом он мне показывал, что мои игры в детектива ему не по душе. Чем бы дитя

не тешилось, лишь бы не плакало, — так думал сын о моих закидонах.

Мы поднялись на третий этаж, дверь нам открыла лохматая Ирка (сейчас бы ей точно заколка понадобилась). Андрей вышел к нам навстречу и попросил жену забрать ребёнка. Он решил, что капитан явился по его звонку, и отчасти это было правдой. Андрей попросил у капитана разрешения побывать с бабушкой в морге. Но предварительно надо было забрать Ольгу Афанасьевну. Инвалидную коляску он уже заказал, и её должны были привезти сразу в больницу. Поинтересовался, кто из представителей полиции будет с ними в морге. Золотарёв сказал, что сопровождает их сам. С Андреем вызвалась пойти жена его умершего дяди — Наташиного брата. Обсудив все детали этого печального дела, Золотарёв попросил Ирину к нам присоединиться. Ирка уже подняла свои пакли в конский хвост и вышла, крепко держа дочку за руку. Девочка всё время брыкалась и завывала, как акын, который поёт свои песни: что видит, то и поёт. Так и девочка: что видела, то и говорила, — так же протяжно и заунывно. Малышка была немного больна в психическом плане. «От осинки не родятся апельсинки», — любила говорить Ольга Афанасьевна и была права. Ребёнком никто не занимался, только Андрей иногда читал ей детские книжки, сидя во дворе на качалке. Я сама это видела. А Ирка только орала на дочь.

— Ирина, — сразу начал капитан, — посмотрите, пожалуйста, это ваша вещь? — и капитан показал ей заколку.

— Нет. Я хожу с распущенными волосами, — и она тряхнула своим хвостом. — Иногда только делаю хвостик.

Действия её были нелогичны: после своих слов она сняла резинку и тряхнула своими соломенными прожжёнными волосами. Андрей молча смотрел на неё. Взгляд был тоскливый. «Эх, попал ты, парень», — подумала я.

— Ирка, зачем ты портишь волосы? Всё сожгла переки-
сью. Вон корни волос русые, красивые, — обратилась я к Ире.

— А вам какое дело? — перенесла она свой тупой взгляд
на меня. — Блин, и всё-то ей надо!

— Ира, не груби, — сделал ей замечание Андрей.

— А что она лезет, блин! Поучает всё. Вы же свои краси-
те? — решила она зацепить меня.

— Да, крашу. Но только для того, чтобы казаться моложе,
а ты и так молодая.

— Андрюха, блин, что ей от меня надо?! Чего она ко мне
прилипла? Ещё и за ментом притащилась!

— Во-первых, не «мент», а капитан полиции, а во-вторых,
это я пригласил Эллу Глебовну, — защитил меня Золота-
рёв. — Ирина, скажите мне: это ваша заколка или нет?

— Нет, блин, сказала же! Отвяньте, — огрызнулась Ирка,
развернулась и ушла.

— Ирка, а чего ты ругалась с Натальей несколько дней
назад? — борсила я ей в спину.

Ирка резко остановилась, а капитан посмотрел на меня
удивлённо: как же так, я в себе это держала.

— А, подслушивала, старая перечница! — грубо ответи-
ла мне Ира.

От обиды я чуть не задохнулась. Хотела ей что-то сказать
в ответ, но не смогла, только как рыба на берегу хватала воз-
дух ртом.

— Ирина, ведите себя прилично! — оборвал её капитан.

Ох, как же меня бесил его невозмутимый тон! Я хотела
вцепиться в пакли этой лахудры, но сдержалась и стала счита-
ть про себя до десяти, чтобы успокоиться. По возрасту
Ира годилась мне в дочери, но даже в страшном сне не хоте-
ла бы я иметь такую дочь.

— Ну, если эта, — Ира ткнула в меня пальцем, — слыша-
ла, то пусть сама и расскажет.

— Ирина, или вы мне сейчас всё расскажете, или я вас
вызову повесткой в отделение и буду допрашивать по всей
строгости закона! — капитан был явно зол, а эта амёба,
Ирка то есть, сразу же чего-то испугалась.

— Хорошо, спрашивайте. Я, блин, не помню, с чего...
ээээ... началось. Андрюха, лучше ты давай, я ж тебе рас-
сказывала.

— Я спрашиваю вас, а не Андрея! — цыкнул на неё Зо-
лотарёв.

Некоторые люди врут талантливее, чем другие правду го-
ворят. Эта малахольная Ирка не могла ни того, ни другого.
Она просто не была на это способна. Ну что взять с той,
у которой всего две извилины, и те параллельные. Капитан
понял, что самостоятельно она и два слова не свяжет, и на-
чал задавать ей наводящие вопросы.

— Ирина, расскажите, когда у вас произошёл скандал с
Натальей, — начал Золотарёв.

— Не скандал, блин, а ссора небольшая.

— Когда?

— Так, я была выходная. Получается, за два дня, как На-
ташку грохнули, — вальяжно рассевшись в кресле, расска-
зывала Ирка. — Я спускалась по лестнице со своего этажа,
малая ныла, как всегда, тут вдруг Наташка выглянула из
комнаты стариков и говорит, чтоб я её подождала.

— Во сколько это было? — уточнил капитан.

— Часа в три. Я, думаю, погуляю с ребёнком — достала
меня эта мелкая зараза, — а потом к подруге пойду, — про-
должала гундосить себе под нос Ирка.

— Что хотела Наталья? — терпеливо расспрашивал ка-
питан эту дурочку.

— Пока я натягивала дочке обувь, Натаха спустилась, и
давай меня жизни учить. Блин, достала. А эта, — Ирка ука-
зала на меня рукой, — подслушивала за дверью.

— Я не подслушивала! — совершенно справедливо возмутилась я. — Просто слышала. Вы же под моей дверью скандалили, а дверь картонная, да и тамбур метр на метр.

— Прицепилась с тем, что, мол, я старикам не помогаю, могла бы хоть лестницу мыть, двор убирать, после квартирантов надо квартиры в порядок приводить, постирать. А бабка старая. В общем, достала она меня. Я её чуть лесом не послала, — зло сказала Ирка.

— Что ещё она вам говорила? — допытывался капитан.

— Сказала, что если я так буду себя вести, то бабка вычеркнет нас из завещания. Мол, они нам квартиру купили, и хватит, а ремонт мы сами должны сделать. А откуда у нас деньги?

— Что за квартиру купили?

— Новую, элитную, — вмешался Андрей. — Но на ремонт денег нет, там же всё с нуля надо делать.

— Бабка ещё сказала, что когда дом продаст, то денег нам не видать, — продолжала Ирка. — Старая дура, обзывается, называет меня лентяйкой! И Наташка туда же, с бабкой одну песенку поют.

— И что же вы ей ответили? — допытывался капитан.

— А ей сказала, что если деду Андрей и не родной внук, то бабке роднее всех родных, вот пусть и раскошеляется, тем более что деньги у старых есть.

— Всё?

— Да, всё, блин.

— Не всё, — язвительно заметила я. — Ещё она тебе сказала, что ты плохая мать, что ребёнка надо показать врачу — он отстаёт в развитии, — а ты этого не делаешь.

— Не ваше собачье дело! — нагрубила мне Ирка.

У меня было огромное желание схватить её за патлы и потаскать по полу. Будто почувствовав это, Андрей встал между нами. Я решила: проще работать умом, чем прибе-

гать к насилию, и даже не привстала со стула, игнорируя Иркину грубость.

— Понимаете, — обратилась она к капитану, — мама говорит, что я в детстве тоже такая была: плохо говорила, многое не понимала... А потом изменилась.

— Ты и сейчас такая, — зло сказала я.

— А вы молчите, бабкина подпевала, — в очередной раз огрызнулась Ирка.

Капитан встал и направился вниз, за ним я, а за нами — Андрей. Бедный парень: все хлопоты, связанные с похоронами, легли на него, и старики тоже остались на его попечении. Я зашла в квартиру злая. Капитан с Андреем остались в тамбуре и о чём-то беседовали.

— Ну что, — поинтересовался Глеб, — Иркина заколка?

— Нет. Знаешь, она мне так грубила... хотелось ей морду набить, — пожаловалась я сыну.

— А зачем ты вообще с ней общалась? Сама же говоришь, что лучше с умным чёрный хлеб есть, чем с дураком чёрную икру, — поучал меня мой мудрый сын.

Потом вошёл капитан.

— Ну что, Элла Глебовна, пойдёмте к другим квартирантам?

— Пойдёмте. А к кому? — обрадовалась я. Одним махом допила остывший чай и почему-то вдруг решила состричь: — Опыт не пропьёшь, уважаемый Александр Сергеевич!

— У вас есть детективный опыт? — наигранно спросил он с явным намёком на издёвку.

— Нет. Но у меня есть жизненный опыт, и вы это поняли! — высокомерно заявила я и победоносно, как крейсер «Аврора», выплыла из своих апартаментов, а за мной двинулся капитан. Мой сын удивлённо смотрел нам вслед и покачивал головой. Видно, он решил, что у мамы времен-

ное помешательство и она возомнила себя Шерлоком Холмсом и мисс Марпл в одном флаконе. А у меня появились крылья за плечами, вернее, стали пробиваться маленькие крылышки вместо ключиц. Я почувствовала себя молодой и красивой... эх, где мои семнадцать лет?.. Возможность проявить себя, активная жизнь, чёткие цели — всё это молодит. Я должна, просто обязана найти убийцу. О том, что я — всего лишь бесплатное приложение к капитану, моя скромная персона уже и забыла.

Подойдя к крутой лестнице на второй этаж, где живёт гость из ближнего зарубежья со своей семьёй, я позабыла про свои амбициозные мысли и стала орать, как хабалка:

— Диля, Надыр, вы дома?

Капитан твёрдой рукой придержал меня за локоть.

— Не надо кричать — взбудоражите весь двор.

Пока я пыталась объяснить ему, что меня вовсе не прельщает перспектива подниматься по этой дурацкой лестнице, дверь наверху открылась и выглянул Надыр:

— Что хотел, дорогая Элка?

Потом, заметив капитана, испуганно посмотрел на него.

— Мы к вам, Надыр, ваша супруга дома?

— Да, конечно. Вы же сказать, никуда не ходит, дома сидят — вот и сидим, — Надыр не очень хорошо говорил по-русски, но вполне понятно.

— Тогда мы к вам.

— Поджалуста, всегда поджалуста, дарагие гости.

— Мы не в гости, мы поговорить, — сурово ответил ему капитан.

Пока мы поднимались по лестнице, Надыр что-то крикнул в приоткрытую дверь. Маленькая квартира меня поразила своей ухоженностью и чистотой. Диля скромно опустила глаза, здороваясь с нами, и сразу повела нас в большую комнату-гостиную. Видимо, помещение когда-то было по-

больше, потом его разделили гипсовой перегородкой, и меньшую часть отдали сыну, туда и отправил его Надыр. До того как мы явились, мальчик смотрел телевизор, шёл какой-то боевик, и ему очень не хотелось уходить, но отца послушаться он не смел. В комнате главным предметом был большой плазменный телевизор, напротив него стоял стол и диван, на котором было разбросано несколько подушек — и квадратных, и валиком. Над кроватью висел огромный текинский ковёр ручной работы, на полу — такой же. Небольшой журнальный столик был уже накрыт замысловатой скатертью, и на нём стояли пиалы, сахарница и небольшая вазочка с конфетами. В углу притулился небольшой шкаф-купе для одежды, работал кондиционер. Всё как у всех.

— Вот, кондыцинэр Ольга Афанасивны поставил, — похвастался Надыр. — Хороший жэнцин, и Степаныч хороший мужчин. Жалк мне их, обих.

Диля побежала на кухню заварить чай. Отказать хозяевам мы не могли: люди они очень гостеприимные, восточные, и, не выпив у них даже чая, мы нанесли бы им смертельную обиду.

— Я два года один, потом сын, жена приехать, — продолжал Надыр. — Я спросил Степаныч, можно для сына маленький комнат сделать. Он разрешил. Перегородка сам сделал.

— Сколько лет вы здесь живёте? — уточнил капитан.

— Сэм лет. Два — один, пять — с семьёй. Ольга Афанасивна регистрацию сдэлал, помог сына в школу устроит.

— Когда погибла старшая дочь хозяев, вы здесь жили?

— Нэт. Когда Андрюха мат, отэц умереть, мянэ было.

— А когда умер сын?

— Когда Лёшка умирать, я здэс был. Ой, какое горэ! Лёшка — мой друг, хороши парэн, на отэц свой похож, добрый, честный.

В это время зашла Диля с подносом, а на нём чайник, халва, восточные сладости, сухофрукты. Одурманивающий запах сладостей и пряный аромат чая растёкся по комнате.

— И я была здесь, когда умер Алексей, — влезла в разговор Диля. — Этот день тяжело вспоминать.

Диля родилась и выросла в Бухаре, училась тоже там, в пединституте. В Бухаре до сих пор живёт много русскоязычного населения. Училась она на русском языке, и потому свободно им владеет. Диля из семьи потомственных учителей и могла бы в России тоже преподавать в начальных классах, но защитить свой диплом ей не удалось. Было много препятствий, пришлось бы ехать в Москву в посольство, оформлять кучу бумаг. Потому она и устроилась работать в узбекское кафе на набережной.

Диля разлила чай по пиалкам и с почтением предложила попробовать. От одурманивающего запаха напитка я просто обалдела.

— Дилечка, с чем чай? Ты же знаешь, что я бакинка, у нас любят хороший чай.

— Знаю. Только в Азербайджане в основном добавляют только чабрец, а у меня, кроме него, есть и мята, и мелисса, листья айвы, немного граната и ещё чуток ромашки для успокоения. Нам сейчас всем это не помешает.

— Надыр, — обратился капитан к главе семейства, — расскажи мне: отчего умер Алексей? — и так ловко взял пиалу, стал дуть на чай и прихлёбывать, как будто всю жизнь в Средней Азии жил.

Надыр стал говорить быстро и многословно. Но суть мы поняли. Алексей был светом в окошке для своих родителей. Ольга Афанасьевна даже в армию не отпустила, отмазала, за большие деньги купила военный билет. Потом парень встретил девушку из обрусевшей литовской семьи, влю-

бился и женился. Родители приняли его выбор. Девушка была замкнутая, необщительная, но зато родила им двоих внуков. Хорошую работу, хорошую машину, высшее образование — всё для Алексея сделали родители. Но и он был хорошим сыном, любил и чтит отца с матерью. Звёзд с неба Лёша не хватал, но это ему и не нужно было. Жена быстро привыкла к хорошему. Жизнь текла тихо, размеренно. Жильцы-отдыхающие приносили в сезон неплохой доход. Алексей работал и получал очень приличную зарплату по меркам этого маленького города, старики — пенсию, им хватало на спокойную сытую жизнь. И вдруг как гром среди ясного неба...

— Этот дэн я не забуду никогда, — дрожащим голосом сказал Надыр. — Я был на работу, когда мне позвонил жина.

— Я дома находилась. Был ноябрь месяц, кафе не работало — не сезон. И я с ребёнком сидела дома, — продолжила Диля. — Ко мне постучала жена Алексея, попросила посмотреть за детьми — Лёшу забирала скорая, и она с Николаем Степановичем ехала с ним.

— А Ольга Афанасьевна? — поинтересовалась я.

— Её дома не было, куда-то ушла. Может, успела бы спасти Лёшу. Она всё может, а дед со снохой растерялись. Лёше внезапно стало плохо. Скорая ехала час. Тромб. Не успели спасти такого здорового парня, — грустно произнесла Диля. — То был один из страшных дней в жизни стариков. На похоронах, когда Лёшу опускали в землю, Николай Степановичу стало плохо. Скорая забрала его с кладбища. Инсульт. Ольга Афанасьевна не пролила ни слезинки, достойно проводила сына на небеса обетованные. А потом слегла. У неё ничего не болело — просто лежала и молчала. Ухаживали за стариками Наташа и Андрей. Надыр помогал как мог. Наташа взяла отпуск на работе и месяц провела у родителей.

— Наташа — очень хороший дочь, — после долгого молчания заговорил Надыр, — она за стариками очэн хорошо смотрел. А тепер её нэт. Что со стариками будэт, ой, что будэт? Нэ знаю... — у Надыра в уголках глаз появились слезинки.

Надыр был плотным парнем с симпатичным лицом. С большими трудолюбивыми руками. Всегда чисто одетый, побритый, жена за ним хорошо ухаживала. Когда он шёл на работу, в руках у него был неизменный пакет с рабочей одеждой, и Диля каждый день стирала её и развешивала во дворе. Диля же была тоненькой, как статуэтка, с мелкими чертами лица, скромная, умная, хозяйственная — семейная восточная женщина. Ходила она в неизменно тёмных одеждах и с покрытой головой. Как-то я её видела без платка — у неё чёрные блестящие волосы, собранные в узел на затылке. Мужа своего она слушала и почитала, но имела и своё мнение, и характер, который на людях не показывала. С апреля по октябрь Надыр трудился в городе на стройках или отделках квартир, домов, пансионатов, а зимой ездил в Москву на заработки. В городе зимой работы было мало. Уезжал в ноябре, приезжал на Новый год, и снова уезжал до апреля. Его друзья-земляки находили в Москве выгодные заказы, и они работали бригадой. Диле такая долгая разлука совсем не нравилась, но семейная жизнь научила её нескольким поступатам. Один из них — не ссориться перед разлукой, потому что человек поедет с мыслью о том, как его обозвали на прощание, как поглядели злобно, в чём-то упрекнули, и будет мысленно возражать, оправдываться, упрекать в ответ, и в результате может попасть в неприятную ситуацию. Нет, пускай уж едет спокойно. Себе дороже обойдётся, если, не дай Бог, что случится. Диля — человек с очень тонкой душевной организацией, наполнена чувствами и эмоциями. Она так глубоко переживала любой пустяк (то есть это только равно-

душный человек может посчитать пустяком, но не Диля)! Она каждое замечание, каждое неправильно сказанное слово принимала близко к сердцу, но высказать никому и ничего не могла и очень страдала от всеобщего непонимания.

Затянувшееся молчание прервал капитан:

— Диля, не суетитесь, присядьте, пожалуйста, потом со стола уберёте.

— Может, вам свежего чая? — предложила Диля.

— Нет, спасибо, мне надо с вами поговорить, — и, как фокусник, одним незаметным движением достал из кармана пакетик с заколкой. — Посмотрите, это не ваша вещь? — и капитан передал ей в руки пакетик.

Вдруг Диля как-то часто захлопала глазами, покраснела и приготовилась всплакнуть. Сбылись самые страшные её опасения.

— Так это ваша заколка? — продолжил свои расспросы капитан.

Диля молчала, как партизан на допросе в гестапо.

— Дилечка, — ласково сказала я, — это твоя заколка? Я её нашла вчера, когда уборку делала.

— Где ты её нашла? Я всё утро искала, а она как в воду канула. Потеряла.

— А где вы её потеряли? — поинтересовался капитан.

— Сама не знаю, где-то соскользнула, я и не заметила. Я же платки ношу, непокрытая не хожу — нельзя у нас замужним женщинам, — придя в себя, твёрдо сказала Диля.

— Очень странно, дорогая, соскользнуть она могла только на землю, и ты б её нашла, — пыталась я достучаться до Дили, чтоб она поняла, что её сопротивление бесполезно и бессмысленно.

— Так где ты её нашла? — Диля подняла на меня свои глаза, полные слёз.

— На лозе виноградной. Интересно, как она туда попала?

Тут Надыр что-то спросил у Диля, да таким грозным голосом, что я сама испугалась. Диля вдруг громко всхлипнула, и слёзы градом покатились из её прекрасных чёрных глаз. Немного успокоившись, она ещё раз громко всхлипнула и начала говорить тихо и медленно, так, что её порой трудно было расслышать.

— Когда я приехала сюда с ребёнком, Надыр уже два года жил здесь один, иногда только приезжал домой в Бухару. А я молодая, дурная, тосковала, звонила. Жила в семье мужа, ко мне все хорошо относились, особенно свёкор. Всегда за стол сажал, что дочке купит, то и мне. Хорошие люди, ничего не могу сказать. В очередной приезд Надыра, когда уже ребёнок подрос, свёкор сказал Надыру, чтоб тот меня и сына забрал с собой или остался дома жить — работа и здесь найдётся. Ну, мы и собрались в путь, больше чем за две тысячи километров, в далёкую Россию. Надыр сказал, что там так же тепло, как и у нас, что снег бывает очень редко — один месяц в году. Надыр меня успокоил, и, как и положено жене, я поехала с мужем. Нас провожали всей большой семьёй, мама и свекровь плакали, да и я разревелась. Но за Надыром я готова была хоть на край света. Первое время я сидела с сыном дома, Надыр трудился. Потом он меня пристроил на работу к землякам. У меня смены были через день, и я ребёнка брала с собой. Два раза в год я ездила домой, оставалась там месяц — свёкры очень скучали по внуку. Как-то были с Надыром больше месяца — его сестра замуж выходила. Зимой Надыр ездил в Москву на заработки, там его однокурсники бригаду сколотили и шабашили. Ничего плохого я за мужем не замечала, но как только прилетала Наташа, он менялся, начинал хорохориться, во дворе часто возился. Ну, думаю, чёрт с ним, перед бабами понтуетя, как все мужики. Наташе он сто лет не нужен, она твёрдо стоит на ногах, хороший специалист, у неё всё есть, зачем ей какой-то мигрант-уз-

бек. Хотя мой Надыр умный, образованный, добрый, просто плохо говорит по-русски, но ему простительно: он и в школе, и в институте учился на национальном языке. Потом как гром среди ясного неба — Лешкина смерть. Тут уж не до сантиментов.

Мы молча слушали Дилю, никто из нас, даже её муж, не перебил её не разу. У Надыра было такое напряжённое лицо, как будто он в уме решал математическую задачу. Он даже шикнул на сына, решившего заглянуть в комнату. Мальчик тут же исчез.

— Дилечка, тебе плохо? — спросила я. Вопрос был идиотский. Невооружённым взглядом было видно, что женщине очень нехорошо, но она терпит, сдерживается — привыкла ко всему.

— Нет, нет. Я сейчас продолжу, — сказала Диля, а в её красивых глазах читалась боль.

— Диля, ты не переживай. Всё расскажи. И тебе будет легче на душе, и капитан выяснит картину преступления, — решила я применить всё своё дипломатическое искусство.

— При чём тут преступлений, жэнщина? — со злостью посмотрел на меня Надыр.

— Надырчик, — заискивающе ответила я, — ты не так понял.

— Ты жэнщин опытная, конечно.

— Что ты имеешь в виду? — напряглась я.

Тут наш диалог нарушил капитан:

— Диля, продолжайте, я вас внимательно слушаю. А вы помолчите, — с нескрываемой досадой обратился капитан ко мне и Надыру. Я умолкла, но обиду на капитана затаила.

— Так на чём я остановилась? — задумалась на секунду Диля. — Лёшкина смерть была для всех ударом. Старик слёг. Ольга Афанасьевна ходила как робот. Прилетела Наташа, осталась на месяц, а тут Лешкина жена заявила, что

уходит, будет с детьми жить отдельно, что без Лёши не хочет жить здесь. Старики совсем сникли — Лёшкиных детей они обожали. На сорок дней поставили памятник бедному сыну. Надыр принёс огромный казан, поставил во дворе и сделал узбекский плов, как Лёша любил. Помогал ему Андрей, и ели гости плов со слезами этих мужчин. Лёшка был хороший парень, добрый, честный, ценил людей, любил жизнь. Почему таких забирает Бог? Наверное, они ему тоже нужны в его небесном царстве! На следующий день Надыр с Андреем помогли снохе переехать, и как будто у стариков оборвалась последняя ниточка связи с сыном. Надыр уехал на заработки в Москву. Я иногда ходила на работу, а ее было очень мало — зима. В тот год Надыр не приехал на Новый год. Я отмечала со стариками, Андрей с Ирой куда-то ушли. Ольга Афанасьевна Иру не любит, называет её дурой бестолковой. Ольга сама женщина умная и всех глупеньких дурочек не переносит, в ней живёт ещё юношеский максимализм, несмотря на её почтенный возраст. Надыр приехал в апреле, а в июле я с сыном уехала на родину. Так получалось, что Наташа всегда приезжала в июле, когда я отправлялась в Бухару. Только в этом году я осталась — надо сына готовить к школе, он в первый класс пойдёт. А в конце августа к нам свёкор со свекровью приедут внука в школу проводить и посмотреть, как мы живём — за семь лет ни разу не были.

— Диля, расскажите о том дне и о заколке, — капитан настойчиво подводил Дилю к финалу её рассказа. Он крайне редко ошибался, и за последние годы ему не приходилось отступать от плана намеченного им расследования. Он уже приблизительно знал, чем закончится Дилин рассказ, и подводил её к этому.

— Так вот, в тот вечер я пришла с ребёнком, искупались, легли, стали смотреть телевизор. Сын уже засыпал, я уло-

жила его в кроватку и увидела в окне, как подъехала Элла с сыном, а потом заметила, как вдалеке тихо, неспешно идёт Надыр. Отправилась на кухню, чтоб разогреть ему еду. Хоть ужин и поздний, но муж бывает иногда голодный и ест, а я сижу рядом с ним, и мы разговариваем о том о сём. Жду я, жду, а его всё нет и нет. Подошла к окну — и на улице нет. Я разволновалась, решила, что во дворе гулянка, там пьяные мужики, пойдёт туда, нарвётся ещё на скандал — в общем, разыгралась фантазия. Я накинула халат и хотела уже спуститься во двор, но как только открыла дверь, услышала голоса. Под лестницей разговаривали. Голос своего мужа я сразу узнала, а второй принадлежал Наташе. Они вели сумбурный любовный разговор, он её целовал, она ему отвечала. Я остолбенела, стояла в дверях не шелохнувшись, потом забежала в комнату, сняла халат и легла. Моё сердце готово было выскочить из груди, стучало быстро-быстро. Я думала, что умру сейчас. Надыр вернулся домой через некоторое время, прошёл на кухню, гремел посудой, а я лежала и молчала. Потом зашёл в комнату, лёг, стал меня будить. Спросил, почему я дверь не закрыла, начал лезть, но я делала вид, что сплю, отвернулась к стенке и молчала. Боялась, что не сдержусь, и не отвечала ему, только стиснула зубы и молчала. Когда уже Надыр стал похрапывать, я покинула комнату и решила выйти во двор, тихо прикрыла дверь и спустилась вниз. За столом сидели все. Я окликнула Наташу, она очень удивилась, но подошла ко мне. Я завернула за угол домика, туда, где виноградник, чтоб нас никто не видел. Наташа подошла ко мне, мы стояли лицом к лицу, и я, как настоящая базарная баба, схватила её за волосы, а она меня, мы несколько секунд потаскали друг друга, причём молча. Наташа сразу поняла, почему я её позвала, — она умная была. Потом моя косынка соскользнула с волос и осталась у неё в руках, и, видно, тогда и соскочила закол-

ка. Зачем я надела эту косынку, даже не пойму — скорее по привычке. Стоя с косынкой в руках, Наташа стала плакать, и я тоже разревелась. Мы обе стояли и плакали. Наташа сама пообещала мне, что больше никогда не будет общаться с Надыром, что понимает: у нас семья, ребёнок. Что уже Алинка вышла замуж, что она свой материнский долг исполнила, что найдёт себе достойного мужчину и выйдет замуж. Говорила о том, что никогда не хотела уводить Надыра из семьи, да он бы и сам не ушёл, что он очень хороший, чтоб я его берегла, что мне нужно проявить женскую мудрость. Во мне заговорила вековая мудрость моих предков, я её молча выслушала, взяла из её рук косынку и пошла к себе, умылась, причесалась... и лишь тогда обнаружила пропажу заколки. Решила, что утром её поищу. Мои мужчины крепко спали — и маленький, и большой. А я пошла спать к своему сыну. Обняла его, прижалась к нему и окончательно поняла, что мой маленький сын навеки связал меня с Надыром и никто их у меня никогда не отнимет. Так и заснула. А утром узнала о смерти Наташи. Клянусь вам, я её не убивала, я к этому не причастна. Да я в жизни никого не смогу убить. Это ведь грех большой.

Диля замолчала и смотрела только на Надыра. А он сидел как гипсовая статуя, белый и неподвижный. В глазах его стоял страх — страх за жену. У меня начало нарастать дурное предчувствие. Лучшее средство защиты — это нападение. Лучшее средство от боли — это ненависть. Оба чувства одновременно сработали в голове у Надыра.

— Диля тут совсэм нэ при чём. Это я убит Наташа. Диля нэт. Это я пошел и убивал, рэвновал.

Бедный Надыр... голос его дрожал. Он так испугался за свою жену, что ему уже было всё равно, что будет с ним.

— Диля — хороший женцин, хороши человэк, у нас сын. Диля никогда Наташу не убивать.

— Что ты болтаешь?! — прикрикнула на него жена. — Ты спал как убитый, — и замолчала, поняв циничность своего сравнения.

— Ясно, — капитан встал. — Сидите дома и никуда не уходите.

— Вы меня не будете арестовать? — спросил Надыр.

— Нет. Ни тебя, ни твою жену. Когда будет надо, я вас вызову, — сказал капитан. Нельзя сказать, что у него были какие-то определённые планы. Скорее всего, он полагался на свою развитую интуицию.

Мы встали и ушли. Гости из ближнего зарубежья даже не отправились нас провожать, что нехарактерно для этих гостеприимных людей. Они так и сидели на своих местах, как два изваяния... мне их стало чуточку жаль.

— Вы так несерьёзно отнеслись к их объяснениям, капитан, — обратилась я к Золотарёву.

— Элла Глебовна, у вас холодненькой водички не найдётся?

— Конечно, найдётся, — обрадовалась я. — Есть даже компот, вкусный, кисленький.

— Угостите меня, — попросил капитан, — а я вам что-то расскажу — всё равно же вы не отстанете.

— Конечно, угощу и, конечно, ни за что не отстану, — с готовностью согласилась я.

Когда мы вошли, воздух в квартире был накалённый, а Глеб сидел надутый. Прослеживалось явное ухудшение морального климата в семье.

— Почему ты не берёшь с собой телефон?! — менторским тоном спросил Глеб. — Умные люди создали мобильные телефоны, чтоб другие повсюду брали их с собой. На то они и мобильные, понимаешь?! Я сколько раз тебе говорю, чтоб ты всегда была на связи! Это мера безопасности. А вдруг с тобой что случится?

— А что со мной случится, сыночек? Я с капитаном была во дворе. Извини, забыла взять! Или, может, кто звонил мне? — извиняющим тоном спросила я у Глеба. Мы с капитаном прошли на кухню. Глеб следом за нами.

— Так кто звонил, сыночек?

— Не звонил, а трезвонил целый час. Пришлось взять трубку.

— А кто, сынуленька? — заискивающим тоном спрашивала я у Глеба, доставая из холодильника кувшин с компотом и разливая его по чашкам.

— Кто же ещё, кроме твоих подруг, может бесконечно набирать твой номер. Непонятно им: раз трубку не берёшь, значит, телефон не с тобой.

— А кто? Тётя Люся, тётя Наиля, тётя Карина? Или Римма Львовна? — затараторила я.

— Стоп. Стоп, — Глеб, допив компот, прервал меня. — Тётя Карина. Она сказала, что тоже на море, в каком-то... Викингово или Рыцарево, я так и не понял. Рядом с Анапой. И ей надо срочно с тобой поговорить, посоветоваться, и вообще, она хочет к нам сюда приехать на пару дней.

— Ни в коем случае, — влез в наш разговор капитан, допивая уже третью чашку компота. — Сейчас никому сюда нельзя. Ясно, Элла Глебовна? — крикнул капитан и пригладил шевелюру.

— Ясно, мать? Никого нельзя, — обрадовался Глеб.

— Она в Витязево, — догадалась я, — рядом с Анапой, у своей сестры. Помнишь, сынок, в детстве мы всей семьёй ездили в Анапу — всесоюзную детскую здравницу.

— Помню, мама, и твой любимый санаторий «Великая бухта» помню, всё помню, — потом повернулся к капитану: — Спасибо, капитан, за поддержку.

— Я тебя понимаю, Глеб, — не без ехидства посочувствовал капитан сыну.

Мне захотелось этот кувшин с холодным компотом вылить на голову им обоим. Глеб по моему выражению лица понял, что добром это не кончится, и ретировался к себе в комнату. Капитан же сел, взял из моей руки кувшин и как ни в чём не бывало выпил ещё пару чашек подряд.

— Эх, хорошо! — нараспев сказал он.

Я присела и стала ему рассказывать про Карину, какая она умная, красивая, стройная, и как ей не везёт на мужиков. Но вот она в этом самом Витязево встретила мужчину случайно, прямо купаясь в море. И так бывает. Он — хороший человек, из Междуреченска, был две недели на море, сейчас хочет уехать к себе, продать квартиру и вернуться в Витязево, где они с Кариной будут жить. А пока она одна и хочет ко мне приехать, посоветоваться.

— Нет, — устало произнёс капитан, — никаких лишних людей, вы здесь все под подозрением. Нам надо найти убийцу.

— Да я знаю, кто убийца, — с воодушевлением сказала я, напрочь забыв Карину. — Это — Диля.

— Диля? Нет, не Диля, — усмехнулся капитан.

— Тогда Надыр, — продолжала я.

— Нет, и не Надыр.

— У них есть мотив для убийства, у обоих, — ревность, — упорно продолжала я настаивать.

— Элочка, — вдруг слащавым голосом заговорил Золотарёв, — там нет никакой ревности. А про отношения покойной Натальи и Надыра я знал.

— Ой, да что вы! — взорвалась я. — Вот только не надо мне макаронные изделия на уши вешать. Там уже столько навешано, что впору итальянский ресторан открывать.

Капитан от души, заразительно рассмеялся, да так громко, что даже непрошибаемый Глеб высунулся из своей комнаты.

— Хорошо сказано, браво! Тогда надо мне сеть ресторанов открывать, — продолжал он смеяться.

— Так откуда вы знали, если даже мы, те, кто здесь живёт, не догадывались об этом? — настаивала я, обращаясь к капитану.

— Мне сказала Ольга Афанасьевна. Я вчера долго с ней беседовал в больнице. Она мне много чего рассказывала. Может, женщины друг друга и потаскали за волосы, но на этом всё. У восточных людей менталитет другой. За любовь они людей не убивают. Себя могут, а другого человека — нет. Это не ваши любимые итальянцы, — завершив свой монолог, капитан собрался уходить и уже в дверях спросил: — Скажите, а новые жильцы наполняли бак летнего душа всегда ведром? Это ж неудобно.

— Нет. Одно время мужчины наполняли, а потом эти «кулибины» насос починили. Я видела, мне с окна кухни всё как на ладони. Этот бедолага, которого вы взяли, всё пыхтел, чинил.

— Спасибо за всё, Элла Глебовна, мисс детектив вы наш. И никаких подруг, ясно?

— Ясно, ясно. Сейчас ей перезвоню. И если уж на то пошло, то мисс детектив — это мисс Марпл, а я сеньорита детектив — за мою любовь к итальянцам, как вы успели заметить.

Капитан понимающе кивнул головой, а я пошла звонить своей Карине.

С Кариной мы познакомились в Москве. Я приехала с семьёй после нашей бакинской эпопеи, пройдя путь Баку-Пятигорск-Москва. Она же уехала из Гагр, когда начался абхазский конфликт. Гагры Карина обожала и очень переживала, что пришлось покинуть любимый город. Мы снимали жильё в одном доме на окраине Москвы, познакомились, гуляли на детской площадке. Карина вот-вот должна была ро-

дить и выгуливала свой живот, ну а я — с двумя детьми. Мы подружились и больше не расставались. Когда она родила сына, я отдала Карине много детских вещей, коляску и много чего другого ещё. Время было тяжёлое, такая взаимовыручка была как нельзя кстати. После рождения сына муж Карины уехал в Гагры якобы продавать квартиру и больше в Москву не вернулся. Просто решил, что жена и сын для него обуза, а в Гаграх ему хорошо — квартира, родители, девушки. Это было самое трудное время в жизни Карины. Брат и мама её поддерживали как могли. Время трудное, годы лихие... наши дети родились в девяностые. Но всё проходит, как говорил мудрый царь Соломон, и это время прошло. Сейчас Карина уже бабушка. В отличие от моих сыновей, Каринкин Руслан женился на первом курсе и родил двойню — девочек. Карина в них души не чаёт, но до сих пор не оставила попыток найти достойного мужа. Она ведь красавица, высокая, стройная, с мелкими чертами лица, очень спокойная. Я всегда поражалась: куда это мужчины смотрят? Работала она много, семью надо было содержать, муж не помогал семье, алименты не платил ребёнку, и Карина решила его не трогать — выкарбкиваться самостоятельно. И сейчас она не просто так приехала в Витязево. Моя подруга арендовала роллет (это такая маленькая торговая точка), накупила в Москве на оптовом рынке «Садовод» разных пляжных аксессуаров и решила заработать за курортный сезон, благо у неё сестра двоюродная живёт в Витязево. И вот Каринка встретила мужчину своей мечты, Валеру... случайно — в море купались. И так бывает: встретились два одиночества в водах Чёрного моря. А пока Валера поехал в свой шахтёрский город решать свой вопрос, чтоб потом вернуться назад с деньгами к Карине и объединить свои жизни. Они решили обосноваться в Витязево. И вот сейчас Карина хотела приехать ко мне, поговорить. Её терзали сомнения относительно Валеры.

— Каринка, ты не сможешь приехать ко мне сейчас, — сказала я своей подруге.

— Почему? Ты где? — удивлённо спросила Карина, не ожидая отказа.

— Капитан не разрешает.

— Какой капитан? Какого ранга? Ты нашла себе капитана? Сколько ему лет? Как ты с ним познакомилась? — стала она меня забрасывать вопросами.

— Господи, Карина, ты в своём репертуаре. Я никого не нашла. Это капитан полиции.

— Элка, ты с ума сошла! — как будто не слышала она меня. — Зачем тебе мент, да ещё капитан?! Тебе генерала надо. Помнишь, у меня майор был, мент? Лет десять назад. Вот дубина стоеросовая. Ну, помнишь?

— Помню. Карина, помолчи и выслушай меня. У нас тут во дворе убийство произошло и...

— Убийство? — не дослушала она меня. — С тобой всё в порядке? Как Глеб?

— Со мной всё в порядке, с Глебом тоже. Ты же разговаривала с ним сегодня.

— Да, да. А кого убили-то?

— Дочь хозяев, — грустно ответила я.

— А кто?

— Господи, Карина, откуда же я знаю?! Вот поэтому капитан — следователь — не разрешает никого пускать и нас, всех жильцов, не выпускает, — пыталась я ей втолковать, но моя Карина слушала только себя.

— Элка, ты что, арестована? Может, тебе адвокат нужен?

В общем, я целый час рассказывала ей всё, что у нас произошло на Яблонево́й, 15. И это была моя роковая ошибка. Карина — человек-камень: если уж вдолбила себе что-нибудь в голову, то выдолбить это обратно без отбойного

молотка не получится. Вот она и решила провести телефонное расследование. Каждые полчаса она мне трезвонила:

— Я знаю, это узбеки!

— Нет, мы проверяли с капитаном, — вздыхала я.

— Ты тоже? Ну ты даёшь!

— Это внук! — ещё через полчаса орала она в трубку. Видно, у неё торговля совсем не шла...

Я отправилась готовить на кухню, закрыла дверь, чтоб Глебу не были слышны периодические звонки Карины.

— Элка, это бабка Оля убила свою дочь. Точно говорю! — орала подруга в трубку.

— Не сходи с ума, у неё двое детей умерли. Зачем ей своего третьего ребёнка убивать? — охладила я её пыл.

Но не тут-то было. Карину невозможно остановить.

— Довела. Иногда мне так хочется удавить своего сына с его жёнушкой ленивой.

— Карина, твоему сыну 25 лет, а покойной Наташе — под пятьдесят. С чего это Ольга Афанасьевна должна её убить? — всё успокаивала я свою подругу. — Минутку, Карина, у меня курица подгорает.

— А что ты готовишь?

— Курицу жарю с картошкой, — ляпнула, не подумав, я — сейчас услышу нравоучения о своём рационе и о себе любимой.

— Элка, — начала Карина, — ты и так толстуха, совсем разжиреешь там. Зачем тебе нужна жареная курица, а картошка тем более? Это же смерть сосудам! Ты что, не понимаешь? Отвари филе куриное и хомячь себе под салатик. Тебе худеть надо. Сколько я уже могу это тебе втолковывать! Даже этот мент, капитан, на тебя не посмотрит.

— Он молодой, зачем он мне нужен? — оправдывалась я.

Последнее время Карина активно борется с избыточным весом. Этой борьбе не суждено увенчаться успехом по

одной простой причине: нельзя бороться с тем, чего нет. Но доказать ей это никто не может.

— Хорошо, Кариночка, — чувствуя себя виноватой, сказала я, — я Глеба покормлю, а сама — салатик.

— Ладно, пока, я сейчас схему составлю, потом позвоню тебе.

— Какую схему? — испугалась я. — Опять диета, что ли?

— Не плачь, не диета. Схему убийства, — торжественно сказала она.

— Кариночка, а ты можешь составлять такие схемы? На факультете французского языка в пединституте и этому учат? — с ехидством спросила я.

— Нет. Не учат. Жизнь научила, — и она дала отбой.

А я сто раз пожалела, что всё рассказала ей. Но куда деть свой длинный балабольский язык, не отрезать же на холодец...

Я тихо готовила обед, предаваясь своим мыслям, и вдруг глянула в окно. Святое семейство собралось на пляж. Папаша в дебильной футболке «Я люблю секс и море», мамаша в идиотской панамке и сынок в такой же. У папаша на руку был вдет надувной детский круг, у мамаша — пляжная полосатая сумка с нарисованным якорем, судя по всему, тяжёлая: она еле несла её, видно, взяла всё необходимое для приятного отдыха своих мужчин. А мальчишка топал вприпрыжку, радуясь тому, что отправляется на пляж. Это была чета новых жильцов-москвичей. Вот наглые, просто на грани фантастики! Убийство во дворе, капитан всем запретил выходить, даже мой Глеб дома сидит, хотя у него много дел, а эти на пляж собрались! Воистину правильно говорят: «Во чужом пиру похмелье». Я всё побросала и быстренько помчалась перехватить этих наглых людей.

— Здравствуйте, а куда это вы собрались?

— На море, купаться, — радостно ответил ребёнок.

— А вы помните, молодой человек, что капитан запретил выходить всем жильцам? — обратилась я к мужчине.

Тот растерянно посмотрел на жену:

— Я же говорил.

— Это не ваше дело, дорогая, — прервала она мужа. — Вы кто такая? Сыщик-дилетант? Вам какое дело? Ребёнку воздух морской нужен, мы на неделю приехали, что ж нам, дома сидеть, пока этот мент ищет-рыщет?

— Как вам не стыдно, — пыталась я их усовестить. — Убийство произошло, а вы купаться.

— Не ваше дело, психопатка, — обругала меня чокнутая мамаша, потом добавила: — Возрастная психопатка. Старческий сдвиг ума у вас, — поставила она мне окончательный диагноз.

Я молчала, не в силах выразить свои мысли и чувства словами, но взгляд мой был достаточно красноречив. Но увы, мой выразительный взгляд их не остановил, и они ушли. А я опять помчалась на кухню: ещё немного, и от моей курицы остались бы одни угли. Со злостью выключила все горелки (сбылась Каринкина мечта) и решила позвонить капитану.

— Капитан, я хочу сказать... — начала я.

— Перезвоню, — прервал он меня.

После такого ответа я почему-то обиделась на весь мир и вышла покурить во двор. Глеб перехватил меня на пороге:

— Мать, есть что пожрать?

— Пожрать есть всё, что найдёшь на кухне! Всё твоё.

— А чего ты такая злая?

Я решила не отвечать на его риторический вопрос, и сын тоже не рискнул дальше доставать родительницу.

Я одна сидела во дворе и курила. Мой сокурительщик, Николай Степанович, уже второй день не выходил во двор — дымил дома, пока Ольги Афанасьевны не было. Я же пыхивала сигаретой и размышляла. Когда долгое время

думаешь о чём-то одном, то острота ума притупляется, и ты перестаёшь замечать очевидное. Я решила не думать об этом убийстве, а помечтать о своём будущем внуке, которого очень жду, о том, как я буду с ним гулять, какой он будет хорошенький и сладенький.

Прошло полчаса, а Золотарёв всё не звонил. Я для приличия выждала ещё минут десять и набрала его — уж очень не терпелось мне донести до него, что кто-то посмел его послушаться. Капитан долго не брал трубку.

— Да, слушаю, говорите быстрее. Мне пришлось отойти, чтоб выслушать вашу очередную бредовую версию.

— При чём тут бредовая версия?! — обиделась я. — Просто я хотела сказать, что новые жильцы ушли с ребёнком.

— Куда они ушли? — разнервничался капитан. То, что события пошли не по его плану, ему очень не понравилось.

— Думаю, на пляж: они так были одеты и настроены ребёнка на море отвести.

— Хорошо, — раздражённо сказал капитан. — Мы в морге, скоро приедем и привезём Ольгу Афанасьевну.

Я уже поднялась, чтоб вернуться к себе, как во двор вышел друг того бедолаги — толстяка, который сейчас сидит в КПЗ.

— Здравствуйте, Элла Глебовна, — тихо сказал он. Глядя на него, хотелось плакать, до того у него был удручённый вид.

— Здравствуйте, молодой человек. А мы разве познакомились?

— Да вас тут все знают. А меня Игорь зовут. Я специально к вам вышел поговорить, посоветоваться.

— Что ж я вам насоветую? Я сама не знаю, почему вашего друга забрали.

— Женьку, его Женя зовут, моего дружка. Его обвиняют в убийстве... Представляете, в убийстве!

— Это он, что ли, ваш Женька, убил Наташу?

— Нет, конечно! Мне с ним свидание не дают. Я даже не знаю, как он там. Но я поговорил с лейтенантом — помощником вашего капитана.

— А почему моего? — возмутилась я.

— Ну вы же с ним ходите туда-сюда — вот решил, что вы давно знакомы, да и интерес есть у вас в этом деле.

— Игорёк, дорогой, никакого интереса у меня нет, кроме желания узнать правду и, возможно, восстановить справедливость.

— Вот именно, «восстановить справедливость». Женька никогда в жизни никого не тронет, он мухи не обидит! — запричитал Игорь.

Есть люди, которым не везёт катастрофически. Они просто в магазин пойдут за хлебом, а на них весь снег с крыши на голову свалится, хорошо, если инвалидом не останется. Или машина обрызгает с ног до головы так, что почувствуешь себя мокрой курицей. Или обязательно такси задержится, так что ты опоздаешь на свой рейс и перед твоим носом закроют регистрацию. А есть такие, которых удача за руку ведёт по жизни, и в какую бы глупость не влезли, они её переживут да ещё с выгодой для себя — просто везунчики. Вот Женька, похоже, относился к первым. Они с Игорьком дружили с детства, как говорится, рядом на горшке сидели в детском саду. Потом в школе за одной партой, потом — в институте. Они были друзья «не разлей вода». Женька — толстый увалень, а Игорёк — поджарый, спортивный паренёк, причём оба спортом не занимались. Гулеванили они тоже вместе, и в армию после института тоже в одну роту попали. Но Женька вечно в какие-то истории влипал, из которых его вытаскивал Игорёк. Эти истории находили его сами, и не в силу характера Женьки, а из-за его невезухи — нефартовый Женька, и всё тут, звёзды не так легли при его рождении.

И женились друзьяки тоже в один год: Женька — на девушке, совершенно противоположной ему и внешне, и внутренне... Худая, мослатая, длинноногая жердь с острыми углами вместо нежных выпуклостей и с жёстким мужским характером. Это она отправила Женьку на стройку работать — и похудеет, и денег заработает, а то сидит в своей конторе, пиццу жрёт. Женька потащил за собой Игорька, благо они в одной конторе сидели и одну пиццу на двоих заказывали. Игорева же жена была дородной девушкой с округлыми формами, мягким говором и добрым характером. Она отговаривала мужа от работы на стройке: «Игорёша, может, не надо тебе туда, как-нибудь проживём. Я работу на дом буду брать». У обоих друзей родилось по дочери. И вот спустя какое-то время, а точнее в этом году, парни, взяв отгулы и наврав про командировки, рванули на море — отдохнуть и от работы, и от семьи.

Так и вышло, что невезучий Женька попал в самую крупную неприятность в своей жизни: ни много ни мало — обвинение в убийстве. Игорю же предстояло пережить массовую гибель нервных клеток, которые, как известно, не восстанавливаются.

— Элла Глебовна, помогите!

— Чем же я могу помочь, Игорь? Что вам сказал капитан?

— Что в руках у Жени было орудие убийства.

— Какое орудие?

— Бутылка.

— Наташу убили бутылкой?

— Да. Шарахнули по башке. Но Женька пьяный был, он даже встать не мог... как он не промазал, не пойму.

— Да. А главное, мотив. У него никакого мотива, — хорохорилась я перед Игорем — всё-таки я сеньорита детектив.

— Я так и сказал лейтенанту, а он мне: «Посмотрим, посмотрим, ждите».

— Да... дела. А адвоката наняли?

— Нет. Хотел. Говорил с капитаном. Он ответил, что пока не надо. Если потребуется — даст своего бесплатного адвоката.

— Бесплатный только сыр в мышеловке.

— Вот именно. Его жене боюсь звонить — мегера. Родителям тоже пока не сообщал... Решил выждать ещё день. 72 часа пройдёт, а там видно будет.

— Раз капитан сказал, то так и будет. Ждите. И никому не звоните, — твёрдо убеждала я Игоря.

— Хорошо, что я с нашим начальником участка не связался. Хотел насчёт адвоката поговорить — может, кого знает, — горестно вещал Игорь.

— Игорь, не нервничайте. У вашего друга нет никакого мотива убивать Наташу. Это не он. Даже если она отказала ему в близости.

— Ой, да какая близость! Когда я уходил спать, он вообще уже никакой был, — потом, помолчав немного, Игорь шёпотом сказал, как будто нас кто-то подслушивал: — Женькина жена, стерва, звонит мне всё время. Я соврал, что Женька телефон потерял, а она всё просит его позвать. Что мне делать? — вздыхал парень.

Я стала быстро прокручивать свои шарики и ролики в черепной коробке:

— Вот что, скажите: Женька охрип — выпил бутылку ледяной воды и потерял голос, говорить пока не может. Через день ему станет лучше, и он сам позвонит, купит телефон и позвонит.

— Ой, спасибо, Элла Глебовна! — радости Игорька не было предела. — Как я сам не догадался! Вот что значит умная женщина, — и в благодарность он предложил мне составить ему компанию и выпить холодного пива (они с собой привезли большие запасы этого напитка). Я поблагода-

рила, сказала, что пью спиртное только после заката солнца и гордо удалилась.

Придя домой, я глянула в старое трюмо, которое мне поставила Ольга Афанасьевна. В зеркале отразилась приличная женщина с неизгладимыми следами интеллигентности и советского высшего образования на лице.

— Да я ещё очень даже ничего, — сказала я сама себе вслух и послала воздушный поцелуй зеркалу. — Эх, хороша девка! — резюмировала.

— Мама, ты с кем? — донёлся голос Глеба.

— Сама с собой. Крем купила ещё давно, «Геронтол» называется, думаю: мазать или ещё рано?

— Какой рано! Мажь, ты уже пенсионерка, как раз для тебя, — обрадовал сын.

— Спасибо, сынок, за совет, — расстроено поблагодарила я Глеба и потопала на своё рабочее место — на кухню.

Только собралась что-то вкусненькое и полезненькое состряпать на ужин, как раздался звонок. Я не дала телефону возможность долго трезвонить и сразу взяла трубку. Звонила моя любимая подруга Люся и по совместительству бывшая начальница.

— Эллочка, как дела? — сладким голосом сказала Люся.

«Что-то тут не то», — всполошилась я.

— Люся, что случилось? — торопливо спросила я. — С детьми всё в порядке?

— С детьми всё в порядке, если ты имеешь в виду моих внуков, которых я пою и кормлю (кто ещё, кроме меня). Сыну 35 в августе, а обеспечить их не может, одна я кручусь как белка в колесе. Так эта стерва хочет их лишить и этого!

— Что за стерва? — удивлённо спросила я. Люся никогда ни о ком плохо не говорила.

— Эта кошка драная, кто ещё! Наша новая шефиня, — тихо произнесла Люся. — Представь себе: она хочет мне

тоже дать волшебного пенделя и отпустить на свободу, как и вам всем.

Мы с Люсей работали в одной конторе — в пенсионном фонде нашего округа. Она была моим непосредственным начальником, заместителем руководителя. Люся — профессионал с большой буквы, она всегда учится, ездит на разные семинары, своё дело знает на отлично. И когда нашего руководителя сняли за махинации с материнским капиталом, мы все думали, что Люсю назначат на его место — лучшей кандидатуры просто не было. Но пришла новая начальница — молодая, амбициозная и ненасытная. Она хотела везде посадить своих людей, украсть то, что ещё не успели украсть, и нас, несколько человек, уволили по статье: «пора на пенсию, старьё». Люсю не тронули, но пытались. Просто у неё наверху была «мохнатая рука», которая чуток надавила на красивую грудь нашей новой начальницы, и та оставила Люсю в покое... но, как видно, ненадолго.

— Я её убью, убью эту дрянь, — шептала в трубку Люся. — Опять вызвала меня к себе и открытым текстом сказала, что я уже фактически на пенсии и мне нужно дать дорогу молодым.

— Да... Вот дела... Так позвони своему покровителю.

— Звонила. Он в отпуске. Сказал, чтоб я ничего не предпринимала, никаких заявлений по собственному желанию не писала, а просто ушла в очередной отпуск. Как раз мой по графику на подходе.

— Не переживай, ступай в отпуск. А он выйдет на работу и всё решит. Тем более что ты в Ессентуки собираешься, — успокаивала я свою подругу как могла.

— Ладно, потопала ей говорить, что в отпуск иду. Как бы сдержаться и не залепить ей по башке чернильным прибором!

— Не надо. Тут уже одной дали по голове, бутылкой, правда.

— Кому это? Как? — удивилась Люся.

— Обыкновенной бутылкой из-под водки.

— Палёной?

— Откуда я знаю? Я же не пила, — обиделась я.

— И кому?

— Дочери хозяев.

— Да ты что! Она пьяница, что ли? Ты же говорила, что они приличные люди вроде бы! Вот как в жизни бывает...

— Люся, она врач. Нормальная.

— И что она? В больнице? Сотрясение небось?

— Она умерла, — горестно вздохнула я.

— От бутылки? Это ж с какой силой надо ударить?! Тут Гераклом надо быть, — сокрушалась Люся. — Элла, может, вы съедете оттуда? Какое-то криминальное гнездо. Ещё Глеб с тобой.

— Не переживай, как найдут убийцу — съедем, — успокоила я подругу.

— Элла, смотри, не лезь в это. Я тебя предупреждаю. Ещё ребёнка втянешь. Я тебя знаю.

— Хорошо. Не парься. Иди заявление пиши и в отпуск езжай.

Люся — хороший человек, прекрасная мать и бабушка. Весь дом держится на ней, и потерять работу она не имеет права, хоть и очень устала. Надеюсь, что хотя бы в Ессентуках она отдохнёт. Каждый год она ездит в один и тот же санаторий, лечит свой диабет, а заодно и нервы.

Я сидела на кухне и ждала, когда приедет Ольга Афанасьевна. Шум голосов я обязательно услышала бы. Передаваясь размышлениям, я не сразу обратила внимание на тихий стук в дверь. Открывать пошёл Глеб. На пороге стоял Николай Степанович, спрашивал меня. Я мигом выскочила в прихожую.

— Курить не хочешь? — спросил он меня подавленно.

— С удовольствием, — живо ответила я.

— С удовольствием не это делают, — парировал мне Николай Степанович и пошёл во двор, за ним — я. Уселись каждый на своё место: Николай Степанович на его любимое старое облезлое кресло, я — на стул. Раньше я сидела на качалке, но после этих печальных событий, когда труп нашли именно на ней, я туда даже не приближалась.

— Ты знаешь, что её сейчас привезут? — тихо сказал он.

— Кого? Наташу? — испуганно спросила я.

— Нет. Ольгу. Андрей позвонил... Она ведь мне неродная, — продолжал он.

— Кто? Ольга Афанасьевна? — удивилась я. Явно со стариком что-то не так. Заговариваться стал, подумала я. Неродные жёны тоже бывают, что ли? Двоюродная жена — это интересно!

— Какая ты бестолковая, девонька. Наташа мне неродная дочь, — твёрдо сказал Николай Степанович.

От неожиданности у меня просто язык отнялся. Такого поворота событий я не ожидала. Я засопела, набирая воздух для очередного вопроса, но Николай Степанович жестом меня успокоил.

— Наташа от того майора, Мишки Поволоцкого, — с ним Оля шуры-муры крутила до меня. Наташа уже в животе была у Оли, когда я её забрал, — продолжал старик, пуская клубы дыма колечками. Он был знатный курильщик, и, видно, выпить любил хорошо.

— А Наташа знала?

— Нет. Никто не знал. Я Олю встретил из роддома, ребёнок на себя записал и растил Наташу как родную.

— Не та мать, кто родила, а та, кто вырастила, — произнесла я, а потом поняла, что ляпнула глупость. — Ой, извините: отец тот, кто вырастил.

— Да, это так. Но Лешкину смерть я до сих пор не могу себе простить... Не прощу, что упустил парня, не уследил, не знал, что болеет, дымил здесь вместе с ним.

— Но вы же не виноваты, Николай Степанович, — успокаивала я его. — А Наташин родной отец знает про неё? — не унималась я.

— Не знал раньше. Но лет 15 назад встретил я его здесь, у нас, совершенно случайно, — и опять замолчал.

Я уже начала дёргаться: боялась, что всего не успею узнать до приезда капитана. Вот новости я ему сообщу — просто отпад. А Николай Степанович после долгой паузы продолжил:

— Я тогда ещё в МЧС трудился... И в отеле, где он с семьёй жил, сработала пожарная сигнализация. Всех жильцов эвакуировали. Я его тогда и не узнал совсем. Он сам меня окликнул по фамилии. Вот так мы и столкнулись. Поволоцкий, он такой... стал настаивать на встрече. Настойчивый: решил — значит, сделает. Не в его правилах отказываться от задуманного.

— Вы встретились? — не оставляла в покое я деда.

— Да, встретились, на следующий день. Я лишнего выпил и в сердцах сказал ему, что хоть он сейчас и генерал, но я его дочь воспитал и образование дал. Ох и болван же я... На следующий день ходил, просил его забыть разговор, говорил, что Наташа мне дочь родная. Но слово не воробей, вылетит — не поймаешь. Да, Поволоцкий обещал молчать, только спросил, как дочь зовут, и всё. А этот человек, если сказал что-то, то точка — так и будет. Старой закалки он, я ему поверил.

В этот момент раздался шум подъезжающей машины и голоса. Я хотела уйти к себе, чтоб не мешать встрече стариков, но Николай Степанович окликнул меня:

— Элла, у меня к тебе просьба: только никому не говори. Не хочу Олю обижать, ей и так тяжело.

— Что вы, Николай Степанович, никому и никогда, — уверила я старика и отправилась к себе. Не хотела присутствовать при этой тягостной встрече людей, проживших около 50 лет вместе, построивших свою жизнь по одному известному им сценарию, и в итоге получивших такой финал своей жизни.

Через несколько минут ко мне зашёл Золотарёв. Капитан выглядел немного взъерошенным и очень расстроенным.

— Ой, Александр Сергеевич, что я вам сообщу! — прямо с порога огорошила я его.

— Что ещё, кроме того, что вы уже сказали? Что такого интересного, чего я не знаю?

Из чистой вредности мне хотелось дать ему соответствующий ответ. Я видела, что капитан питает глубокую неприязнь к сыщикам-дилетантам, но вынужден терпеть меня. А учитывая, что я ещё и женщина, то он проявлял просто адское терпение. Убийцу надо найти, а я какую-никакую информацию ему даю.

— Элла Глебовна, так что вы хотели мне сообщить? Давайте поскорее, мне некогда, ещё и есть хочу — с утра маковой росинки во рту не было, — ворчливым голосом произнёс капитан.

— Ой, Александр Сергеевич, миленький, давайте я вас покормлю, у меня замечательный обед. Давно я не кормила мужчин. Глеб в расчёт не берётся: он насыпает в тарелку еду и несёт в свою комнату, кушает перед компьютером.

— Ну, если вы настаиваете, — застенчиво ответил мне капитан.

И я засуетилась, стала накрывать на стол. Сегодня на второе у меня курица с картошкой, которые я готовила под завывания Карины о том, что надо питаться правильно, то есть святым духом. Первое я ещё вчера готовила — настоящая уха, которую меня научила делать русская тёща моего деду-

ря. Сейчас она живёт в Израиле и очень довольна своей новой обретенной родиной. Ещё у меня салат по-домашнему: много помидоров, огурцов, лука, зелени, пахучее кубанское масло. Красота! Накрыв стол и усадив капитана, я вдруг вспомнила, что у меня ещё остались кабачково-картофельные драники от завтрака. Рецепт этих вкуснейших драников со мной поделилась Ольга Афанасьевна — она родом из Беларуси и толк в этом знает.

— Царский обед, — похвалил меня капитан.

Я зарделась, как молодая сношенька, которую хвалит старый свёкор.

— А вы не будете есть? — из вежливости спросил меня капитан.

— Нет. Я уже поела. Лучше вы меня послушайте и заодно кушайте на здоровье, — и я выложила ему всё, что рассказал Николай Степанович. Да, я обещала старику никому ничего не говорить, но поделилась информацией с капитаном осознанно, для пользы дела. А вдруг есть какая-то связь между убийством Наташи и этим фактом из жизни её родителей. Надо проводить проверку всех вновь появившихся фактов, никого и ничего не упуская.

— Спасибо, Элла Глебовна, я уже в курсе всего этого, — вальяжно сказал капитан. — А компотик остался? Знатный компотец.

Я расстроилась, и капитан это заметил.

— Не кручиньтесь так, вы мне очень помогаете, но никакую инициативу не проявляйте, только выполняйте мои указания. Здесь, на Яблоневоу, 15, вы — мой наблюдатель. Хорошо?

— Ладно, — согласилась я, — хоть так.

— Кстати, вы не в курсе, Игорь дома?

— Дома, — проявила осведомлённость я. — Мы с ним беседовали.

— О чём? Вот это надо было мне рассказать.

— Он хочет адвоката нанять другу, но я отсоветовала. Если он не виноват, то его через 72 часа выпустят, вы же сами так сказали.

— Умница, — то ли шутя, то ли всерьёз сказал капитан. — Вы действуете согласно моим инструкциям.

Я решила было обидеться на всякий случай, но капитан так искренне благодарил меня за обед (видно, сильно голоден был), что я и забыла о своей фальшивой обиде.

— Капитан, а можно выйти погулять сегодня? А то два дня дома, никуда не выхожу.

— Хорошо. Как эта семейка появится — можете идти. И Глебу можно.

— Спасибо. А то я дома совсем скисну. Скучно мне жить. Пойду пройдуся.

Капитан отправился к Игорьку, а я, убрав со стола, сгребла всю посуду в мойку — потом помою. Сняла свой яркий сарафан, надела платье потемнее и поскромнее, вышла во двор посидеть со стариками. Но всё равно я не знала, как себя вести с этой несчастной женщиной, что говорить. Меня вдруг стали душить слёзы, вспомнила мужа, родителей. Эти слёзы были совершенно не ко времени, но я ничего не могла с собой поделаться.

Резкий звонок отвлек меня от горестных мыслей.

— Элка, ура, ура! — раздался радостный возглас Карины.

— Что, твой «Летучий голландец» появился?

— Какой ещё голландец? О чём ты? У меня Валера.

— Вот я о нём и говорю. Человек — корабль-призрак. В море ты его нашла, там же и потеряла.

— Во-первых, я его не потеряла. И не в море, а в небеса он улетел.

— Он что, умер? — испугалась я за Карину.

— Типун тебе на язык! Что ты болтаешь, Элла? — возразила мне Карина. — Он полетел в Междуреченск продавать свою квартиру.

— И что дальше? — торопила я подругу.

— Я ж тебе говорила: купит нам участок на море.

— Ты что, на участке будешь жить? Палатку поставишь? Или под лозой собираешься лежать, ртом виноград хватать? — читала я своей доверчивой подруге нравоучения.

— Нет. Там будет какая-никакая хибарка, а потом дом построим большой, мои малышки будут приезжать и Валерины внуки. На море хорошо, ты же знаешь, как я люблю море, почти как ты, — мечтала моя романтическая подруга.

— Карина, а чего звонила? — перебила я подругу, а то Карину заносило в её мечтах.

— Элка, я знаю, кто убийца! Я составила схему.

— Какую ещё схему, госпожа телефонный детектив?

— Я начертила и тебе на ватсап отправлю. Я знаю, кто это, — заговорщицким тоном продолжала моя подруга.

— И кто, детектив-заочник? — покровительственным тоном спросила я.

— Внук, их внук и его дебильная жена, — и мою Карину понесло, её бурная фантазия разыгралась не на шутку.

Я поставила телефон на громкую связь, выпила ароматный чай, заваренный Глебом, — он пьёт только свежий и заваривает в день несколько раз.

— Всё, госпожа детектив, отправь мне на ватсап, и не забудь сообщить, когда твой голландец объявится.

— Он не голландец, он русский, хотя в нём есть и татарская кровь на четверть, и вообще он очень хороший, — завелась Карина. Она могла часами рассказывать, какой он замечательный, хоть и некрасивый. На что Люся — моя лучшая подруга — любит говорить: «У мужчины должно быть в голове, в кармане и в штанах, а всё остальное необязательно».

— Каринка, пока. Люблю, целую. Займись своей торговлей и ни к кому не приставай в море, — устав от её болтовни, прервала я Каринкину хвалебную оду своему мужчине.

У мужчины есть непоколебимая уверенность в том, что женщина может клюнуть на красивого самца и попасть под его влияние, и в этом их большая ошибка. У мужчины главная эrogenная зона — это мозги. Имея мозги, он может иметь всё. В этом я стопроцентно уверена.

Во дворе сидели Ольга Афанасьевна с мужем и Надыр. Сноха стариков, жена Алексея и Андрей пошли в ритуальную контору — надо было заняться похоронами Наташи. Денег им выделила Ольга Афанасьевна. Она была стержнем семьи, её казначеем, добытчиком и главой. Без неё семья рухнула бы окончательно. Несмотря на то что она потеряла своего последнего ребёнка, ослабла совсем — и морально, и физически, — для внуков эта женщина оставалась опорой и советчиком во всём. Может быть, они и не слишком прислушивались к её советам, но главные жизненные принципы она сумела им привить: порядочность, честность, жизнестойкость.

Я вышла во двор, поздоровалась со всеми.

— Как вы себя чувствуете, Ольга Афанасьевна? — обратилась я к пожилой женщине (старушкой назвать её язык не поворачивался).

Она кивнула головой, при этом отталкивая от себя тарелку с пловом, которую перед ней держал Надыр. Николай Степанович ел, тщательно разжёвывая пищу. От плова ещё шёл пар и пряный запах.

— Элла, дорогой, будешь пилов. Диля сделал только что. Очень вкусно, — предложил мне Надыр.

— Нет, Надыр, спасибо, я сыта, — ответила я, но мой рот всё равно наполнился слюной.

Тут появилась Диля с небольшим расписным чайником и двумя пиалками для чая.

— Чай буду, — прошептала Ольга Афанасьевна, — пить хочу.

Николай Степанович отказался, а я согласилась и с большим удовольствием прихлёбывала этот божественный напиток. Диля уже собралась уходить, когда её жестом остановила хозяйка.

— Сядь, Диля. Послушайте, что я вам скажу. Этого никто не знает, кроме бабушки нашего. А вы здесь самые близкие, и я должна вам рассказать. Вдруг умру, и знать никто не будет, за что меня Бог наказал, Господь наш всевидящий и всеслышающий. И ты, Коля, этого не знаешь. Разве можно рассказать тебе всё — ты по пьяни разболтаешь первому встречному.

— Да ты что, Оля! — старик перестал жевать. — Что это я болтал?

— Надыр мне как сын, Лёшку напоминает. Элла, ты умная, да и то, что я расскажу, твоего роду-племени касается, и сын Божий вашего роду.

И Ольга Афанасьевна тихо, с перерывами, с горькими вздохами начала свой рассказ. Никто её не прервал и молча слушал.

Когда началась война, маленькой Оле было около четырёх лет. В первые же дни войны фашисты оккупировали их землю. Отец был на фронте, Оля жила с мамой Нюрой и бабушкой — отцовой матерью. В их хате поселили немца — они тогда по всем более-менее приличным хатам жили.

А надо сказать, что рядом с их деревней находилось еврейское местечко. До войны мать Оли часто ходила туда что-нибудь прикупить и подружилась с женой лавочника Соломона Розенберга — Ханной. Нюра покупала у них атласные ленты и делала для дочери красивые банты. То сит-

ца прикупит на платье, то чулки фильдеперсовые, то всякой разной галантереи. Ханна давала в долг и никогда не просила денег, пока Нюра сама не принесёт. А иногда в счёт оплаты брала молоко, яйца, творог, сметану, зная, что Нюре тяжело живётся. Часто с собой Нюра брала Олю, и девочка подружилась с младшей из дочерей Розенбергов — Сарочкой. Пока Ханна с Нюрой болтали, обсуждали свои женские вопросы, девочки играли вместе. У Сарочки были красивые игрушки, и одну из своих кукол она подарила Оленьке. Началась война, Нюра больше не ходила к Розенбергам — за это грозило серьёзное наказание. А Оля скучала по своей подружке и всё интересовалась у мамы, когда они отправятся к Сарочке. По деревне прошёл слух, что евреев из местечка куда-то увозят. Всех жителей собрали на окраине деревни у небольшого оврага. Привели евреев (в основном это были женщины, дети и старики), среди них была и Ханна с тремя дочками (муж и старший сын воевали). Когда евреи прошли мимо толпы деревенских, Сарочка увидела Нюру и начала кричать:

— Тётя Нюра, а где Олечка? У меня кукла новая, хочу ей показать, пойдёте с нами гулять.

Сарочка была на руках у мамы, а две другие девочки постарше жалась к матери с двух сторон.

— Тётя Нюра, дайте Олечке куклу, а мне папа привезёт новую, — крикнула девочка и бросила куклу в сторону Нюры. Кукла упала под ноги людей, и толпа её раздавила. Нюра жестом показала Ханне, чтоб она спустила девочку с рук, и пусть малышка бежит в сторону деревенских. Там, где началась лесополоса, Ханна спустила дочку с рук:

— Беги, доченька, беги в лес, папа там, в лесу, ждёт тебя.

...Девочку выстрелы не достали, а догонять её полицейским было лень — всё равно сгниёт в лесу маленькая жидов-

ка. Расстреливали всех автоматными очередями, до конца не добивали — патроны жалели. Кто упал в овраг — тому повезло, а кто нет — того добивали прикладами и сбрасывали. Всем этим грязным делом занимались полицейские, а забросать овраг землёй приказали деревенским. Фашисты не марали свои руки таким грязным делом. Земля ещё несколько дней дышала, как живой организм.

Когда стемнело, Нюра пошла на поиски Сарочки. Девочку она нашла в кустах земляники — малышка мирно спала в одном сандалике и разодранной кофточке, ротик был красным от ягоды. Сарочку Нюра спрятала у себя в сарае. Та, проснувшись, обрадовалась, прижималась к Нюре и всё спрашивала, где же Олечка. Нюра всё рассказала свекрови, и они решили вывезти девочку на хутор к дальним родственникам свекрови. Нюра была доброй, жалостливой женщиной, и на свою беду привела Олечку в сарай к Сарочке, чтоб они поиграли. Немца дома часто не бывало, а свекровь могла одолжить подводу только у соседей. Те обещали дать лишь через несколько дней. Олю к Саре Нюра привела поздно вечером, перед сном, когда немца ещё не было дома. Бабушка во дворе их охраняла. Нюра постаралась объяснить им, что они играют в своеобразную игру, и никто не должен знать о Сарочке, особенно немец, так как он плохой и ему ничего нельзя говорить, и Сарочке надо прятаться от него. Так прошло три дня, а на следующий день соседка обещала дать подводу. Они все жили как на пороховой бочке.

Как бабушка проглядела Олечку и не смогла её удержать, она так и не поняла, и всё время потом себя корила в этом. Утром немец вышел во двор умыться. Пока бабушка наливала ему воду в рукомойник, Олечка рванула к сараю и попыталась открыть дверь. Немец, увидев это, пошёл помочь девочке: дверь была закрыта на замок, а Оля всё дёргала. Бабушка онемела, пыталась объяснить немцу, что девочка

дурью мается, но тщетно. Фриц выбил замок и обалдел, увидев там маленького ребёнка. Бабушка кричала, что это её внучка и у неё тиф, потому они держат девочку в сарае. Войти в сарай немец не решился, а послал солдата за полицейским. Нюры не было дома. Бабушка оцепенела и не знала, что же ей делать. Олю она загнала в дом и запретила ей выходить во двор. Зачем-то послала соседского мальчонку за Нюрой на ферму. Сама бабушка возилась во дворе, пытаясь как-то сгладить ситуацию, всё что-то объясняла немцу, но он её не слушал, настолько был зол и испуган — а может, в самом деле тиф. Полицейский и Нюра явились одновременно. Нюра бежала, платок сполз, глаза испуганные, как у раненной лани. Немец требовал у полицейского уточнения, чей это ребёнок, откуда взялся, больной или нет.

— Михась, это же моё дитё, ты что, забыл? У меня же двойнята, — умоляюще говорила Нюра полицейскому.

А этот мразь Михась вдруг вспомнил, как в молодости они с Олиным отцом столкнулись лбами, как они дрались и Олин отец его одолел, а все местные ребята над ним смеялись.

— Какой же это твой ребёнок, Нюрка? — злорадно сказал этот мелочный злобный предатель. — Это маленькая жидовочка, что, не видно, что ли?

Немец понял слово «жидовочка» и гневно посмотрел на Нюру.

— Михась, да что ты говоришь, сыночек! — начала причитать бабушка. — Не губи нас, Христа ради, пожалей!

— Заткнись, лярва старая! Я тебе не сынок, твой сынок в Красной Армии, а это жидовка мелкая, и ты её прячешь, — его довольное лицо и ухмылка вызывали у Нюры отвращение.

Жизнь людей иногда напрямую зависит от того, что судьба не даёт им пересечься. Здесь пересеклись добро и зло.

Немец крикнул что-то солдату, и тот, схватив Сарочку, потащил её в комендатуру. Он волок девочку по земле, малышка плакала, кричала. Полицейский погнал Нюру впереди себя, то и дело больно бил её прикладом по спине. Бабушка цеплялась за полицейского, прося пожалеть Нюру. Оля выскочила во двор и побежала за ними:

— Мамочка, Сарочка, вы куда? И я с вами.

Бабушка перехватила Олю и затащила её в хату. ...Больше Оля не видела ни маму, ни свою маленькую подружку. На следующий день фашисты устроили показательный расстрел на маленькой площади деревни перед комендатурой, бывшим сельсоветом. Собрали всю деревню и на глазах у односельчан расстреляли добрую беззащитную женщину и маленького ребёнка, который всё прижимался к ней в страхе. Бедная Сарочка пережила своих сестёр и маму всего на три дня. Бабушка этого не видела — она сидела с Олей, охраняла её. Трупы так и лежали на площади весь день. Ночью бабушка с двумя сердобольными соседками закопала их в лесу.

...До самой смерти бабушки уже подросшая Оля была уверена, что мать расстреляли за связь с партизанами. А перед смертью бабушка ей всё рассказала. Только иногда, когда отец, вернувшийся с войны, напивался, то орал: «Нюра — дура! Жиды проклятые!» и ещё много непонятных бессвязных слов. А Оля всё думала: почему же отец так себя ведёт, он же не нацист, не антисемит, он же воевал? А он, её безумный отец, всё ещё воевал с фашистами в своей безумной контуженой голове. И в смерти своей жены обвинял весь еврейский народ. А потом её отец замёрз в сугробе пьяный. Бедная бабушка потеряла единственного сына, а Оля — своего отца. Общее горе ещё больше их сблизило. Потом уже, когда Оля вышла замуж и даже родила ребёнка, её отыскал человек, смутно напоминавший ей кого-то, но кого, она так и не могла вспомнить.

— Ты ведь Олечка — подруга моей дочери Сарочки, — сказал ей этот старый мужчина. — Я — Соломон Розенберг, папа Сарочки.

Оля вздрогнула. Он всё знал, был на общей могиле. Очень благодарил Олю, извиняясь почему-то.

Соломон Розенберг попал в окружение в первые же дни войны. Почти вся их часть оказалась в плену, дальше — советские лагеря. Сын погиб на фронте, семью расстреляли. Он приехал на родину, разыскал Олю и хотел увидеть могилу Сарочки. Оля повела его туда: она поставила памятник, где были написаны имена обеих безвинно убиенных. Оттуда из леса несчастный, раздавленный войной и системой Соломон и ушёл. Вернувшись домой, Оля увидела на кухонном столе что-то, завёрнутое в большой носовой платок. Развернув сверток, она обнаружила деньги и шестиконечную звезду на потёртом кожаном ремешке...

...Ольга Афанасьевна полезла за пазуху и достала крест и звезду, висевшие на одном шнурке.

— В советское время нельзя было носить, и я прятала... а сейчас ношу. У батюшки спросила. Он говорит, чтоб я носила вместе, мол, Соломон меня признал своей, дитём Божьего народа.

Я молча плакала, слёзы просто текли независимо от моего желания. Диля закрыла лицо руками. Надыр окаменел. Но я не могла уловить взгляд Николая Степановича. Он был просто обезоружен. Смотрел он на свою жену то ли с жалостью, то ли с обидой.

— Теперь ты поняла, Элла, почему я говорю, что Бог меня наказывает, забирая моих детей, — тихо произнесла Ольга Афанасьевна.

Диля вдруг бросилась к ней. Ольга погладила Дилю по голове и пояснила:

— Чтоб я в Бога поверила и молилась неустанно. А раньше я этого не делала. Только лет двадцать назад стала в церковь ходить. Мне ж и мама, и бабушка запретили строго-настрого к сараю приближаться, а я пошла, да ещё при фашисте... Дети, хоть и маленькие, но тоже люди-человеки: должны понимать, что им говорят. У них ум есть, надо с ними как со взрослыми.

— Оля, почему ты мне ничего не рассказывала?.. Почти 50 лет живём. Ты мне не доверяла? — с такой пронзительной болью в голосе спросил Николай Степанович.

— Не доверяла. По пьяни мог бы всё разболтать — у тебя язык как помело. Когда ты напиваешься, то не соображаешь, что несёшь, — твёрдо ответила ему жена.

— Значит, из-за тебя Бог Лёшку моего забрал? Из-за тебя, это точно, — и как заревел Николай Степанович в голос — как бабки-плакальщицы.

Ольга Афанасьевна хотела встать и подойти к нему — она забыла, что у неё больные ноги и она не может ходить, — но пошатнулась и чуть не упала на Дилю, сидевшую у неё в ногах. Реакция Надыра была молниеносной: он подхватил хозяйку, усадил в кресло и подвёз к мужу. Старики неумело обнялись и заревели. Ольга Афанасьевна причитала. Мы с Дилей не выдержали и тоже заревели, даже Надыр что-то бормотал и плакал. На наш вселенский плач вышел капитан, потом заглянул к нам, и они вдвоём с Глебом принесли воды. Нам дали поплакать вволю. когда мы немного успокоились, капитан позвал меня:

— Элла Глебовна, мне нужна ваша помощь.

— Хорошо, — откликнулась я. — Сейчас, минуточку, — я пошла умылась и вернулась к капитану. — Что я должна сделать?

— Завтра после похорон я соберу всех, а когда повернусь к вам, то вы подтвердите, что слышали часа в три, в ночь

убийства, мужские и женские голоса, будто кто-то шушукается. Придумайте, что вышли попить водички и из окна слышали, как кто-то разговаривает, но не разобрали, о чём, и кто — тоже. Хорошо? Хорошо? — переспросил меня Золотарёв.

— Хорошо, если так надо. У вас есть версия, правильно? А доказательств нет.

— Почти так. Хочу услышать людей.

— Капитан, а вас не удивило, что Наташа — не дочь Николая Степановича? — спросила я у Золотарёва.

— Нет. Не удивило, — спокойно ответил он. — Кажется, я вам говорил об этом.

— А откуда вы узнали об этом? От Николая Степановича? А сам просил меня молчать... — я обиделась на старика.

— Нет. Не он и не Ольга Афанасьевна. Завтра всё узнаете сами.

Я согласно кивнула капитану. Сегодня я была задумчиво растеряна — чужие тайны разбередили мою душу. Такая тоска накрыла меня, что я решила пойти погулять.

— Глеб! — крикнула в приоткрытую дверь его комнаты. — Я пойду пройду, погуляю по набережной.

— О,кей, — ответил сын, — только смотри, недолго. Часа через два я могу к тебе присоединиться и привезти домой. Поздно будет, — беспокоился мой сынок.

Я посмотрела на себя в зеркало и ахнула. Опухшие глаза и нос, размытая косметика, хоть я и умылась. Вот в таком виде я и говорила с капитаном, а он ведь мужчина какой-никакой. Я быстро привела себя в порядок. Напудрила носик, нарисовала стрелки, подкрасила губы — и вот готова красотка средних лет. Сама себя не полюбишь — никто тебя не полюбит.

Во дворе капитан и старики, сев кружком, о чём-то тихо говорили. Я пошла в сторону набережной, думая о своём,

сокровенном. Уже десять лет как я вдова. Мои подруги всё не бросают попыток найти мне мужчину — попугайчика-наразлучника. Но когда видел лучшее, хорошего не хочется. Меня совсем не тяготит моё одиночество. Априори понятия «одиночества» не существует. У тебя всегда есть ты. Ведь ты — единственный, с кем проживёшь всю жизнь, и уйдёшь на небеса тоже один... Всё в твоих руках, ты всегда можешь в себя поверить и помочь себе. Такие мысли меня одолевали, когда я увидела перед собой пятизвёздочный отель «Агриппина». Я всегда захожу в ступор, когда его вижу. Кто дал этому отелю пять звёзд, останется тайной местного мафиози, которому принадлежит этот отель и который сейчас сидит в местах не столь отдалённых, а в 90-х держал в страхе весь курортный городок. Иногда на фронто́не здания тухнет одна звезда, и отель превращается в четырёхзвёздочный. Я подозреваю, что она тухнет не просто так — в тот день отель навещают проверяющие органы. Иногда тухнет заглавная буква «А» в названии отеля, и отель приобретает болезненное название. Я никогда не была внутри этого здания. Говорят, что в определённые дни там дают завтраки, обеды и ужины и для других людей, не гостей отеля.

Я могу часами слушать море, смотреть, как рождаются молодые волны и, играя в догонялки друг с другом, разбиваются об прибрежные камни. Стихия моря — моя стихия. А море на закате, когда исчезает пурпурное зарево и грань между небом и морем теряется, — вообще особенное.

Усевшись на разрушенный временем бетонный парапет, я наблюдала за этим сказочным явлением и размышляла. Для того чтобы убить человека, нужны очень веские причины. Это деньги, власть, любовь, зависть, месть. Кто мог убить Наташу? Кому она перешла дорогу? Очень мне стало жаль Золотарёва Александра Сергеевича. Он казался порядочным человеком, в нём не было наглости и цинизма. Он

честно старался делать своё дело. Если уж капитан принимал решение, то всегда выполнял как можно скорее, без сомнения, потому что необдуманные решения — это не про него.

Мои невесёлые думки нарушил звонок.

— Ты где? — орал в трубку Глеб. — Ты хоть на часы смотришь?

— А что? Здесь народа туча.

— Туча-куча. Где ты именно?

— У кафе «Корабль», — покорно отчиталась я ему.

— Вот и сиди там, я скоро приеду. И поедем твой любимые хоравац и люляшки. В «Корабле» вкусно готовят.

— Здесь вовсе не криминальный город, — возразила я сыну, и была неправа. В городе всё было подчинено своим правилам. Здесь деньги — не просто бумажка или фантик, здесь они являлись мерилем благополучия, а порой и жизни.

Я дождалась сына, мы вкусно поели, а потом я целый час доставала Гарика-шашлычника, чтоб он рассказал рецепт хораваца. Немного поломавшись, он между жаркой шашлыка и комплиментами всё-таки поведал мне секретный рецепт.

Домой мы приехали поздно. Во дворе было темно и пусто — никого вокруг. Завтра предстоял трудный день.

После прогулки и хорошего ужина на берегу моря я спала сном младенца, но утром меня опять разбудили крики и плач. Приехала дочь Натальи с мужем и свекровью. Андрей встретил их в аэропорту и привёз домой. Все сидели во дворе, а амёба Ирка накрывала стол. Было около 9 утра, а на три часа дня назначены похороны. Со двора доносился плач Алины, она вопрошала: «Почему, бабуля? Почему, дедуля? Кто убил маму? За что?» Одно и то же она произносила между всхлипами. Девушка явно была в жутчайшем состоянии. Я вышла во двор, протянула ей стакан воды — видно было, что она находится на грани. Ольга Афанасьевна попросила

у меня успокоительных капель для внучки. Я приготовила кремлёвский коктейль: в одну рюмочку накапала по десять капель корвалола, валерьянки, пустырника, боярышника, пиона — и дала девушке. Я всегда держу в холодильнике эти спиртовые настойки — они мне помогают в минуты душевного раздрая. Алинин мир покачнулся, и только сидящий рядом молодой муж удерживал её от рокового шага. Ей хотелось бежать к морю, нырнуть и не выплыть. Мама для Алины была светом в окошке, и сейчас её мир раскололся на две половины — до и после. До — она была счастлива, и ей хотелось поделиться своей радостью абсолютно со всеми. А после... она не знала ещё, что после, только крепче держалась за руку мужа. Свекровь Алины, очень хорошая женщина, посадила невестку за стол, заставила выпить чашечку кофе, потом дала своему сыну распоряжение, чтоб он отвёл жену наверх, заставил принять душ и переодеться. Впереди Алину ждал самый тяжёлый день в её жизни.

В момент своего большого горя Ольга Афанасьевна выделила всего одного человека по тонкому духовному родству, и этим человеком оказалась я. Она всё время звала меня к себе, что-то говорила, давала указания, чтобы я передала другим. Спрашивала то о поминках, то о своём траурном наряде, то о деде. О чём угодно, лишь бы занять себя. Женщина-глыба, ей надо было пережить свое горе. Казалось бы, бабушка с внучкой должны обняться и вместе плакать, вспоминать: одна — дочь, другая — мать. Но Алина горевала с мужем, он был сегодня её жилеткой, и ей больше никто не нужен был... эгоистичная девушка. А Ольга Александровна нашла меня своим душеприказчиком. Родственные связи не всегда дают человеческую близость, это совсем разные вещи.

В три часа подъехал микроавтобус. Народу было мало: несколько приятельниц Ольги Афанасьевны, соседи — по-

жилая пара — и её семья, вернее, её остатки. Из жильцов — я и Надыр. Остальные не поехали. Мой сын после смерти своего отца не ходит на такие мероприятия. Он считает, что похороны отца — самое трагическое событие в его жизни, и на чужих похоронах он не может присутствовать. Дilia осталась вместе с Ирой накрывать стол. Глеб с Игорем обещали им помочь. Все, кто собирались ехать на кладбище, поместились в микроавтобус. Со мной рядом села очень приятная женщина лет 65, с короткой стрижкой седых волос, опрятно и строго одетая, с красивыми чертами лица. Она смутно мне кого-то напоминала, но я не могла вспомнить кого.

— Вы Элла? — спросила она меня

— Да, — удивилась я.

— Не удивляйтесь, Афанасьевна вас по имени называла.

Да и сын вас точно описал.

— Сын? Извините, я знакома с вашим сыном? — снова удивилась я.

— Меня зовут Людмила Семёновна Золотарёва. Я — мама капитана Золотарёва, — доложила мне эта милая женщина.

— Очень приятно, — мне в самом деле было приятно, — а я Элла Глебовна.

— Для отчества вы ещё молодая, — сделала мне комплимент Людмила Семёновна.

Теперь я поняла, кого мне напомнила эта женщина. Глаза у капитана были точно мамины: серо-зелёные в обрамлении пушистых ресниц и с чертовщинкой во взгляде.

Дорога была дальняя. Ехать до Воскресенского кладбища минут сорок, и Людмила Семёновна рассказала мне, как она познакомилась с Ольгой Александровной.

Лет пятнадцать назад Людмила Семёновна приболела. У неё опухла нога и покрылась красными бляшками. Об-

ращалась к врачам, меняла специалистов, диагноз ставили разный, прописывали лечение, но оно не помогало. Нога болела так сильно, что женщина не могла ходить. Она уже отчаялась, когда сердобольная соседка посоветовала ей пойти в небольшую церквушку недалеко от них и найти там некую Ольгу Афанасьевну. «Она поможет», — уверенно сказала соседка. Три дня Людмила Семёновна караулила у церкви Ольгу Афанасьевну, перехватывала её, чуть не на колени падала, просила помощи. Муж Людмилы Семёновны тоже пришёл с ней, и он — бывший военный, подполковник — просил помощи для своей жены.

Сергей Александрович, отец капитана, привозил жену на своих «Жигулях» — женщина не могла ходить нормально. Так вот, Ольга Афанасьевна обещала помочь и помогла. Полгода Людмила Семёновна выполняла все назначения Ольги Афанасьевны: и в церковь ходить стала, и свечи ставить... И свершилось чудо — болезнь отступила. Позже Ольга Афанасьевна помогала и отцу капитана, и их дочери, которая никак не могла забеременеть. А теперь у неё двое детей — дочери, — и живут они в Греции, и старшие Золотарёвы обожают своих внучек. Дочь вышла замуж за местного грека, и они эмигрировали в Салоники, к родственникам зятя. Подполковник был категорически против, даже препятствовал их эмиграции, а сейчас уже смирился. Дочь с семьёй приезжает два раза в год, навещает их, и они вроде бы успокоились, даже сами ездят к детям в Салоники. А теперь Ольга Афанасьевна помогает Серёженьке — сыну капитана. То настойку даст от простуды, то травок заварит. Мальчик живёт с отцом у бабушки и дедушки.

Когда Людмила Семёновна услышала об убийстве последнего ребёнка Ольги Афанасьевны, то умоляла сына найти убийцу и постараться ещё больше не травмировать стариков. Боялась, что уж этого они точно не переживут.

Наконец приехали на кладбище. Здесь было тихо, спокойно и по-особому умиротворённо. Здесь кончалось всё: стихали и страсти, и ненависть, и любовь, и ум, и глупость. Земля принимала всех — гениев и злодеев, верующих и атеистов, богатых и нищих, красивых и уродов. Перед смертью все равны.

На кладбище находилась маленькая часовня, куда уже привезли убиенную Наталью. Батюшка начал отпевание, женщины тихо всхлипывали. Старики и дочь сидели. ...А для души усопшей открывалась дверь в вечную жизнь.

Капитан Золотарёв уже был в часовне. Священник очень долго читал псалмы, и капитан постоянно выходил из часовни, куда-то звонил, вновь заходил. Я же пыталась найти среди людей убийцу, поскольку читала в своих любимых детективах, что убийцы всегда приходят на похороны своих жертв. К толпе пришедших на похороны присоединились старушки, которые прислуживали при часовне, и ещё несколько зевак. Но никто не подходил на роль убийцы.

Мама капитана сообщила мне, что священник из их церкви, чьей прихожанкой является Ольга Афанасьевна. Из уважения к ней он приехал отпевать её дочь. Других её детей он тоже отпевал. Капитан сделал незаметный знак батюшке (я обратила на это внимание), и тот постепенно ушёл в минорные тона. Со временем я уже стала терять нить его проповеди. Я сразу поняла, что капитан здесь не зря. За считанные секунды мой мозг нарисовал картину захвата убийцы — недаром капитан пришёл в форменной одежде.

Но зря моё больное воображение сеньориты-детектива рисовало фантастические картины. Неожиданно в часовню вошёл старый статный мужчина в военной форме, под руку его вела моложавая женщина. Сзади следовали молоденький офицер и солдат. У солдата в руке был дорожный сакво-

яж. Капитан отдал честь старику и с ним подошёл к гробу. Все стали шушукаться, только Николай Степанович и Ольга Афанасьевна сидели молча, уткнувшись взглядом в колени. Военный (а это был генерал) подошёл и стал внимательно смотреть на усопшую, потом поцеловал её и стал гладить руки, что-то тихо произнося. Молодая женщина, сопровождавшая старика, горько плакала.

Только сейчас Ольга Афанасьевна что-то заметила, встрепелась, хотела подняться. Николай Степанович удержал её и тихо сказал какие-то слова на ухо. Она окаменела, сидела гордо и прямо, как древнегреческая статуя.

Генерал подошёл к Николаю Степановичу, что-то сказал, и слёзы покатились у этого старого вояки по щекам. Солдат принёс стул, и генерал сел рядом со стариком, хотел что-то сказать Ольге Афанасьевне, но осёкся, увидев её каменный взгляд. Отпевание, прощание, крики и слёзы у могилы — казалось, этот день никогда не закончится и будет тянуться бесконечно. Я побрела к микроавтобусу, за мной гуськом потянулись люди. У могилы остались только близкие. Я села и смотрела в окно на эти тихие бесконечные закоулочки кладбища, где вместо домов — памятники, а вместо табличек с номерами домов — фото и фамилии владельцев последнего пристанища. Капитана под руку держала его мама, он помог ей подняться, кивнул мне.

— Познакомились с моей мамой, Элла Глебовна?

Я кивнула в ответ.

— Я очень рад, — искренне сказал капитан.

Людмила Семёновна снова заняла место рядом со мной. Мы обе молчали, каждый думал о своём. На кладбище приходят не очень приятные мысли.

Поминки устроили во дворе. Все ели, шептались о чём-то между собой. Николай Степанович опрокидывал одну за другой стопочки с водкой. Алина тихо плакала, как будто

стесняясь своих слёз. Только Ольга Афанасьевна сидела прямо, ни одной слезинки не появилось у неё. Она не хотела выходить из своего замкнутого пространства. Она даже не сделала ни одного замечания своему мужу. Только тихо сказала: «Вошло вино — вышла тайна», и опять замолчала. Выходить в открытый мир людей она не желала. Уже почти все разошлись, когда появились генерал с женщиной, а потом пришёл и капитан.

— Хоть вы и не звали, но мы явились, — произнёс капитан.

— Дочь помянуть надо, — сказал генерал и махнул рукой молоденькому офицеру. Тот начал выкладывать из громадной сумки напитки, еду и много чего другого съестного. Все молчали. Николай Степанович, еле ворочая языком, только и мог сказать:

— Садись, генерал, помянем нашу дочь.

Генерал и женщина сели. Капитан отозвал меня в сторону и попросил, чтобы я сказала всем жильцам собраться завтра в шесть вечера во дворе.

— Это, значит, внучка моя? — указал генерал на Алину. — Вижу, муж у неё хороший. Слава Богу, хоть одной повезло... Оля, — генерал пристально посмотрел на Ольгу Афанасьевну, — я знаю, что ты гордая, но послушай: прошло уже около пятидесяти лет, а я всё помню как вчера... Не мог я иначе поступить. Пойми: свою жену я ценил и уважал, у нас сын был. А тебя полюбил страстно. Но не мог пойти против совести, да и политкомитет дивизии не дал бы разрешения на развод. Такие времена были... Жена была мне родным человеком, мы с ней с военного училища дружили. Я очень обрадовался, когда Коля — наш молоденький лейтенант — увёз тебя, и перевод ему в другую дивизию быстро оформил. Жизнь текла своим чередом, потом у меня дочь родилась — вот она, — генерал кивнул

в сторону женщины, сидящей рядом с ним. — Ольга Михайловна, дочь моя любимая. Не смотри так, Оля, твоим именем назвал.

Все хранили молчание. Ольга Афанасьевна даже слова не вымолвила. Создавалось впечатление, что она в каком-то ступоре и ничего не видит и не слышит. Но я-то её знала: это у неё черта характера — не демонстрировать то, что чувствует.

— Меня перевели в Москву, — продолжал генерал. — Но вмешались непредвиденные обстоятельства: война, Афган, проклятые душманы. Там и получил генерала, но потерял сына.

— Я тоже потеряла сына, — неожиданно тихо произнесла Ольга Афанасьевна.

— Коля, он был такой же молоденький лейтенант, как и ты когда-то, — обратился генерал к Николаю Степановичу.

— А мой умер три года назад, внезапно, за час сгорел... здоровый такой был, сынок мой, — заплетающимся языком Николай Степанович.

— Жена со мной перестала разговаривать после смерти сына, — чувствовалось, что генералу надо выговориться. — Я ведь мог оставить сына при штабе, имел такую возможность. Но как? Моя совесть не позволила, да и сын не согласился. Я его вырастил настоящим мужчиной.

Дочь смотрела на отца и тоже тихонечко, как и Алинка, плакала.

— Ещё лет пять жена как-то держалась, ради дочки цеплялась за жизнь, а потом слегла и больше не встала. Выздоровливают те, кто хочет спастись и верит, что это возможно. А моя жена увидела, что Оленька уже самостоятельная, взрослая, и решила, что свою миссию на этой земле выполнила... и ушла к сыну. Он ведь даже неженатый был, никого после себя не оставил, — грустно произнёс генерал. —

Когда-то, лет двадцать назад, я был в вашем городе на отдыхе и случайно встретил Колю. Мы посидели, выпили, и он мне сказал про Наташу. Не ругай его, Оля. Он честный парень. Я ему обещал, что Наташа не узнает никогда. И я бы сдержал своё слово, но несколько лет назад мне поставили серьёзный диагноз. Врачи хорошие попались, держусь ещё на плаву, но недолго мне осталось.

— Папа, — дочка его погладила по руке, — не говори так.

— Оленька, я уже прожил свою жизнь. Твой брат молодым погиб за Отечество, геройски погиб. А теперь вот сестру какой-то злодей убил, — горестно сказал генерал, а потом обратился к Золотарёву: — Капитан, я тебе не приказываю, а прошу: найди убийцу Наташи. Если моя помощь нужна — только скажи.

— Да, товарищ генерал, думаю, что в течение двух дней я точно буду всё знать. А помощь нужна. Вот папка, мне необходима кое-какая информация из Москвы. Официально я уже запросил, но вы же знаете: это будет дней десять тянуться.

— Возьми папку, — генерал махнул офицеру. — Завтра у тебя всё будет, капитан.

— У меня есть кое-какие догадки. Но догадки не имеют никакой юридической силы.

— Мне говорили, что у тебя хорошая раскрываемость, хвалили тебя. Я хоть и генерал милиции, а только военный генерал, но у меня есть друзья в вашем ведомстве. Завтра всё будет у тебя.

— Спасибо, товарищ генерал.

— Найди, парень. Найди убийцу, — генерал наполнил рюмки. — Коля, выпьем!

Генерал не отставал от Николая Степановича, но при этом не пьянел. А Николай Степанович наклюкался до невменяемости. Андрей и Надыр, подхватив под руки, подня-

ли его наверх. Он сопротивлялся, но вырваться из цепких рук ребят не мог.

— Так вот, Ольга, — продолжал капитан свою исповедь, — когда я заболел, то решил найти Наташу. Оля ведь так замуж и не вышла, детей не родила. Сколько раз ей говорил, что мёртвые улыбаются, когда живые счастливы. В общем, рассказал я дочери, что у неё сестра есть.

— Это я попросила папу найти Наташу, — продолжила отцовский рассказ Ольга Поволоцкая. — Я очень хотела иметь сестру, мечтала. И папа её нашёл — подключил все связи. Он искал Куприянову Наталью Николаевну, а она уже была под фамилией мужа. Но папа всё узнал. И я пошла к ней на работу. Хорошо, что она уже работала в платной клинике. Я просто заплатила и отправилась к ней на приём. Я всё Наташе рассказала. Она сначала не поверила. Долго сомневалась, но пошла со мной к нам, к отцу. Выслушала его и предложила сделать тест ДНК. Отец согласился. Всё совпало. Наташа — моя единокровная сестра. Радости моей не было предела. Единственное условие, которое было у неё: чтоб никто об этом не знал. У неё скончался брат незадолго до этого, и она не хотела травмировать родителей. Дочери она планировала рассказать об этом, только когда та окончит институт. Сейчас я поняла, что никто из вас об этом не знает. Наташа хотела вам всё рассказать в этот раз, но не успела, — Ольга всхлипнула, утёрла свои слёзы и продолжила: — Мы даже вместе приехали. Я остановилась в гостинице. Наташа решила, что, как только Алина приедет со свадебного путешествия, она вызовет молодых сюда и всё расскажет. А вот как получилось... — Ольга Поволоцкая замолчала, уткнувшись лицом в ладони, а сквозь её пальцы текли горькие слёзы утраты.

Генерал и Ольга Афанасьевна молчали. Старики — очень странный народ... Они живут больше в прошлом, воспоми-

ниями, настоящее их не интересует, а будущее тем более. За столом все молчали, каждый думал о своём. А я размышляла о том, что уже ничего нельзя изменить, потому и не надо расстраиваться. Для меня это чужая жизнь и чужие страдания. А для этих людей смерть дочери, матери, сестры — невыносимая боль, невозполнимая потеря. Что тут скажешь... Словами горю не поможешь.

Ольга Афанасьевна упорно молчала, она не хотела превращать своё горе в чьё-то развлечение, она не рыдала, не истерила. Не существует никакой нормы поведения, которой люди должны соответствовать, — мы такие, какие есть.

Генерал встал.

— Алина, внученька, — обратился он к дочери Наташи, — завтра вечером я улетаю. Ольга, тётя твоя, остаётся. Я жду тебя в Москве. У меня к тебе долгий разговор.

Генерал со всеми попрощался и попросил капитана проводить его. Ольга Поволоцкая осталась.

Жизнь способна переиграть даже самые разумные решения. Наконец-то закончился этот длинный, невероятно грустный день.

Я побрела к себе. Глеба дома не было — он уехал куда-то. На моём телефоне была куча пропущенных звонков. Я набрала старшего сына, который живёт в Москве, поговорила с ним, со снохой. Потом перезвонила Люсе — от неё было всего два звонка. Слава Богу, у неё всё хорошо. Начальница умолкла. Неизвестно, надолго ли, но Люся хоть со спокойной душой поедет в санаторий, отдохнёт немного, подлечит свой диабет — наш с ней общий бич. «Ничто не ново под луной», — сказал один из великих. На каждую самодурку-начальницу есть свой начальник. Благо Люсина начальница сумела вовремя остановиться и решила оставить её в покое. Люся — разумный человек, она переживала за нас, ведь убийца ещё не найден, и он среди нас. Кто его знает, что у

него на уме, может быть, он сумасшедший или того хуже — маньяк.

— Как ты можешь жить спокойно, когда рядом ходит убийца? — вопрошала подруга. — Спустишься с небес на землю, Элла. Они кого-то арестовали для проформы, а паспорта вам не вернули, охрану сняли. Элла, и ребёнок с тобой. Постарайся выехать оттуда. И одна никогда не оставайся.

— Не переживай, Люсенька, капитан сказал, что к завтрашнему вечеру всё выяснится. У нас здесь сбор завтра в шесть.

— Ты что, в этого мента влюбилась, что ли? — удивлённо спросила Люся.

— Да ты что! Он меня не интересует как мужчина, у меня к нему дело совершенно другого рода. Я надеюсь, что он найдёт настоящего убийцу. Он профи.

Я ей вкратце пересказала сегодняшние события и обещала обязательно завтра перезвонить.

Дальше по очереди шла Карина. Она меня набирала восемь раз, отправила десять сообщений. Я приготовилась к долгому разговору со своей любимой подружкой. Карина — искренняя, как ребёнок, чувственная, как восточная женщина, ей понятна музыка и поэзия души. Каждую мелочь, из которых состоит наша жизнь, она воспринимает как дар божий. Ей не везло с мужчинами.

Валера — её нынешний друг — был одним из тех мужчин, возраст которых можно определить только по паспорту. И Карина при первом знакомстве решила, что он моложе её. А потом, уже ближе познакомившись и пообщавшись с ним, она увидела, как обычный сибирский мужик превратился в сказочного принца, в котором преобладает мужское обаяние, харизма, умение жить и любить, и его невзрачная внешность уже перестала иметь хоть какое-то значение.

Валера влюбился в Карину сразу и бесповоротно, а она наоборот: постепенно, тихо, но крепко. Я была очень рада за свою подругу, она заслужила своё счастье. Конечно, я, как здравомыслящий человек, считаю, что любое продолжение курортного романа при других обстоятельствах — это ошибка. Но очень надеюсь, что в случае с Кариной я не права и моё мнение ошибочно.

— Карина, привет! — радостно крикнула в трубку.

— Элка, ты? — в ответ заорала мне подружка.

— Нет, не я, а голографическая передача моего голоса, — сострила я.

— Голос не передаётся голографически — только изображение, — показала свои познания Каринка.

— Ух ты, умная какая! Если ты такая умная, то почему такая бедная?

— Вся в тебя, — хохотала Карина. Мы с ней на одной волне. Мне с ней очень интересно общаться: я её понимаю, и она меня.

— Твой «Летучий голландец» когда приплывёт?

— Через неделю. Звонил. Нашёл покупателей на квартиру, — вещала Карина.

Так, слово за слово, я и ей рассказала про события сегодняшнего дня. К смерти надо относиться уважительно, и Карина, как никто, это понимала.

— В общем, моя схема дала сбой.

— Какая схема? — удивилась я.

— Ты что, забыла? Я составила схему убийства.

— Ну, раз дала сбой, тогда к чёрту её.

— Я новую составила, — не утихала неугомонная Карина. — И я думаю, что Наташу убил друг.

— Какой друг?

— Друг этого парня, которого менты забрали, — не отставала Карина.

— Игорёк, что ли?

— Откуда я знаю, как его зовут? Игорёк так Игорёк.

— Господи, Карина, ну зачем Игорьку её убивать? — пыталась вразумить я подругу.

— Как зачем? Ты что, не понимаешь? Приревновал своего друга к Наташе. Может, они голубые — приехали вместе отдыхать, без женщин. Сейчас таких много. У нас, в Витязево, обнимутся два мужика и ходят... смотреть противно.

— Да... Карина, фантазия у тебя богатая. Ну что ж, передам твою версию капитану. А сейчас я спать — устала. Тяжёлый день был, — попрощалась я с подругой.

После своих любимых водных процедур я разомлела, решила выпить чашечку любимого чая с разными прибабками, и тут раздался звонок. Ну никак Карина не угомонится: небось, опять нового убийцу нашла.

— Алло, — протяжно сказала я, нарочито зевая.

— Элла, привет! — я глянула на дисплей: Наиля, моя одноклассница.

— Ой, Наиля, привет. Не ожидала тебя услышать, — обрадовалась я.

— Я знала, что ты не спишь, — бакинцы так рано не ложатся. Чай пьёшь небось?

— Конечно. Ты отгадала. Я так рада тебя слышать. Как дети, внуки? — искренне интересовалась я жизнью Наили.

— Всё хорошо. Растут мои малыши. А тебя ещё твои сынульки бабушкой не сделали? Вроде бы пора, год прошёл после свадьбы старшенького.

— Нет, Наиля. Пока не хотят. Умные сейчас все.

Наиля с мужем приезжала на свадьбу к моему старшему сыну. Мы с ней дружили с малолетства, в детском садике на горшках рядом сидели, потом за одной партой прочились десять лет в школе, в один институт поступили. Всё время вместе. Замуж она вышла по большой любви, но брак у

них смешанный, и они раньше, чем мы, уехали из Баку. Я её очень люблю за непосредственность, оптимизм, юмор. Сейчас они живут в Пятигорске — курортном городе со славной историей и прекрасными жителями. Наиля торгует нижним бельём на рынке «Лира» — вынуждена: муж серьёзно болеет, и она взяла ответственность за семью на себя. Её юмору и искренности можно позавидовать. Наиля любит повторять одну восточную мудрость: «Чем выше лезет обезьяна, тем лучше виден её зад». Это она говорит всегда, когда я сокрушаюсь по поводу того, что она, такая умная, эрудированная, отличница, на рынке торгует. Но как она торгует! Это что-то. Песня. Женские трусики стринги она называется «свинки», и при этом так заразительно смеётся, когда приглашает свинок купить «свинки». А вот трусишки танго она называет «твист».

— Элла, ну как можно назвать этих полоски — танго?! Это же самый лучший чувственный танец в мире! Эти трусики — «твист», и всё, — объясняла мне подруга детства.

Так вот, этот «твист» и ему подобное делали у неё свист — её всё время обворовывали.

— Элка, ты знаешь, что такое лифчик пуш-ап? — и, не дожидаясь ответа, Наиля продолжала: — Знаю, ты не в курсе. Откуда тебе быть в курсе? Это для девок ДДС. Что смотришь? Это тоже не знаешь? ДДС — это аббревиатура: «доска, два соска». Так вот, это лифчики, которые увеличивают сиськи. Внутри лифчика уже поролон. Сейчас модно. Помнишь, у нас в группе некоторые девочки вату засовывали в лифчик, и иногда неравномерно, так что одна грудь получалась больше другой, — и Наиля так заразительно смеялась, аж до слёз.

Так вот, моя подруга решила сейчас, в 12 ночи, мне позвонить.

— Элла, ты ещё на море? У Глеба?

— Да, и собираюсь здесь остаться надолго. Ты же знаешь: я никак не могу привыкнуть к московской сырости, слякоти, холоду.

— Кстати, ты помнишь, я тебе рассказывала про лифчики пуш-ап?

— Ой, как это можно забыть? — стала похихикивать я.

— Так вот (не подавись только, допей чай и дожуй свою конфеточку), сейчас есть мужские плавки для моря с эффектом пуш-ап, — Наиля еле сдерживалась, чтоб не разрыдаться от смеха.

— Шутишь, что ли?

— Какой «шутишь»? Тут один продаёт, откуда-то привёз. Они у него разлетаются как горячие пирожки зимой. Говорю тебе, один предприниматель привёз, но не говорит откуда.

— И что этот пуш-ап делает?

— Элла, проснись! Увеличивает одно место! Там поролон или ещё что-то на мотне, и достоинство становится громадным, — Наиля хохотала как одержимая — у меня аж трубка вибрировала.

— Наиля, ты же не просто так это рассказываешь? Я что-то должна сделать? — пыталась прояснить, к чему весь этот рассказ, я. Да уж, с моей Наилькой не соскучишься. В её жизни точно не было размерности — всё вверх дном, и в этом было что-то живое и честное, как и сама Наиля.

— Ты должна узнать, есть ли у ваших продавцов такие плавки в продаже и где они берут их!

— Наиля, ты предлагаешь мне ходить и спрашивать у всех? Как ты себе это представляешь?

— С тебя никакого толку, Эллка. Где Глеб? Только он мне поможет. Если я их сейчас не найду — потом они у всех появятся, и я уже не смогу на них заработать. Торговли и так нет, сама понимаешь.

— Наилечка, не нервничай, — я очень за неё переживала: ей нужны были дорожные лекарства для мужа. — Я Глебу скажу — его сейчас нет дома. Он тебе сам позвонит. Ты ему всё и объяснишь. Вы друг друга поймёте — вы же у меня оба бизнесмены. Он тебе обязательно всё узнает и найдёт.

— Я в Глебе не сомневаюсь. Он у нас умный ребёнок. Эллка, у него еврейская голова, он в твоего деда по матери пошёл, — вещала Наиля. Она любила моих сыновей, как и я её девчат.

— Наилечка, он тебе позвонит завтра. Сегодня он поздно придёт. Наиля, а это на самом деле правда? Такие труселя есть? — захихикала я, как малолетка с куцым умишком.

— Не труселя, а плавки в бассейн, на море. Ну не идиоты? Нацепят этот пуш-ап, и давай павлином ходить, баб шокировать, — возмущалась моя прагматична подруга. — А там перчик незрелый или просроченный.

Я уже корчилась от смеха. Чего только не придумают! Сон пропал совсем, пришлось выпить свою кремлёвскую смесь, чтоб заснуть. В ту ночь мне приснился странный сон, и совсем он не касался Наилюхиной ситуации относительно мужских плавков.

Снится мне, что всё происходит на небесах. Стоит большой овальный стол, во главе которого сидит Великий Старец с седой бородой и такими же седыми волосами до плеч. Над его головой нимб. Вокруг стола в белых одеяниях сидят молодые красивые мужчины — помощники Старца — и разбирают какие-то бумажки. Я поняла, что это записочки, которые кладут в Стену Плача паломники, обращаясь к Богу. Ведь от Стены до Бога — самое кратчайшее расстояние. Перед каждым помощником Божьим гора бумажек лежит, и они их раскладывают по странам. Здесь — Россия, там — Америка, тут — Франция и т. д. И вдруг раздаётся смех. Смеётся один из помощников и обращается к Богу:

— Господи, тут такая смешная записка.

Бог заинтересовался:

— А что там смешного?

— Да тут женщина одна написала не только страну и город, но даже улицу, номер дома, свою девичью фамилию и всё о детях.

— Дай-ка мне эту записку, — Бог протянул руку.

Помощник встал, обошёл стол и с почтением передал ему бумажку. Старец внимательно прочёл записку:

— Она для себя здесь ничего не просит — о детях говорит.

— Да, — ответил ему помощник, — пишет, что мужа и мать в один год потеряла.

— В гости я к ней не загляну, но мои посланники — Божьи люди — будут к ней приходить. Посмотрим, как она их примет.

Потом Великий Старец жестом подозвал к себе помощника:

— Эту записку на особый контроль, и каждый день докладывать, как она моих людей принимает, детей Божьих. Все люди — дети мои. И передайте ей, что и мужу её, и матери здесь хорошо. Пусть не переживает.

Я даже во сне поняла, что речь идёт обо мне. В каждой записке, которую я клала в Стену Плача со своим обращением к Богу, я полностью писала адрес и анкетные данные, чтоб не перепутали там, наверху, в небесной канцелярии.

Сон был светлый. Я проснулась такая одухотворённая, как будто получила большой привет от мужа и родителей. Каждый человек — Божий ребёнок, но люди, особо нуждающиеся в Божьей заботе, они как больные дети, и их Господь называет своими посланниками. И Бог попросил меня в моём пророческом сне помочь его больным детям, если они пришли ко мне, — значит, они во мне нуждались. Се-

годня во мне нуждались Ольга Афанасьевна и Николай Степанович, и я обязана им помочь, как и другим, кто меня о чём то попросит.

День начинался хорошо, и я решила приготовить своему сыночку «Кефаль по-морскому» по рецепту от Людмилы Семёновны, мамы капитана Золотарёва, и потому после завтрака отправилась на рыбный базар за кефалью. Купила ещё шпинат у местных бабушек и много зелени. Хотя я и на отдыхе, но домашние дела никто не отменял — должна готовить, убирать, стирать и много чего ещё. Домашнее хозяйство — это чёрная дыра, в которой исчезают молодость и красота, тонны продуктов и моющих, все нервы свои и окружающих. Но никуда от этого не денешься.

Я занималась своим маленьким хозяйством и рассуждала вслух. Но никак не выстраивалась у меня чёткая картина убийства. Во-первых, я не знала, как убили Наташу, — ну не от удара же бутылки она умерла. Так не бывает. Это надо иметь недюжинную силу... да и бутылка железная, что ли? Сколько раз спрашивала у капитана, но он технично уходил от ответа — не хотел меня посвящать. В этот момент я злилась на его непроницаемое лицо. Надо же, так зашифровался, что даже не сказал об оружии убийства, хотя уверял меня, что доверяет. Может, он и меня подозревает, и моего сына — откуда мне знать? Хотя у нас и нет никакого мотива убивать Наташу. А во-вторых, мотив. Должна быть веская причина, чтоб прикончить человека. Ненависть так должна задушить человека, чтоб он решился убить другого себе подобного. Или это просто случайное убийство? Но кто мог зайти во двор и ни за что ни про что порешить Наташу? Глупость. Это убийство не поддавалось анализу. Я, как финансист, хотела чётко и продуманно, с математической точностью просчитать действия убийцы. Убийство произошло спонтанно, никакой логике оно не поддавалось, и на уровне физических

ощущений я это понимала. Но капитана полиции не волновали мои ощущения.

Как будто почувствовав, что я о нём думаю, позвонил Золотарёв и напомнил о своей просьбе. Я подтвердила, что ничего не забыла. Про Каринину версию насчёт гомосексуалистов я не сказала, а то ещё засмеёт, хотя эта версия вполне могла и иметь место.

У следователя по особо важным делам капитана Золотарёва был серьёзный подход ко всему, он находился на своём месте, любил своё дело. Капитан не игнорировал ни одну мелочь, и я была уверена, что он найдёт убийцу. А этот бедолага Женя, что сейчас сидел в КПЗ, никак не был причастен к убийству, просто имел глупость напиться как свинья и помнить всё не более чем табурет.

Меня вообще раздражает большинство мужчин. Они считают себя лучшей половиной человечества, но многие из них имеют куций умишко, как и внешний вид аналогичный. Женский опыт доказывает, что скудоумием страдают больше мужчины, чем женщины. Женщины хотят развиваться, много знать, заниматься своим здоровьем и внешним видом. У мужчин процент таких особей невелик. Конечно, каждому возрасту соответствует определённая доза глупости и ума. Женщины в большинстве своём на всём протяжении своей жизни прогрессируют, а мужчины — деградируют.

Ровно в шесть вечера появился капитан Золотарёв, взглянул к нам, поздоровался, после чего поднялся на второй этаж к старикам. Там он пробыл недолго и спустился во двор с мужем Алины. Жильцы стали постепенно собираться во дворе и присаживаться вокруг стола. Подошли Надыр с Дилей, Игорёк, я позвала Глеба. Потом спустились Андрей с Ирой. Капитан сам отправился звать семейную пару, так как я им не говорила. Спустилась Алина и, забрав мужа, вернулась к себе. Я поняла, что капитан их специ-

ально спровадил. Тихо ковыляя и опираясь на тросточку, появился Николай Степанович. Попросил ребят, чтоб они спустили Ольгу Афанасьевну. Андрей с Надыром подхватились и стремительно помчались на второй этаж. Появилась семейная парочка: гусь да гагарочка. Одеты они были нелепо. Интересно, почему люди, когда приезжают на море, считают, что везде можно появляться в затёртых шортах и грязных майках-алкоголичках?..

Наконец все уселись. Свекровь Алины пристроилась рядом с Ольгой Афанасьевной, в руках у неё был прозрачный пакетик с лекарствами и бутылочка воды. Капитан начал как-то очень торжественно, что, как мне кажется, не соответствовало моменту:

— Уважаемые граждане и гражданки, я вас собрал, чтобы всё до конца выяснить, и поэтому вы все начнёте мне по очереди рассказывать, а вернее, отвечать на мои вопросы. Ясно?

— Ясно, конечно, — вдруг встрепенулась женщина в панамке, слабая половина семейной парочки. — Но убийцу же арестовали.

— Кто это убийца? — напустился на неё Игорёк. — Женька? Он никого не убивал.

— Тихо! — зычно приструнил их капитан. — Я буду спрашивать, а вы отвечать! И точка.

Перед капитаном лежала папочка, которую он всё время теребил в руках. Видно было, что он нервничал. Истинное расследование нужно начать только на месте преступления, и капитан следовал этому принципу.

Начали с Игоря. Он рассказал то же самое, что и в прошлый раз: об инициативе Жени, о сабантуйчике. Только добавил о звонке Натальи кому-то.

— Да, звонок был. Мы провели биллинг телефона Натальи. Звонила она своей единокровной сестре Ольге Михай-

ловне Поволоцкой. Та остановилась недалеко в гостинице. Ольга подтвердила звонок, — прокомментировал капитан.

Семейная парочка рассказала, что они посидели немножко на сабантуйчике и ушли, так как сын никак не хотел спать один и звал их. Они выпили немного пива и потопали спать, оставив всю честную компанию.

Андрей с Иркой наперебой поведали всё, что они знали об этом злосчастном вечере. Подтвердили, что семейная парочка рано ушла. Рассказали, как я с Глебом пришла, как Надыр вызвал Наталью на разговор.

Надыр подтвердил весь свой разговор с Наташей и рассказал об их отношениях. Николай Степанович удивлённо смотрел на Надыра (вот она проза жизни): об этом он не знал и не ожидал узнать такое. Ольга Афанасьевна равнодушно всех слушала. Скорее всего, она была накачена успокоительными.

Несмотря на свою природную осторожность и такт, Диля рассказала всё вплоть до потери заколки. Кусочки мозаики постепенно вставали на свои места, и оставалось только одно: понять, кто убийца. И Женя ли убил Наташу, или это всё-таки ошибка. Просто больше некому. Видимо, в стельку пьяный Женя требовал от Наташи большой и чистой «любви», она ему отказала, и он ударил её по голове бутылкой. Все приуныли и сидели как в воду опущенные.

— Элла Глебовна, — оторвал меня от грустных мыслей капитан, — вы мне рассказывали, что что-то слышали ночью.

— Да. Я ночью, часа в три, вставала воды попить, — встрепенулась я, вдруг вспомнив о просьбе капитана. — А окно на кухне выходит в ваш мини-дворик, — я указала рукой в сторону семейной парочки и Игорька. — Слышала разговор, вернее, шёпот.

— Чьи голоса были? — допрашивал меня капитан.

— Чьи — не знаю. Но точно мужской и женский, — мне вдруг стало стыдно за своё враньё, но капитан сказал, что это нужно для расследования и проводится следственный эксперимент.

— Не пытайтесь взять меня на примитивный приём, — вдруг взвизгнула женщина-москвичка.

— Не кричите, Светлана Ивановна, — попытался утихомирить её капитан.

— Знаете, капитан, я все эти ваши ментовские приёмы знала, когда вы ещё не родились! — продолжала она.

— Светочка, при чём тут мы? — пытался успокоить её муж.

— Ты не понимаешь, Серёжа, вроде, кроме нас с тобой, в этом дворике никого нет! Слышала она голоса мужчины и женщины, как же! Она на нас специально наговаривает, — кивнула в мою сторону Светлана. — Она меня с самого начала невзлюбила! — всё никак не могла угомониться женщина.

Муж взял её руку в свою ладонь и гладил другой рукой. Я просто поразилась его взгляду: в нём читалась нежность и грусть. Любовь — очень тонкая материя, это не обязанность и не норма. Но у Сергея оказалась именно любовь-обязанность, это было заметно. Жизнь непредсказуема.

Вдруг раздался звонок, да ещё такой требовательный. Капитан взял трубку:

— Да, заходите и заводите!

Мы все внимательно прислушивались и ждали, кто же войдёт. Появились двое полицейских, и с ними Евгений в наручниках. Капитан снял наручники с Жени и приказал ему сесть рядом с Игорем. А тот, прыгая на месте, плакал и смеялся одновременно, обнимая своего друга и что-то лепеча. Настолько искренне был рад этот парень своему другу, что я и сама за них обоих очень радовалась. Женя ничего не

говорил. Молчал. Иногда, чтоб поступить по-человечески, не требуется никаких причин. Я сказала Игорьку, что очень рада за него и его друга.

— Он же убийца! — опять встряла Светлана. — Зачем его отпустили?

— Евгений — не убийца, — строго произнёс капитан. — Женя, начните с самого начала.

Евгений почти слово в слово повторил рассказ Игоря, добавив от себя, что он напился как свинья и ничего не помнит. Только проснулся от крика, и в руке была «розочка» — разбитая бутылка. Помнит, что ещё очень удивился, ничего не понял, а потом его приняли менты. Вот и всё.

— В какой руке у вас была бутылка? — уточнял капитан.

— В правой.

— Евгений — левша, и криминалистическая экспертиза показала, что он никак не мог убить Наталью. Время её смерти совершенно не совпадает с физическим состоянием Евгения, в котором он находится на тот момент.

И капитан отдал Евгению его паспорт.

— А нам? — сказал Сергей. — Мы хотим домой. Нам здесь делать нечего.

— Всем остальным отдам попозже, после нашей беседы, — безапелляционно заявил капитан.

Ольга Афанасьевна, прямо глядя перед собой, тихо сказала:

— А кто же тогда убил мою Наташу?

Замкнутый круг. Лабиринт. Как из него выберется капитан, я не знала. Я понимала только то, что любую работу должен выполнять профессионал, а Золотарёв был супер-спец, и нас всех не зря собрал.

— Сергей Васильевич, — обратился он к москвичу. — Этот брак у вас первый?

— Да. Первый. Мы уже восемь лет женаты.

— А вам это зачем? Это имеет отношение к убийству? — вмешалась Светлана.

— Светочка, успокойся, — перебил её муж, — я на все вопросы отвечу.

...Когда-то Серёжа был повесой, каких свет не видывал. Коренной москвич, симпатичный парень, единственный сын у обеспеченных родителей, он прожигал жизнь, мотался от одной женщины к другой, но жил с родителями, хотя ему перевалило за тридцать. Отец с матерью не хотели его отпускать от себя — боялись, что какая-нибудь стерва его окрутит. Жениться он хотел только на молодой, красивой, образованной, стильной девушке. Но ухаживать за такой девушкой — это тяжкий труд, требуется много усилий и времени, а Сергей по своей природе был ленив. Мама с замиранием сердца ждала его очередную пассию в гости и успокаивалась, когда видела, что та ненадолго задержится в сердце у её сыночка. Мир вокруг Серёжи пестрел бабочками-однодневками, и он привык, что сегодня — одна, а завтра — другая. Как-то, возвращаясь поздно от приятеля, да ещё немного подшофе (они уже третью неделю отмечали Новый год), Сергей увидел на троллейбусной остановке одиноко стоящую женскую фигуру. Стояла мерзопакостная погода — с неба сыпалась какая-то крупа, холодно было не от сильного мороза, а от ветра, — и видно было, как женщина удручённо стояла и ждала то ли маршрутку, то ли троллейбус. Сергей не смог разглядеть её внимательно, только мельком заметил, что она молода и миловидна. Подъехав к остановке поближе, он открыл пассажирскую дверь и предложил её подвезти. Она, не жеманясь, села, поблагодарила и попросила высадить её у ближайшего метро. Разговорились. Девушка оказалась бухгалтером, засиделась за годовым отчётом и немного припозднилась. Вела она себя просто, нисколько не кокет-

ничая, прямо и честно отвечала на вопросы, смеялась над его шуткам. У метро незнакомка попросила остановить и собралась выйти. Серёжа хотел её подвезти домой, но она отказалась, объяснив это тем, что он немного выпил, его могут остановить, а она живёт очень далеко, в Выхино. Лучше пусть он едет домой и немного отдохнёт. Девушка сильно отличалась от его многочисленных барышень, но и серой молью её нельзя было назвать. И визитку свою дала, как только он попросил номер телефона. Визитку Сергей положил в бардачок и благополучно о ней забыл. Как-то, недели через две, проезжая в это же время и в такую же жуткую погоду мимо той же остановки, он вдруг вспомнил про ту попутчицу, начал копаться в бардачке и отыскал её визитку, позвонил.

— Алло, слушаю, — ответили ему.

— Здравствуйте, Светлана. Это Сергей. Помните, я как-то подвозил вас до метро? — начал он, включив всё своё обаяние.

— Конечно, помню, — очень серьёзно ответила девушка.

— Я тут проезжаю, а вас нет на остановке.

— Я уже дома, — ответила она. Даже не видя, Сергей понял, что она улыбается.

— В Выхино? — уточнил он. — А мне как раз туда надо. Можно зайти к вам на чашку чая?

Так и состоялось их настоящее знакомство. Она была серьёзным человеком, неподдельным, искренним, спокойным. Никогда ему сама не звонила, не истеричила, не закатывала скандалы, не вытягивала из него обещание жениться. Жила в однокомнатной квартире, за которую платила ипотеку. Ремонт и мебель скромные, но в квартире всегда было чисто и очень уютно. После бурных ночей и очередных истеричных отношений с другими Сергей приезжал к ней. Он тянулся к ней, как побитый бурей корабль в тихую гавань,

как искалеченный войной воин в госпиталь, где починят, полечат, замажут и заштопают. И вновь он поплывёт по морям, по волнам, нынче здесь — завтра там, помчитесь на поиски приключений. О браке никто из них не заговаривал, да никому это и не надо было. Их обоих устраивали такие отношения. Была просто примитивная плотская связь — так думали они оба... Но это им казалось, что каждый из них так думает. Каждый раз, когда Сергей приходил (а он появлялся пару раз в неделю), Светлана обязательно пекла что-нибудь вкусненькое, а он обязательно приносил её любимые розовое шампанское «Абрау-Дюрсо» и жёлтые хризантемы. У них были довольно необременительные отношения, и длились они больше года, но как-то Светлана ему сама позвонила и попросила подъехать, что случилось крайне редко. Сергей удивился и, признаться, испугался сам не зная чего. Хаос современного мира его порой пугал, хотя он сам отлично вписывался в этот мир. Несмотря на то что у него было много приятелей и подружек, парень страдал от одиночества, и только Светлане он изливал свою душу теми немногочисленными ночами, когда оставался у неё. У вдруг позвонить самой и пригласить его — это было совершенно не в её стиле. «Может, она кого-то себе нашла и решила выйти замуж», — подумал Сергей, и ему стала горько и больно от одной этой мысли. Светлана прямолинейна и не станет ничего скрывать. А он не любит никаких жизненных сюрпризов, дорожит душевным покоем. Но вот сейчас он идёт в неизвестность. Он вдруг понял, что боится и не хочет её терять. Он — Сергей Лебедев, неудержимый бабник — вдруг понял, что Светлана ему не только любовница, но и друг, на чью грудь можно положить свою буйную головушку и поплакаться.

Девушка уже ждала его. Накрыла стол в комнате, а не на своей маленькой кухоньке. Поставила водку. Сергей налил

и выпил (это означало, что он останется ночевать). Налил ей вина, она едва пригубила.

— Серёжа, сегодня ты ночуешь у меня последний раз.

— Что, кого-то нашла себе? — зло спросил он. — Я так и знал.

Светлана захлопала ресницами и удивлённо подняла на него свои голубые глаза. Она вполне соответствовала своему имени: светлые волосы, светлые глаза, светлые мысли, светлые поступки.

— Господи, как ты мог такое даже подумать? Разве я способна тебя обманывать? — так доверчиво сказала Светлана, что он сразу ей поверил. — Серёжа, я беременна. Аборт делать поздно (я специально так долго тебе не говорила, чтоб ты не настаивал). Я рожу ребёнка обязательно, я очень хочу, и это будет только мой ребёнок. Я просто поставила тебя в известность, — скороговоркой произнесла она, чтоб он не смог даже слова вставить.

Сергей не боялся слова «беременность». Многие его девушки произносили его (может, некоторые и вралли), но он давал им деньги на аборт, и на этом всё: пока, до свидания. Так и сейчас он себе придумал трудность, изобрёл проблему. Сергей прекрасно знал: если Светлана сказала, что родит, то она родит; если сказала, что это только её ребёнок, то она оградит его от всех проблем, никаких притязаний и требований к нему не будет. Она понимала, что жениться он не хочет, детей не хочет, а ответственности тем более. Его вполне устраивала его холостяцкая жизнь.

— Думаю, что нам надо расстаться, — продолжала Светлана. — Я не собираюсь женить тебя на себе из-за ребёнка. Сообщила тебе об этом, так как ты отец и должен об этом знать. Мне и малышу ничего от тебя не надо. Никаких претензий к тебе предъявлять не буду. Ты можешь продолжать спокойно жить дальше. Я тебе обещаю: никто не узнает, что

ты отец ребёнка, более того, я это всё изложила письменно, — и она протянула ему листок с каким-то текстом, написанным ею от руки. — Своё слово я держу. Ты меня знаешь. Прочти, пожалуйста.

Сергей удивлённо на неё посмотрел: такого длинного монолога он от неё не слышал. Пробежал глазами по листочку — там было написано всё то, что она ему сейчас сказала. Он поднял на неё глаза, она вся светилась от своей беременности. Этим монологом она закрыла дверь в своё прошлое и открыла сердце своему счастливому будущему. Светлана вычеркнула его из своей жизни (попрыгунчиков она не любила, да и кто их любит), замуж за него не хотела. Сергей тоже не интересовался её жизнью, звонил ей только тогда, когда ему было плохо, когда возникала нужда в ласке и любви. Приезжал, и она всегда его принимала. А сейчас порешили на том, что предложила Светлана. И у каждого из них продолжилась своя жизнь.

...Была ранняя весна, светило солнышко, чирикали птички, когда он случайно увидел её. У Светланы уже был большой живот, она тяжело передвигалась. Рядом с ней шла пожилая женщина, очень на неё похожая, — видимо, её мама. К Светлане Сергей не подошёл, но в душе всё вскипело: какой же он осёл всё-таки! Эта женщина носит под сердцем его ребёнка, а он не может даже ей помочь, потому что он — эгоист и думает только о себе. Мама права, как всегда.

На следующий день, купив кучу игрушек, памперсов, сосок и разной одежды для новорождённых — всё, что ему посоветовали продавщицы в магазине для малышей, — Сергей поехал к Светлане без звонка.

В роддом вёз её сам, о родах договаривался тоже сам. Ребёнка записал на себя, но жили они отдельно.

Как-то Сергей пришёл отвезти Свету с ребёнком в детскую поликлинику. Мама Светы возилась на кухне, она

через пару дней собиралась уезжать домой в Нижний Новгород. Света переодевала ребёнка, когда раздался звонок в дверь. Сергей отправился открывать дверь и обалдел — на пороге стояли его родители.

— Что вы здесь делаете? Как вы сюда попали? Вы что, за мной следите?

На его возгласы вышли Светлана и её мать. У Светы на руках был ребёнок. Женщины удивлённо наблюдали за развернувшейся сценой.

— Молчи, подлец! — наорала на Сергея его мать. — Мы пришли посмотреть на своего внука.

— С чего вы взяли, что вы к этому имеете отношение? — недоумённо спрашивал Сергей.

— Вот с того, — отец размахивал перед его лицом какой-то бумажкой.

— Это наш внук, и мы имеем право, — возмутилась его мама.

Светина мама первой сообразила, в чём дело, и пригласила дорогих гостей в комнату.

— Ну, рассказывай, — обратился Сергей к матери.

— Ты мне не понукай, не запрягал, — неожиданно тихо сказала мать и заплакала.

Света передала ребёнка Сергею и побежала за водой на кухню.

— Как тебе не стыдно, сынок? — начал отец. — Сколько тебе лет? Тебе давно жениться надо, а не прыгать из одной койки в другую! Если бы не Ирина Константиновна, мы бы так ничего и не узнали. Что так смотришь? Помнишь Ирину Константиновну, мамину давнюю приятельницу? Она врачом работает в перинатальном центре, где Светлана рожала. Случайно там тебя увидела и позвонила маме — поздравить её с рождением внука. А мама ничего не знает, ничего не ведаёт. Даже не могла сообразить, что и сказать своей под-

руге. Попросила Ирину всё разузнать. Она и рассказала, что ты вёл себя как отец, записал ребёнка на себя, приходил в больницу к Свете, привозил продукты. Так что в том, что ты отец, никто не сомневался. А эта бумажка, которой я размахиваю перед твоим носом, — так это ответ на тест ДНК, который мы сделали. И не смотри как баран на новые ворота. Мама взяла твой волос с расчёски... старый ты уже, сын, — волосы последние выпадают...

На этом месте Света не выдержала и расхохоталась. Все на неё обернулись. Она тут же замолчала.

— Ирина Константиновна взяла слюну у ребёнка, — продолжал отец. — Она вошла в наше положение, помогла. Существует врачебное братство, вот коллеги ей и подсobili, когда она рассказала им о переживаниях своей подруги (то есть твоей мамы) по поводу её сыночка-бабника. Мы решили также разведать и о матери ребёнка — все знают, в какое время мы сейчас живём. Весь персонал о Свете отзывался хорошо, говорили, что спокойная, рассудительная, совсем не похожа на нынешних аферисток, которые чужих детей вешают на дураков мужчин. Когда убедились, что ребёнок наш, опять попросили Ирину нам помочь. Она взяла из карточки адрес Светланы и нам дала. Приехали, а тут твоя машина. А мы ещё переживали, что Светлана не по месту регистрации проживает. Выходит, нам повезло.

— Папа, — наконец произнёс Сергей, — а зачем вам тест ДНК? Я и так знаю, что малыш — мой сын.

— Ты знаешь. Ты, а не мы, — вдруг ожила мать. — Сколько можно ждать, когда ты женишься? Вон и ребёнок есть. Женись, и всё. И точка. У тебя семья уже. Хватит бобылём ходить.

Родители побыли ещё немного, повозились с ребёнком, попросили у Светланы разрешения приходить к малышу, взяли её номер телефона и ушли.

Они ушли, а Сергей так и сидел как в воду опущенный. Ну и родители... «Детективы прям, — думал он. — И какие-то жалкие, а я их мучаю и себя мучаю, и Свету, теперь и ребёнок будет мучаться с таким приходящим отцом».

Сильного физического притяжения между Светланой и Сергеем не было, страсти тоже, были просто уважительные партнёрские стабильные отношения. Но и отторжения не наблюдалось, и этого оказалось достаточно для семейной жизни. Хороший пинок — важная составляющая полёта. Такой пинок от родителей и получил Сергей, поэтому на следующий день явился к Светлане с букетом цветов и бархатной коробочкой с кольцом. Попросил руки Светы у будущей тёщи, надел невесте на палец кольцо, и они поженились, как и положено. Сергей оказался прекрасным любящим отцом, сына боготворил, всё делал для него. Его жизнь разделилась на до рождения ребёнка и после. Теперь у них прекрасна дружная семья. Всё это Сергей рассказал капитану и всем перед ним сидящим.

Да... дела... Но вот одного я никак не могла понять: зачем всё это Золотарёву, и какое это имеет отношение к расследованию?

— Светлана Ивановна, я бы хотел вас услышать, — обратился капитан к женщине.

— А что нового вы хотите от меня услышать? Муж всё рассказал.

— Вашу фамилию хотя бы?

— Лебедева Светлана Ивановна, — произнесла она как на экзамене. — А до этого — Сорокина, а ещё раньше — Воробьёва. У меня все фамилии птичьи, — усмехнулась Света. — Из маленького воробушка превратилась в белого лебедя. Сорокиной я была по первому мужу.

— Вот ведь, а ваш муж этого не рассказал, — всё хотел подловить её капитан.

— А этот факт не из его биографии. Зачем ему это рассказывать? — Света говорила всё продумано, просчитано, взвешивая каждое слово — недаром она бухгалтер.

— Расскажите о вашем первом браке, — настаивал капитан.

— Первый брак был студенческим. Влюбились, поженились и быстро разошлись.

— Где вы жили в то время?

— До свадьбы я жила в общежитии (я ведь не москвичка — из Нижнего Новгорода приехала), а после свадьбы — у мужа, в квартире его родителей, а свёкры переехали в загородный дом, оставив нам квартиру.

— Вы работали? Оба?

— Нет. Никто из нас не работал — мы доучивались. А поддерживали нас родители мужа, и мои тоже по мере возможности, — Светлана нехотя отвечала на вопросы капитана, видно было, что ей это неприятно, но она вынуждена.

— Светлана Ивановна, а почему вы заполняли бачок над летним душем? Он был пустой? — задал неожиданный вопрос капитан — вопрос, который полностью выпадал из контекста беседы.

Света зло посмотрела на меня: она сразу поняла, что это я донесла капитану.

— Частный дом — это не квартира в многоэтажке, он требует неусыпного внимания. Вот и в тот день насос не работал, я решила долить из ведра, чтоб за день нагрелась вода. Муж любит в летнем душе купаться.

— Как не работал насос? — вдруг вмешался Игорёк. — Мы же с Женькой починили накануне. Да, Женька?

— Да, — кивнул Евгений. У него не было никакого желания разговаривать.

— Наверное, опять поломался, — Светлана повернулась к Игорьку. — Я крутила кран, крутила, а насос не срабатывал. Пришлось ведрами таскать.

— А я тебя, Света, видела только разок — как ты по лестнице поднималась к бачку, — сказала я.

— А вы бы, Элла, ещё последили, вы же, как ищейка, всё вынюхиваете.

— Я не ищейка, — разозлилась я. — Я просто хочу помочь капитану найти убийцу Натальи.

И я посмотрела на стариков. Мы как-то все разом забыли, что они тоже рядом с нами. Они сидели молча. Не встречали. Советская закалка, люди из СССР — это вообще другой генотип. В них смешались языки и народности, характеры и повадки, обычаи и традиции, песни и пляски. И ничего их не могло сломить, по крайней мере, внешне это не отражалось. Они привыкли молчать — жизнь их этому научила. И даже своё самое большое горе ни на кого не изливали. Они просто молчали, всё держа в своём многострадальном сердце.

— Хорошо. Я понял, Светлана Ивановна, — и капитан достал какую-то бумажку из пачки и начал зачитывать: — «Сорокина Анастасия, девочка, тринадцать месяцев...», и по мере того, что говорил капитан, менялось лицо Светланы. Она покраснела, потом побелела, глаза налились кровью. Я подумала, что её сейчас хватит инфаркт или инсульт — так напугало меня её выражение лица. У неё началась паническая атака. А паника никогда не помогает в экстремальных ситуациях. Паника — самый непродуктивный метод решения вопроса. Дилля вскочила и побежала за водой. В пакете у Алининой свекрови была валерьянка. Мы дали Свете, она залпом выпила. Муж всё гладил её по руке, сам не понимая, что с ней случилось.

— Это моя дочь. Была, — тихо сказала Света.

— Дочь? — Сергей и я одновременно переспросили её. Муж убрал свою руку с её ладони. Света повернулась к нему:

— Да, дочь от Сорокина, Серёжа. Ей было чуть больше года, когда она умерла. Извини, я не хотела говорить об этом. Прошло уже больше семнадцати лет.

Правда — это величайшая драгоценность, её надо экономить. Но и ложь — тоже твёрдый камень, который надо использовать в крайнем случае, при необходимости, иначе ею можно убить. Света не лгала, но и правду скрывала. Осуждать её никто не имел права. Эмоции захлёстывали Сергея, и жить с ними в ладу невозможно. Надо было именно сейчас с этими эмоциями сосуществовать, и Сергей принял правильное решение — он подавил их. И закурил, не спросив ни у кого разрешения, но никто не сделал ему замечания. Светина речь текла медленно и плавно. Она рассказывала, и её воспоминания были не воспроизведением прошлого, как мы обычно считаем, а какой-то творческой реконструкцией с элементами из настоящего.

...Брак Светланы Воробьёвой и Николая Сорокина был студенческим и счастливым. Они поженились по большой любви, с одобрения родителей с обеих сторон, и рассчитывали жить долго и счастливо и умереть в один день. Света забеременела сразу и родила девочку Настеньку. Малышка была сущим ангелом, с голубыми глазами, как у мамы, и тёмными волосами, как у папы. Ребёнка не просто любили, а боготворили, особенно папа и дедушки. Эта маленькая девочка, которая ещё говорить не могла, ходить не могла, была их богиней. Света за ребёнком хорошо ухаживала, возила раз месяц на осмотр в детскую поликлинику, но прививки не делала дочке осознанно. Тогда как раз прошла протестная волна против прививок. Говорили, что они подавляют детский иммунитет, вредят, и даже то, что неудачно введённая вакцина может сделать ребёнка инвалидом. Света пошла с животрепещущим вопросом к участковому врачу, которая убедила её в том, что прививки не нужны, что детский ор-

ганизм сам способен сопротивляться заболеванию. И даже когда делают прививки, ребёнок всё равно заболевает. Но почему-то педиатр не упомянула, что в этом случае болезнь протекает мягко, неагрессивно.

Муж настаивал на вакцинации, позицию Светы и педиатра не одобрял и даже пожаловался матери, призвав её на помощь. Свекровь тут же примчалась с дачи, навезла банки с вареньем и солением и начала долгий разговор со Светой. Но невестка смогла в своей мягкой ненавязчивой манере убедить свекровь в бесполезности прививок.

Годик Настеньки отметили пышно. Приехали родители Светы из Нижнего Новгорода, свёкры, родственники мужа, друзья. Было весело и радостно. Ничто не предвещало плохого. Малышка была бодрa, весела.

И вдруг Настёночка заболела: температурила, капризничала. Списали всё на зубки. Но высокая температура держалась три дня. Вызвали на дом участкового педиатра, та осмотрела девочку, сказала, что ничего страшного, что это обычное ОРВИ, горлышко обложило, вот и температура. Посюсюкала с ребёнком, поболтала со Светой, с удовольствием взяла денежку, которую та ей дала, и ушла. Света всполошилась только тогда, когда малышка уже не могла глотать даже воду (сильный отёк глотки не позволял Настеньке этого сделать) и по всему телу пошла экзантема — кожная сыпь, — а температура поднялась до сорока градусов. Вызванная скорая помощь отвезла малышку в Филатовскую детскую больницу. Заведующий отделением, взрослый мужчина, орал на Светлану с мужем — он не мог сдерживаться, поражаясь глупости родителей ребёнка.

У Насти была корь, против которой Света не сделала прививку, слепо веря участковому педиатру, которая и диагноз правильный не смогла поставить, и из-за которой ребёнок целую неделю мучился дома.

Настю не удалось спасти. Девочка умерла. С нею умерла и душа Светланы.

Муж сразу после похорон уехал к родителям, обвинив Свету в смерти ребёнка. Свёкры с ней не разговаривали, но ей это и не надо было. Ей не хотелось ни с кем говорить. С ней осталась только её мама. Мамы всегда со своими детьми — в любом случае делят со своим ребёнком и радость, и горе. У мам большие сердца и много сил, они всегда поддержат своего ребёнка.

Мужа Света видела последний раз на сороковины дочки. Он постарался и поставил своей маленькой богине на могиле памятник — ангел, улетающий в небо. Всё. На этом её общение с Николаем закончилось. Все документы о разводе она получала через мать, той передавала свекровь. Квартиру она освободила — ключ мать передала свекрови и увезла дочь в Нижний Новгород.

Целый год Света не выходила из дома, сидела как в тюрьме. Она была девушкой кроткой и послушной. А такие выносят приговор себе всегда сами. Света хотела наложить на себя руки, но мать опять её спасла... в очередной раз. Год родители поочередно сидели с ней, никуда не отходя. Они по новой учили Свету жить, как маленького ребёнка. Отец старался убедить дочку, что её вины нет в смерти малышки, что неграмотный врач неправильно поставила диагноз, что именно из-за педиатра не сделали прививку, что мир людей безжалостен, что в нём трудно существовать, но надо. Мать, которая имела советское воспитание и не верила в Бога, вдруг стала ходить в храм и несколько раз смогла зайти туда Свету. Света находила там успокоение, молясь за своего ребёнка, облегчала своё сердце. Разговоры с бабушкой утешали её душу. Света прекрасно понимала, что она поступает эгоистично, думая о том, что она — центр вселенной, и все должны её жалеть. В этом мире никто никому ничего не должен.

Света видела, как родителям трудно с ней, и она с энтузиазмом ухватилась за предложение отца восстановиться в институте. Она вернулась в Москву, окончила институт, защитила диплом, устроилась на работу. Постепенно Света стала уверенной в себе, полагалась только на свои силы. И когда случайно забеременела от Сергея, то решила, что этот ребёнок будет жить. Она не надеялась выйти замуж за него, да и не хотела. Родители поддержали её во всём. Но когда Сергей сделал предложение, они очень обрадовались. У ребёнка должен быть отец.

Сергей молчал и, опустив голову, слушал жену.

— Ты меня прости, Серёжа, я не могла тебе этого рассказать. Это очень больно. Это прошлое, в которое я закрыла дверь. Прости за всё, Серёжа, — обратилась к мужу Света.

— Светлана Ивановна, — начал опять капитан, выслушав её рассказ, — как звали участкового педиатра вашей покойной дочери?

— Я не помню. Прошло много лет, — каким-то глухим голосом сказала Света.

— Неправда. Вы всё помните. Её звали Алексеева Наталья Николаевна.

Старики одновременно вздрогнули и уставились на Свету.

— Это ведь вы её убили, Наталью Николаевну, дочь Ольги Афанасьевны и Николая Степановича? Она Алексеева по мужу и осталась на этой фамилии, менять не стала после развода.

— Эта сука меня не узнала, представляете, — зло ответила Света. — Я просто хотела с ней поговорить. А она меня даже не вспомнила. Забыла о том, что поставила моему ребёнку неправильный диагноз и настаивала, чтоб я не делала прививки. И сколько у неё таких детей на совести? Маленькое кладбище? А когда я ей напомнила, то она сморщила свой носик и стала меня оскорблять, мол, я сама виновата, у

меня куцый умишко, и не надо было её слушать. Обвинила в том, что я сама подписала отказ от прививки. И вообще, заявила, что дети имеют тенденцию умирать, особенно годовалые. Умер один — родится другой. Она вела себя как мерзкая циничная тварь. Ни тогда, ни сейчас она не подумала даже извиниться. Смерть моей малышки её не волновала. Она просто сидела и хамила мне. Я не выдержала и врезала ей. А этот боров, — Света указала на Женю, — наклюкался и спал за столом, даже не проснулся. Если б проснулся, может, всего этого и не произошло...

...После того как Света ударила Наташу, та вышла из-под контроля и повела себя совсем неадекватно. Стала трясти Свету, схватилась за её халат и попыталась ударить головой об стол. Наташа была пьяна. Оскорбления в адрес Светы и её умершей дочери так и лились из её чёрного рта. Наташа понимала, что виновата в смерти ребёнка, и при этом выражала радость, доставая этим Светлану, говорила, что дети от таких матерей, как Света, не должны жить и засорять мир. Когда в очередной раз Наталья попыталась ударить Свету головой об стол, та вырвалась, схватила первую попавшуюся бутылку и ударила Наталью по голове. Наталья упала навзничь на кровать-качалку. Света испугалась и бросила бутылку тут же, на качалку. Наташа лежала без признаков жизни. Света не помнит, что на неё нашло, но она положила маленькую подушку, которая лежала на качалке, на лицо Наташи и била, била по подушке, давила, даже села, чтоб Наташа задохнулась, как задохнулась её маленькая дочь от отёка гортани. Света была в состоянии аффекта, она не чувствовала ни страха, ни боли. Она лишь знала, что мстит той, которая убила её ребёнка своими непрофессиональными действиями. Потом она отошла немного, убрала подушку с лица своей жертвы и быстро побежала к Сергею. Света вдруг запаниковала, растерялась и поняла, что надо всё рас-

сказать мужу, что только он может ей помочь. Всей правды она ему не раскрыла. О ребёнке ни слова. Рассказала только об оскорблениях и потасовке... и о том, что она сделала. Света была в таком подавленном состоянии и не могла всё нормально объяснить, что Сергей вышел с ней и, увидев Наташу на качалке, проверил её пульс — она была мертва. Жестом приказал Светлане молчать, вытащил пуговицу от Светинового халата, зажатую в руке у Натальи, протёр лежавшим тут же полотенцем бутылку, которой Света ударила Наташу, и вложил её в руку Жени. Женя даже не подумал просыпаться, а только повернул голову на другую сторону. Убрав подушку с лица Наташи, Сергей бросил её на качалку. Взяв жену за руки, повёл её в домик, умыл, снял халат, сказав, что от него надо избавиться, и уложил спать, предварительно напичкав таблетками. Света была как сомнамбула. Она всё делала инстинктивно, в ней как будто отключился моторчик, который поддерживал в ней жизнь. Легла и тихо уснула.

Сергей понимал, что с этой минуты их жизнь поменялась, они вышли из рамок спокойного существования, он не понимал, что произошло со Светой. Сергей безгранично верил своей жене и был уверен, что если она совершила это убийство, то должна быть веская причина. И сейчас, за столом, он услышал об этой причине от своей жены. Какую же высокую цену заплатила Света за ошибки этой врачихи. Не злость и не гнев от того, что Света скрыла от него главное из своей прошлой жизни, не захлестнули его, а только жалость и безграничная любовь была в его сердце.

— Вот этот халат? — и капитан жестом фокусника достал халат из пакета.

— Да, — Света кивнула и отрешённо сказала: — Я не знала, куда его бросить: на улицу нельзя было — там полицейские стояли, во дворе тоже некуда. Вот я и положила в

ведро, налила немного воды — и в бачок. Элла как раз в это время меня и увидела в окно.

— Вы убили человека. И зачем вы это сделали, не мне решать. А сейчас я задерживаю вас и вашего мужа. Спасибо генералу, он мне очень помог. В Москве сразу подняли архивы детской поликлиники и ЗАГСа. Иначе все, кто здесь сидит, были бы надолго задержаны, — как-то чересчур ободряюще произнёс капитан и раздал всем паспорта.

Я глянула на стариков, скользнув по ним взглядом. В открытую боялась смотреть — чужому горю в глаза не смотрят. Удивительно, но Николай Степанович дремал и, кажется, всё прослушал. В преклонном возрасте сон — это лекарство. Ольга Афанасьевна же плотно сжала губы и буравила глазами Светлану. Казалось, что она уже сто раз убила и сожгла её, прокляла и стёрла с лица земли.

Света спокойно протянула руки полицейскому, и он надел на неё наручники. Но когда полицейский хотел то же самое сделать с её мужем, она стала брыкаться:

— Капитан, мой муж никого не убивал, он ничего не делал. Не надо его в тюрьму. У нас ребёнок один остаётся здесь, этого нельзя позволить.

— Не переживайте, — просто ответил ей капитан, — за вашим сыном присмотрят.

— Вы что, его в детдом отдадите? — Света покрылась пятнами. — Он очень ранимый. Мне надо позвонить.

— Света, — сердито ответил ей муж, — я сейчас свяжусь с родителями, они сразу прилетят. Капитан, я имею право на звонок?

— Да. Вы оба имеете, позвоните с отделения, — старался успокоить их капитан, но ему это плохо удавалось.

— А сейчас с кем будет ребёнок? — испуганно вопрошала Света. И её испуг за свою кровинушку был понятен любой матери. Она глянула на Дилю, потом на меня: — Элла,

побудьте с нашим сыном сегодня. Я уверена, что утром уже свекровь будет здесь. Я прошу вас.

— А почему именно я? — удивлённо спросила я. — Света, вы же ко мне добрых чувств не питаете никаких, а хотите своего сына отдать.

— Элла, я знаю, что ты... — Света вдруг перешла на «ты», — что ты всё доступно объяснишь нашему сыну. Его нельзя травмировать. Прошу тебя.

Вместо меня ответил мой сын Глеб:

— Хорошо, Сергей, — обратился он почему-то к мужу Светы, — за ребёнка не беспокойся, он будет с нами. Я тебе обещаю, что с ним ничего плохого не произойдёт.

— Мальчика заберёт Элла Глебовна, — обратился капитан к супругам Лебедевым, — а вашу комнату опечатают.

Лебедевых увели. Глеб вместе с капитаном пошли в комнату к ребёнку. Глеб пообещал тому разрешить поиграть у себя в новую компьютерную игру и забрал мальчика к нам. Капитан опечатал их комнаты. Попрощался со всеми и ушёл, предупредив меня, что я ему понадоблюсь. Я сразу ушла к себе и не стала ни с кем общаться, обсуждать и муссировать эту тему. Остальные жильцы тоже разошлись. Стариков увёл Андрей. На всех навалилась такая тяжесть, что никто ни с кем не хотел говорить. Оправдывать деяние Лебедевых никому не хотелось: они убили человека, и это факт. Но, с другой стороны, поведение и поступки Наташи вызвали у всех мерзопакостные чувства по отношению к ней, недоверчу, которая, выбрав такую гуманную профессию, так и не смогла найти слова утешения для несчастной матери. Меня охватило двойное чувство ко всему тому, что сегодня произошло у нас во дворе. Мне искренне стало жаль Светлану... и Ольгу Афанасьевну тоже. Но я знала, откуда росли рога у такого стойкого неприятеля прививок. Это Ольга Афанасьевна внушила своей дочери: она всегда говорила о превосход-

стве народной медицины над традиционной, и мне всё пыталась дать советы. Здравое зерно было в её рекомендациях, но только в сочетании с назначениями врачей.

Утром раздался звонок.

— Элла Глебовна? — прозвучал незнакомый женский голос то ли утвердительно, то ли вопросительно.

— Да, это я.

— Я мама Сергея Лебедева. Наш внук у вас?

— Да. Он себя прекрасно чувствует.

— Он может ещё несколько часов побыть с вами? Понимаете, я прилетела одна. Сейчас я в милиции, беседую с капитаном Золотарёвым. Он мне и дал ваш номер телефона. Во второй половине дня прилетит муж с адвокатом. А к вечеру уже будут и родители Светы. Мы сразу заберём мальчика. Извините нас за беспокойство, — вежливым тоном попросила она меня.

— Элла Глебовна, мама вам кланяется, — капитан забрал у Лебедевой трубку и решил умаслить меня.

— И вашей матушке от меня большой привет.

...Жизнь всё расставила по своим местам. Время — плохой лекарь, оно не смогло залечить рану Светланы до конца, а только затянуло на много лет, и при малейшем дуновении ветра она стала кровоточить. Если бы доктор Наталья извинилась перед несчастной Светланой, посочувствовала ей, упала бы на колени перед матерью, потерявшей ребёнка, по её же вине, если бы раскаялась и сказала, что она ещё была молодым специалистом, плохо разбиралась в детских заболеваниях, верила этим дурацким мифам о прививках... если бы всё это сделала Наталья, то, может быть, она сейчас была бы жива. Ведь слово может и вылечить, а может и убить. Но Наталья этого не сделала. Теперь никто не узнает почему: то ли душа очерствела, то ли характер такой был. А впрочем, её никто не волновал, даже родители. Те тоже были ей нужны

до поры до времени. Эта глупая девчонка Ирка — жена Андрея — сразу это поняла. Нелюбовь Натальи ко всему тому, что ей невыгодно, Ира прочувствовала. Вот ведь жизнь!

Вечером пришли обе бабушки мальчика — мамы Сергея и Светланы Лебедевых. Их сопровождал капитан. Забрали ребёнка и все вещи Лебедевых. Капитан поднялся наверх проведать стариков. Я его выловила у двери и пригласила отужинать с нами. Капитан милостиво согласился — он прекрасно понимал, что я сгораю от любопытства и хочу узнать все подробности.

На ужин у меня были разноцветные голубцы по рецепту моей бабушки и мой любимый бакинский салат. Пока капитан ел, я его не мучила вопросами: уж как никто знаю, что мужчине надо дать наесться от души, а потом уж приступать к расспросам. Налив капитану и себе ароматного чая, я уже хотела было начать беседу, но капитан меня опередил:

— Ну что, Элла Львовна, задавайте свои вопросы, я же вижу, как вам не терпится, — тонко улыбался Золотарёв. — Власть поменялась: теперь вы спрашиваете, а я отвечаю, как на допросе.

— Боже упаси, Александр Сергеевич! Какой допрос? Просто маленький интерес.

Моё любопытство было вознаграждено. Проанализировав всё, капитан пришёл к выводу, что смерть Наташи не случайна: она умерла от асфиксии, при этом её предварительно ударили по голове бутылкой тут же, за столом, где спал в зюзю пьяный Женька. Это мог сделать только оскорблённый и мстительный человек. Получалось, что мотив был у Дили — она узнала, что Надыр обожал Наташу и каждый год ждал её приезда. Но капитан верил своей интуиции: Дили никак не тянула на убийцу. Андрюха был пьян, и у его семейства не было никакого мотива убивать Наташу. Ольга Афанасьевна давно сказала, что всё будет поделено

между детьми и их наследниками, а она знала, что говорила. Игорьку тоже не было никакого резона убивать Наталью и подставлять своего лучшего друга. И Золотарёв понял, что надо искать убийцу из Москвы — оттуда, откуда приехала Наталья. По всей видимости, пути Натальи где-то пересекались с жильцами, явившимися из столицы. А ими оказались мы и чета Лебедевых. И капитан начал копаться в нашем прошлом. Про нас я сама много рассказала Золотарёву. Разве я могу удержать свой язык — он же без костей. Но мне и скрывать нечего, вся моя жизнь как на ладони. Однако, отправив запросы во все инстанции, Золотарёв самолично убедился, что мы нигде не могли пересечься с Наташей, и мы с Глебом оказались вне подозрений. Оставались Лебедевы. У Сергея была бурная молодость, но капитан проверил все его связи и по бизнесу, и личные. Дороги Сергея и Наташи никогда и нигде не пересекались. Оставалась Светлана. Весь вид Светланы буквально кричал о её нравственности: голубые глаза с обожанием смотрели на ребёнка, по первому требованию выполнялись все просьбы мальчика, они всегда ходили втроём, видно было, что Света — очень хорошая мать и жена. Её ангельская внешность внушала только доверие. Но не у Золотарёва. Он узнал, что это у неё второй брак, в первом был ребёнок, который умер. Всё это заинтересовало капитана, и он искал причинно-следственные связи. Интуиция ему подсказывала, что здесь что-то нечисто, а своей интуиции он доверял. Золотарёв отправил запросы в архивы Минздрава, но ответа пришлось бы ждать долго, а у капитана не было времени. Вот тут он и обратился с просьбой к генералу — биологическому отцу Натальи. Тот решил всё за один день. Прочитав полученный ответ на запрос, капитан нашёл связь между Наташей и Светой. Светлана — простая женщина, как горбушка чёрного хлеба, посыпанная крупной солью, — не смогла удержаться и не

отомстить за смерть своего ребёнка через много лет. Боль её не утихла. А Наталья ещё больше распалила женщину. Она оказалась чёрствым амбициозным человеком, любившим в этом мире только ту, которую породила сама мука, — свою дочь. Остальные люди, даже родители, её не интересовали. Она использовала людей и считала всех виновными в своей несчастной судьбе, в своём одиночестве. И если бы она осталась жива, то её дочь тоже стала бы одинокой. Но история не знает сослагательных наклонений, нужно признать истинное положение вещей. И судьба расставила всё по своим местам.

Думаю, что московские адвокаты Лебедевых сделают всё возможное, чтоб супружеская пара получила минимальный, а возможно, и условный срок наказания. Не судите других, да не судимы будете.

Эпилог

Была ранняя осень. Мы — это я, Ольга Афанасьевна и Андрей, её внук, — тихонько шли к микроавтобусу, ждущему нас у ворот кладбища. Ольга Афанасьевна уже могла самостоятельно передвигаться, правда, с помощью тросточки и потихонечку. Другие старики уже сидели машине, а мы с Андреем, поддерживая Ольгу Афанасьевну, медленно брели и беседовали. Только что похоронили Николая Степановича. Старик умер во сне, тихо, незаметно, никого не беспокоя... даже полгода не прошло со смерти Наташи.

— Скоро и до меня очередь дойдёт, я ж на два года старше Коли, а живу, — тихо произнесла Ольга Афанасьевна. Она потеряла свой командный голос, говорила тихо, но внятно, как будто констатировала факты. — Грехи отцов падают на

плечи детей, и иногда так сильно, что дети не выдерживают. Может, Господь это делает в назидание другим, — продолжила она.

Я молчала, а Андрей, казалось, вообще не слушал. Все эти месяцы забота о стариках легла на его плечи, и он, как мог, старался. Мы с Глебом переехали с Яблонево́й — я после случившегося больше не могла жить в этом дворе. Благодаря маме капитана нам удалось снять хороший дом по приемлемой цене на берегу моря. С Ольгой Афанасьевной я периодически перезванивалась.

— Элла, я тебе говорила, что дом продала? — вдруг спросила меня она.

— Да, Ольга Афанасьевна, и даже сказали, что маленький домик себе присмотрели.

— И уже купила, тут, недалеко, — она указала рукой куда-то. — Вот здесь, в посёлке, чтоб на кладбище было к своим удобно ходить. Оставшиеся деньги внукам раздала. Усадьба у меня большая, денег много взяла, всё между внуками честно поделила. Да, Андрей?

— Да, бабушка, — рассеянно ответил он.

— У новых хозяев попросила отсрочку, сказала, что продаю с условием до лета пожить. Я знала, что Коля долго не потянет, так и получилось. Поминки сделаем на Яблонево́й, сейчас туда и едем. Диля с Ирой хлопчут там. Надо Колю достойно проводить, — свой монолог старая женщина произнесла тихо, с расстановкой, без дрожи в голосе и слёз в глазах. Я всегда поражалась выдержке этой женщины.

— Ольга Афанасьевна, как же вы одна будете? Извините, конечно, но возраст, болезни. Может, с Андреем поживёте?

— Она не одна будет, — вдруг вмешался в разговор Андрей, — она с дедом жить будет.

— С каким дедом, Андрей? О чём ты говоришь? — я расстроилась, решила, что Андрей забыл о смерти Николая

Степановича. Наверное, парень так устал, что не соображает, о чём говорит.

— С моим родным дедом, её первым мужем. Он сейчас один живёт в деревне, в Беларуси, в бабушкином доме. Дом ведь мой, он был отписан маме моей белорусской бабушкой. Сейчас там дед мой обитает и бабушку зовёт. Она всю жизнь хотела жить и умереть в родных краях. Так, бабушка?

— Правду говоришь, внучек. Где родился — там и сгодился. А летом приезжать будем — могилки проведать, вон их у меня сколько, — Ольга Афанасьевна повернулась лицом к кладбищу и посмотрела вдаль долгим взглядом...

Всё возвращается на круги своя.

Рецепты блюд от героев этой книги для моих любимых читателей

1. Рецепт от еврейской бабушки Эллы Глебовны — Разноцветные голубцы

Нам понадобятся:

- Фарш мясной, любой, на ваш вкус.
- Лук репчатый.
- Рис обыкновенный.
- Зелень (мята, кинза).
- Перец болгарский зелёный (количество — по числу едоков).
- Помидоры сочные (количество — по числу едоков)
- Баклажаны небольшие.
- Сушёная алыча, томатная паста.

1) Отрезаем у перца верхушки, очищаем от семян, промываем.

2) Отрезаем у помидоров шапочки, внутреннюю мякоть вычищаем в отдельную тарелочку, она нам пригодится.

3) У баклажанов срезаем верхушки, острым ножом очищаем от внутренностей (они нам не нужны), внутрь каждого баклажана засыпаем соль, выжидаем 5–10 минут, потом хорошо промываем, чтоб ушла вся горечь.

4) Приготовим начинку для голубцов. В мясной фарш добавляем перекрученный лук, мелконарезанную зелень и хорошо промытый рис, соль, перец.

5) На дно большой плоской кастрюли укладываем мясные косточки, желательно плоские. Начиняем фаршем все овощи и укладываем. Нижним слоем идут баклажаны, пересыпаем их сухой алычой, сверху слой фаршированных перцев, опять немного алычи и то, что у нас осталось в тарелочке после помидоров, третьим слоем идут помидоры. Разводим томатную пасту водой и заливаем всё. Сверху кладем плоскую тарелку, а на тарелку — груз (я обычно наполняю водой литровую банку — и на тарелку). Варим на среднем огне два часа. Красиво оформив наши голубцы на плоском праздничном блюде, подаём на стол. Приятного аппетита!

2. Пельмени, или Душпара от русской бабушки Эллы Глебовны

1) Тесто: мука, вода, соль, яйцо и немного растительного масла. Замешиваем крутое эластичное тесто, накрываем тканевым кухонным полотенцем и оставляем, пока готовится фарш.

2) Фарш готовим из смеси двух видов мяса, любого, на ваш вкус. Половину репчатого лука перекручиваем в фарш,

а вторую половину поджариваем на хорошем растительном масле на сковороде, потом добавляем томатную пасту и, как только остынет, соединяем с фаршем. Соль, перец — и начинка готова.

3) Раскатываем тесто и вырезаем кружочки стаканом армуды (грушевидным), они получаются маленькие, компактные. Кладём на серединку каждого кружочка фарш и лепим пельмени, заплетаем их косичкой, тогда они получаются совершенные — настоящие душпара. Предварительно готовим мясной бульон, процеживаем. Пельмени варим в этом бульоне и подаем в глубоких тарелках как первое блюдо, сверху сыплем немного душистой мяты или любой другой зелени. К душпара подаём соус, который состоит из выжатого чеснока и уксуса. Приятного аппетита!

3. Вкусняшка из шпината от мамы Эллы Глебовны

1) Пару больших пучков шпината хорошо промываем, бланшируем в кипятке пять минут, откидываем на дуршлаг и даём время, чтоб остыл.

2) Мелко нарезаем один репчатый лук и обжариваем в масле до золотистого цвета в большой глубокой сковороде.

3) У всех в холодильнике найдётся несколько кусочков вареной курицы или любого другого мяса, так вот, разберём всё это на волокна и соединим с луком.

4) Туда же добавим любую зелень, которая найдётся у нас в холодильнике, и уже остывший шпинат, дольём немного кипячёной воды и дадим всему этому потушиться.

5) Возьмём несколько яиц (чем больше, тем лучше), хорошенько их взобьём. Предварительно посолим и поперчим то, что у нас в сковороде, и зальём всё это многообразие кусков и запахов яйцами, накроем крышку и ждём.

6) Пока всё это шкворчит на сковороде, готовим в небольшой кастрюле рассыпчатую рисовую кашу и кушаем нашу вкусняшку из шпината с кашей. Приятного аппетита!

4. «Помидоры с яйцами» — самый лучший в мире завтрак от папы Эллы Глебовны

1) Нарезаем мелко один репчатый лук и обжариваем на хорошем растительном масле до золотистого цвета.

2) Берём несколько крупных сочных мясистых бакинских помидоров, некрупно нарезаем и добавляем к луку, тушим на сковороде под крышкой.

3) Несколько яиц разбиваем: желтки — отдельно, белки — отдельно.

4) Солим, перчим всё то, что в сковороде, и добавляем только белки, перемешиваем, пока не схватятся.

5) Потом сверху всё равномерно заливаем желтками, накрываем крышкой и ждём. Как увидим, что желтки схватились, сразу засыпаем мелко нарезанной кинзой и выключаем огонь. Всё, готово. Приятного аппетита!

5. Мини-пирожочки от свекрови Эллы Глебовны

1) Тесто готовим так: мука, соль и кефир. Всё помешали в чашке, немного помесили рукой (тесто должно пыхтеть как паровоз), накрыли льняным кухонным полотенцем и отложили в сторонку.

2) Начинки три вида.

Первый вид: картошку отварили, помяли. Лук мелко нарезали и пожарили на сливочном масле, посолили, поперчили и смешали с картошкой.

Второй вид: капусту белокочанную тонко нашинковали, потушили, добавили немного томатной пасты и любой зелени на ваше усмотрение.

Третий вид: свежую говяжью печень очистили от плёнки и отварили, потом перекрутили вместе с репчатым луком и поджарили обязательно на сливочном масле.

Три вида начинки готовы.

3) Ставим на плиту небольшой казан или глубокую чугунную сковородку, наливаем очень много растительного масла, чтоб пирожки в нём плавали. Отщипываем от теста небольшой кусочек, распластываем его на ладони как получится, потому что тесто мягкое, податливое, кладём на середину начинку, быстро защипываем — и в кипящее масло. И так один за другим мини-пирожочки жарим. Тают во рту. Приятного аппетита!

6. «Буглемэ, или Рыба по-еврейски» от деверя-нееврея Эллы Глебовны

1) Берём хорошую жирную белую рыбу (обязательно с головой), чистим, нарезаем. Только целую рыбу, ни коем случае не филе! Солим, перчим лимонным перцем. Рыба ждёт своей участи.

2) Чистим много репчатого лука (чем больше — тем лучше), нарезаем полукольцами, немного посолим — и в большой сотейник на маленький огонь. Тушим, если надо — доливаем воду. Через час можно немного масла оливкового, чтоб лук чуток поджарился и приобрёл золотистый цвет.

3) Тем временем замачиваем в воде сухофрукты: сухая алыча, чернослив, курага. Добавляем в сотейник к луку.

4) Сверху всего этого богатства укладываем рыбу, в первую очередь голову, доливаем воды и тушим на маленьком

огне до готовности рыбы. Можно есть и в холодном виде. На гарнир всё, что вам нравится. Но чаще всего едят без гарнира, чтоб не портить вкус блюда. Вкусно!

7. Кабачково-картофельные драники от Ольги Афанасьевны

1) Натираем на крупной тёрке пару кабачков (от кожуры очищать не надо) и несколько штук картофеля. Кладём на марлечку и даём стечь соку.

2) Две луковицы мелко нарезаем и жарим на сковороде до золотистого цвета.

3) Кабачково-картофельную смесь добавляем к луку, туда же немного манной крупы и одно яйцо. Хорошо перемешиваем.

4) Жарим на горячей сковороде как оладьи. Подаём со сметаной. Приятного аппетита!

8. «Узбекский плов по-приморски» от Надыра и Дили

1) В хорошем масле жарим лук, нарезанный полукольцами, до прозрачности и туда же добавляем филейные небольшие кусочки рыбы лобань (именно красное мясо лобани даёт такой вкус, и оно без косточек), быстро обжариваем, добавляем морковь, зиру и убираем в сторону казан.

2) Предварительно замоченный длиннозерный рис хорошо промываем, отвариваем в кипящей воде до полуготовности, откидываем на дуршлаг и хорошо промываем холодной водой.

3) В небольшой пиале разводим куркуму водой, насыпаем рис в казан, сверху льём полученную жёлтую воду по всей поверхности риса (ни в коем случае не заливать весь

рис водой!) и включаем маленький огонь. Ждём. Через полчаса проверяем. Если рис готов, то плов тем более. Вкуснота невероятная. Попробуйте сделать. Если нет лобани, то можно сёмгу. Приятного аппетита!

9. «Вегетодолма» от Карины, подруги Эллы Глебовны

1) Молодая капуста мелко шинкуется, туда же морковь, много зелёного лука, очень много зелени: шпинат, мангольд, щавель, петрушка, укроп, райхон. Всё мелко нарезается, вместе тушится и немного обжаривается на кукурузном масле, туда же добавляются несколько перетёртых помидоров. Всё солим и перчим по вкусу.

2) Отваривается немного круглого риса до полуготовности и добавляется к овощной смеси.

3) Обдаём кипятком сухие или маринованные листья винограда и начинаем формировать долму.

4) На дно кастрюли кладём некондиционные листья и послойно укладываем долму. Сверху тоже укладываем равные ненужные листья, чтоб пенка на них собиралась. Прикрываем всё тарелочкой плоской по размеру кастрюли, и сверху какой-нибудь гнёт. Заливаем кипячённой водой — и на маленький огонь. Через час наша вегетарианская долма готова. К блюду подаётся белый соус: в мацони добавляется раздавленный чеснок по вкусу и специи любые. Если нет мацони, то можно и кефир. Приятного аппетита!

10. Домашний салат от самой Эллы Глебовны

1) Настоящие сочные азербайджанские помидоры крупно нарезаются, к ним добавляются огурцы «Эстафета», на-

резанные кругляшами, туда же — нарезанные полукольцами болгарские зелёные перцы, и всё это — в очень большой для салата кухонный тазик, чтоб помешать можно было.

2) Нарезаем полукольцами красный ялтинский лук, белый кавказский лук и обыкновенный репчатый, а также большой пучок зелёного лука.

3) Головку чеснока очищаем, каждый зубчик мелко нарезаем — и туда же, а также пучок молодого зелёного чеснока. Туда же нарезаем один горький перец, предварительно очистив от семян.

4) Наступила очередь зелени. По среднему пучку кинзы, укропа, петрушки, зелёного райхона мелко нарезаем — и в салат.

5) Всё это солим, перчим и добавляем нерафинированное кубанское масло с запахом, специально для салатов (можно найти на любом рынке). Хорошо всё это перемешиваем — и в холодильник. В салатник положим потом. Вкуснота. Приятного аппетита! Всё.

Содержание

Эпилог	146
Рецепты блюд от героев этой книги для моих любимых читателей	148
1. Рецепт от еврейской бабушки Эллы Глебовны — Разноцветные голубцы	148
2. Пельмени, или Душпара от русской бабушки Эллы Глебовны	149
3. Вкусняшка из шпината от мамы Эллы Глебовны	150
4. «Помидоры с яйцами» — самый лучший в мире завтрак от папы Эллы Глебовны	151
5. Мини-пирожочки от свекрови Эллы Глебовны	151
6. «Буглемэ, или Рыба по-еврейски» от деверя-нееврея Эллы Глебовны	152
7. Кабачково-картофельные драники от Ольги Афанасьевны	153
8. «Узбекский плов по-приморски» от Надыра и Дили	153
9. «Вегетодолма» от Карины, подруги Эллы Глебовны	154
10. Домашний салат от самой Эллы Глебовны	154

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ И КНИГОТОРГОВЫЙ ХОЛДИНГ «НОВАЯ СТРАНА»

стремится дать дорогу начинающим авторам в мир современной российской литературы. Мы выпускаем любую печатную продукцию: коллективные сборники, литературно-художественные и детские литературно-познавательные журналы, альманахи, книги, газеты, учебно-методические пособия и любую другую полиграфическую продукцию.

Помимо этого, наш холдинг предлагает вам весь спектр специализированных типографских и печатных услуг по системе «всё включено»: от первичного набора текста до создания оригинал-макета и его тиражирования. Мы будем рады помочь активному продвижению ваших книг по всей территории Российской Федерации и в зарубежных странах в собственных торговых сетях «ЁЖ и К Амур», «Мастера искусства», в книжных сетях и отдельных магазинах издательств-партнёров, а также в интернет-магазинах.

Комплексная рекламная кампания может также включать в себя презентации в крупных городах России, а также в странах ближнего и дальнего зарубежья, адресный маркетинг книги в сети интернет, ваше участие под эгидой Издательского и книготоргового холдинга «Новая Страна» в крупных международных выставках-ярмарках и конкурсах, а также выдвижение книги на соискание различных литературных премий.

Вам наверняка есть что рассказать читателям. Мысли, слова, образы и идеи, воплощённые на бумаге, не должны оставаться забытыми и никому не нужными. Да, рукописи не горят, но вы имеете право быть услышанными и признанными. И с нашей помощью это станет возможным.

Не бойтесь трудностей, мы их преодолеем вместе.

Верьте в себя, и всё у нас получится!

Официальный сайт: <http://iddemalla.ru/>
Официальная группа Facebook: <https://web.facebook.com/groups/iddemalla/>
Официальная страница Instagram: <https://www.instagram.com/iddemalla/>
Электронная почта редакции: iddemalla-zayavki@mail.ru (для приёма заявок)
Электронная почта редакции: iddemalla@mail.ru (для расчёта индивидуальных книг)
Тел. редакции: +7 (977) 836-46-31, +7 (928) 303-24-94

Генеральный партнёр Издательского и книготоргового холдинга «Новая Страна» — Общероссийская общественная организация «Союз деятелей культуры и искусства».

Организация поставила перед собой глобальную цель — популяризацию творчества молодых талантливых людей не только в России, но и в зарубежных странах, осуществление поддержки на государственном уровне.

«СДКИИ» — за развитие культуры в стране и единение русского духа в мире! Мы верим, что сможем изменить мир к лучшему, имея в команде таких же единомышленников, как сами, тех, кому безразлично, как будут жить последующие поколения!

Официальная группа во ВКонтакте: https://vk.com/soyuz_sdkii
Официальная страница Instagram: https://www.instagram.com/soyuz_sdkii/
Тел.: +7 (977) 836-46-31, +7 (928) 303-24-94

16+

Литературно-художественное издание

Златогорская Элла

**ТЕНИ ПРОШЛОГО,
ИЛИ СИНХРОНИЗАЦИЯ ЖИЗНИ**

Книга 1

Детективный роман

Из серии

«Юная пенсионерка расследует дело»

Главный редактор *А. Иванникова (Дементьева)*

Редактор, корректор *Т. Оконеvская*

Вёрстка *М. Дьяченко*

Художник-оформитель *А. Дьяченко*

Подписано в печать 06.04.2020.

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 4,0.

Тираж 100 экз.

Издательский и книготорговый холдинг

«Новая Страна»

190020, г. Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134,

корп. 9, литера А, офис 304/3

Тел.: +7 (977) 836-46-31, +7 (928) 303-24-94

Официальный сайт: www.iddemalla.ru

Электронная почта: iddemalla@mail.ru, iddemalla-zayavki@mail.ru